

Валаамский патерик

Собор Валаамских святых

Преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы – 28 июня/11 июля. Перенесение мощей – 11/24 сентября.

Прп. Антипа Валаамский (Афонский) – 10/23 января.

Прп. Афанасий Сяндемский – 18/31 января.

Прмч. Петр (Козлов) – 15/28 февраля.

Прпмчч. Тит, схимонах Тихон, инок Геласий, инок Сергий, инок Варлаам, инок Савва, инок Конон, инок Сильвестр, инок Киприан, инок Пимен, инок Иоанн, инок Самон, инок Иона, инок Давид, инок Корнилий, инок Нифонт, инок Афанасий, инок Серапион, инок Варлаам, послушники Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Феофил, Иоанн, Феодор, Иоанн. Память – 20 февраля/ 5 марта.

Прп. Назарий игумен – 23 февраля / 8 марта.

Исп. Патрикий (Петров) – 11/24 марта.

Прпмч. Евфросин Синозерский – 20 марта/2 апреля.

Прп. Александр Свирский, обретение мощей – 17/30 апреля и 30 августа/12 сентября.

Свт. Игнатий, еп. Кавказский и Черноморский – 30 апреля / 13 мая.

Прп. Корнилий Палеостровский – 19 мая/ 1 июня.

Прмч. Таврион (Толоконцев) – 25 мая/7 июня.

Прп. Арефа Верхотурский – 10/23 июня.

Прп. Арсений Коневский – 12/25 июня.

Прп. Герман Аляскинский – 27 июля/ 9 августа. День праведной кончины прп. Германа Аляскинского – 15/28 ноября.

Прмч. Афанасий (Егоров) – 7/20 августа.

Прп. Савватий Соловецкий – перенесение мощей 8 21 августа, 27 сентября 10 октября.

Прмч. Адриан Ондрусовский – 26 августа/8 сентября.

Свт. Иоанн Новгородский – 7/20 сентября.

Прп. Александр Свирский. Обретение мощей – 17/30 апреля 30 августа/12 сентября.

Сщмч. Иувеналия – 11/24 сентября. День памяти Аляскинской епархии Американской Православной Церкви

Прп. Лев Оптинский – 11/24 октября.

Исп. Арефа (Митренин) – 24 октября/6 ноября.

Прп. Авраамий Ростовский – 29 октября/11 ноября.

Прп. Илия Верхотурский 30 ноября/13 декабря. Память отмечают в Екатеринбургской епархии.

Свт. Геннадий Новгородский – 4 /17 декабря.

Прмч. Андроник (Барсуков) – 7/20 декабря.

Прмч.Сергий (Гальковский) – 7/20 декабря.

Сщмч. Феофан, еп. Соликамский – 11/ 24 декабря.

Основатели обители – преподобные Сергий и Герман

I. Исторические сведения о преподобных

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергий и Герман, согласно церковному преданию, были греческими священноиноками, пришедшими в X веке во владения Великого Новгорода вместе с первыми православными миссионерами. Исторические сведения об основателях Валаамского монастыря скудны. Не раз во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. Во времена нашествий уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, не раз были сожжены и разграблены богатейшие монастырские библиотеки и хранилище рукописей. Утрачено и житие преподобных Сергия и Германа Валаамских. В XVI веке уже были утрачены многие исторические документы. Об этом свидетельствует древний синодик Валаамского монастыря, после разорения обители в 1611 году хранившийся в Староладожском Васильевском монастыре. Этот синодик является единственным историческим документом, написанным на Валааме, в котором отражено подлинное знание о первоначальниках обители. В синодике в списке игуменов упоминаются преподобные Сергий и Герман¹.

Свидетельством иноческого подвига Преподобных стали церковное предание и древние летописные памятники. Смысл иноческого жития преподобных Сергия и Германа состоял в просвещении светом Христовой веры языческих карельских племен, в утверждении Православия на Севере Руси, в основании монашеской обители, которая стала оплотом Православия в ранние века христианского просвещения. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время нашествия шведов в 1163–1164 годах. «В лето 1163. О архиепископе Иоанне. Поставиша Великому Новуграду архиепископа Иоанна Перваго, а преж были епископы. Того же лета обретены быша мощи и перенесены преподобных отец

наших Сергия и Германа Валаамских Новгородских чудотворцев при архиепископе Новгородском Иоанне...»². Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия и Германа в пределах Новгородской епархии.

Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия и Германа в пределах Новгородской епархии. Свидетельством их церковного почитания является наличие их в соборе Новгородских святых, упоминания в службе «Всем русским святым», составленной в XVIII веке, а также прориси и иконописный подлинник XVIII века. Текст подлинника гласит: «Сергий подобием сед, брада Александра Свирского ризы преподобническия, схима на плечах»³. Герман сед брада покороче Влаасиевы ризы преподобническия схима на плечах»⁴. «Сергий сед брада, аки у Александры Свирского ризы преподобническия на плечах схима. Герман сед брада, аки у Кирилла Белоезерского риза преподобническая на плечах схима»⁵.

В начале XVIII века были известны иконы преподобных Сергия и Германа⁶. Напоминание об утраченном житии преподобных встречается в многочисленных списках «Валаамской беседы» памятника церковной публицистики XVI-XVII веков. Зачало «Беседы» несомненно, является отрывком из Сентябрьских Миней, где повествуется о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (Карельских чудотворцев) из Новгорода в монастырь Всемилостивого Спаса по утишении военной опасности, по-видимому, в 1182 г., что подтверждается новгородскими летописными источниками⁷. Первоначальное место подвигов преподобных Сергия и Германа указывается на Святом острове. Так говорит предание, известное при игумене Ефреме во второй половине XVIII века⁸. Также данный факт подтверждает и шведский атлас, в котором на карте острова Валаама Святой остров именуется как *Vango Valamo* (Старый Валаам), и на этом острове указан крест.

В грамоте Новгородского митрополита Варлаама от 27 мая 1592 года излагаются некоторые правила Валаамского общежития: «Жить, по чину монастырскому, благочинно, смирно, безмятежно, по преданию отеческому и по закону преподобных Валаамских первоначальников Сергия и Германа общежительством. Закон и начало, изстари положенные в Валаамском монастыре, не разорять, но сохранить со всяким благоговением. Жить в согласии всей братии и слугам вкупе, единомысленно и меж себя в послушании. Монастырское содевать по совету с сбора всей братии. Без братского собора не должны действовать ни старец, ни слуга. Общину соблюдать по прежнему: платье и обувь давать по старине из монастырской казны как братиям, так и слугам. Казначея во всяком обиходе: приходе и расходе считать в правду по спискам»⁹.

Чрезвычайно широкое распространение «Валаамской беседы», известной во множестве списков XVI, XVII, XVIII веков, свидетельствует о высоком духовном авторитете основателей Валаамского монастыря, так как именно их духовными устами изложена позиция нестяжателей в известной церковной полемике XVI века.

В 1611 году монастырь был разорен шведами, и на острове жили шведские колонисты. В 1685 году, в царствование Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, шведы захотели откопать мощи преподобных и надругаться над ними, но Господь молитвами преподобных вскоре послал на них великий недуг и расслабление членов, поэтому они устрашились и над мощами их устроили часовню.

В этом же году архимандрит Тихвинского монастыря Макарий повергнул на имя Российских самодержцев следующие прошение: «Милостивые Государи и Великие Князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всяя Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы, пожалуйте нас, богомольцев своих, не дайте Великие Государи, тех святых Германа и Сергия Валааских, паче же и Российских древних преславных чудотворцев их мощем у проклятых Лютор в поругании быть: повелите, Государи, те святые мощи с того Валаамского

острова от их Лютерского поругания пренести в свое царское богомолие монастырь, дабы оне, проклятые Люторы, тем не возносилися и святым нашим поругания не чинили, и за сие бы от окрестных государств, которые ныне состоят в благочестии и содержат закон греческий, поношения и укоризны не было, паче же премудрый Господь Бог за сие Люторам на святыя наша попущение на нас праведного своего гнева не послал. Воистину, Великие Государи тии Святые Герман и Сергий Валаамские, чудотворцы преславные, еще живи быша, и тогда прорицаху настоящая, будущая, яже о сем Великии Государи, сотворите прилежное радение, дабы тех святых Германа и Сергия Валаамских, паче же Российских православных чудотворцев много чудесныя их мощи от проклятых Лютор в поругании не были. За сие же вашу государскую благую ревность и за прилежное тех святых Германа и Сергия Чудотворцев о вас молитвы подаст вам Господь Бог милость Свою, и покорит вам вся враги, возстающие на Православную нашу Христианскую веру под ноги ваша. О сем молим вас, милостивых и премилостивых Великих Государей. Мы богомольцы ваши, и милости просим, Великие Государи Цари, смилийтесь».

В 1764 году капитан Яков Яковлевич Мордвинов посетил Валаамский монастырь. В своих записках он описывает Святой остров, место первоначальных подвигов преподобных Сергия и Германа: «К Святому острову пристали с западной стороны, а в других местах пристать невозможно, понеже все каменные горы на утес, а где пристали, на берегу крест деревянный и восход на гору весьма крут. В половине горы часовня деревянная и в ней образы. Часовня поставлена и образы написаны при игумене Ефреме. Позади той часовни пещера в каменной горе, где преподобные спасались. Проход во оную тесен и проходили на коленях. Вшед в пещеру, можно стоять двум человекам. В оной стоит деревянный небольшой крест и лежат небольшие два камня, а над входом в оную пещеру висят отломившиеся от горы каменья, и некоторые лежат при входе, и видно, что упали с верха и расшиблись. По выходе из пещеры восходили на самую высоту горы, и проход весьма крутой, и над проходом висят каменья и деревья. Взошед на гору, площадь которой вся

заросши лесом, и погуляв на той горе, спустились к своему судну. Святой остров от Валаамского отделяется проливом широтою на одну версту»¹⁰.

В 1755 году игуменом Ефремом был выстроен новый деревянный соборный храм, в котором имелся придел преподобных Сергия и Германа. Тот же путешественник Мордвинов так описывает сам монастырь: «Монастырь построен на горе каменной церкви, колокольня и ограда деревянные. И всему оному монастырю взят план, и на плане означено: Соборная Церковь Преображения Господня. В ней приделы: с южной стороны святых апостолов Петра и Павла, с северной – святого апостола Иоанна Богослова, вверху, с юга – святого апостола Андрея Первозванного, с северу – святых праведных Захарии и Елисаветы, внизу, с южной стороны преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, где и мощи преп. под спудом, а сверху сделаны раки, и на раки их положены живописные их образы»¹¹.

К 28 июня 1789 года был выстроен освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев казначеем Иннокентием с братией, где мощи их почивают под спудом. В 1817 году архимандритом Коневского монастыря Илларионом была составлена служба преподобным Сергию и Герману Валаамским чудотворцам и напечатана в Синодальной типографии с приложением поучительного слова на память их.

В 1819 году, 20 октября, Святейшим Синодом было предписано общероссийское почитание Валаамских угодников и определены дни церковного празднования их памяти: 28 июня (11 июля н.ст.) и 11 сентября (24 сентября н.ст.).

Моши преподобных Сергия и Германа и ныне почивают под спудом в Спасо-Преображенском Соборе Валаамского монастыря. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере просящих и молящихся.

Основатели монастыря, преподобные Сергий и Герман, Валаамские Чудотворцы, не оставили нам своего жития, которое, несомненно, существовало. Сохранились лишь краткие

упоминания в летописях и древних рукописях. Но преподобные Сергий и Герман никогда не оставляли своего братства. Они продолжают свидетельствовать на протяжении тысячи лет свое незримое присутствие, охраняя своим молитвенным представительством Валаамскую обитель. Свидетельством их богоугодной жизни стало множество чудес и исцелений, подающихся по вере, просящих о молитвенном представительстве преподобных Сергия и Германа, которые продолжаются и в настоящее время.

В монастырском архиве, находящемся ныне в Финляндии, в Ново-Валаамском монастыре, сохранился сборник «Чудеса преподобных Сергия и Германа». Составлен он был по благословению игумена Дамаскина, выдержки из него приводим далее.

Великие угодники Божии преподобные Сергий и Герман и по своем успении продолжают подавать исцеления и творят многие чудеса, которые обильно изливаются от их цельбоносных мощей всем, с верой к ним приходящим.

II. Предание о святых мощах

Есть в Валаамской обители предание, идущее от старцев современных игумену Назарию, что когда сей благочестивый Настоятель созидал Соборный Преображения Господня храм на Валааме, то при рытии под основание его рвов видимы были гробницы преподобных Сергия и Германа, стоящие в склепе, прикрытом каменною плитою. Богомудрый игумен, несмотря на общее желание открыть сию Святыню немедленно при себе велел заложить камнем отверстие, через которое она была видима, и запретил даже об этом говорить, а между тем изустно сообщил о сем открытии Высокопреосвященному Гавриилу, Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому, и Святитель одобрил такое его распоряжение.

Следующее обстоятельство объясняет, почему так поступил старец Назарий и как глубока была его духовная опытность. Игумен Ионофан, управляя Валаамскою обителью, сказывал некоторым из своих приближенных, что, зная от очевидцев как несомненную истину помянутый случай, он, сделавшись Игуменом, возымел дерзостную мысль извлечь из недр земных богохранимые телеса Валаамских чудотворцев. Для исполнения сего пригласил некоторых из братии и тайною глухою полночь пришли к месту покоища Святых мощей, разобрали уже каменный свод над могилою Угодников Божиих и готовы были поднять плиту, покрывающую гробницы, но едва коснулись ея, пламень огненный наполнил могилу и остановил неугодна Господу предприятие.

Игумен и его сотрудники в благоговейном ужасе пали ниц и с чистосердечным расскаянием молили преподобных Сергия и Германа о помиловании. Огнь Небесный пощадил дерзостных. Они, уложив камни разобранного свода на плиту, вышли из могилы невредимы и долгое время случившееся хранили в молчании.

В таком виде оставалась верхняя часть могилы до игумена Дамаскина, который при поправке наружной раки, заметил беспорядочное положение камней, приказал оные вынуть, а

вместо их посыпать белым песком. Один из трудившихся в сем деле сказывал, что над могилою лежит каменная ровная плита длиною около четырех, а шириной до трех аршин и которая находится под самым тем местом, где в соборе стоит серебряная рака.

III. Явления преподобных сомневающимся инокам

3.1. При игумене Пафнутии стоящий у раки преподобных Сергия и Германа монах К. часто мысленно сомневался и смущался таким помышлением, что здесь ли, под спудом, обретаются мощи первоначальников нашей святой обители и чудотворцев Сергия и Германа или где-нибудь в ином месте? «Угодники Христовы! – часто говорил он, – хотя бы мне, грешному, во сне увидеть Вас. Ведь вот, я нахожусь постоянно у Вашей святой раки, а сомнение не оставляет меня, маловерного!

И вот, богоносные Отцы наши благоволили его утешить и успокоить его сомнение. Однажды, – говорил он, – помню, это было в декабре месяце, пришел я по своему обычаю раньше, чтобы привести все в порядок к вечерне. Отворив церковь, подошел к раке и по обычаю совершенно спокойно, ни о чем особенно не думая, стал кое-что делать и убирать. Вижу, лампада над ракой ясно горит. Тут мне пришла мысль в голову и явилось желание приложиться к преподобным. Не стал я обходить, как полагается, раку, а где стоял на левой стороне, то и стал прикладываться: сначала к преподобному Герману и только что вступил на ступени, как вижу ясно: в ногах у раки с правой стороны у аналоя стоит схимник в полной схиме. Со мной что-то произошло непостижимое и никогда мною не испытанное. При полном мире сердечном и спокойствии я почувствовал, что словно я без тела стал: сделался каким-то особенным, легким. Приложившись к преподобному Герману, иду на правую сторону раки и когда стал прикладываться к преподобному Сергию, то увидел тоже и на левой стороне, в ногах у раки стоит другой схимник. Тогда я, приложившись к преподобному Сергию, встал перед ракою и вот уже ясно вижу двух светолепных старцев-схемников, стоящих молча по бокам раки: причем преподобный Сергий как бы шевелился или поправлял свою схиму и мантию. Малое освещение от лампады не позволяло мне рассмотреть тогда тонкости, черты их лица, но все-таки, в общем, видны были их бороды, очертание лица,

носа и схимническое одеяние. В это время я, находясь в каком-то неизреченному, благоговейном духовном чувстве, подумал: неужели же я вижу Вас, преподобные Отцы наши Сергие и Германе! Господи, помилуй! Что же это такое?! Старцы Божии! Земнии Ангели и Божии люди! – воскликнул я и в радостном чувстве от избытка духовной радости и зримого видения упал на колени и в порыве чувств с благоговением положил земной поклон угодникам Божиим. Когда же я поднялся на ноги, то преподобные скрылись из моих глаз и стали невидимы. Не скоро я мог прийти в себя, настолько это сильно потрясло и поразило меня. Но когда я понял и убедился, что я, недостойный, сподобился видеть своих преподобных Отцов Сергия и Германа, тогда умилилось мое сердце, и слезы ручьем пролились из глаз моих. И я плакал несколько дней. Конечно, я старался скрыть свои слезы от братии и никому в то время ни слова не проронил о своем видении, а сам с тех пор сердечно уверовал, что угодники Божии тут же обретаются, и еще сильнее любовью привязался к ним.

3.2. Поведал нам монах Х., что когда он жил еще в новоначалии, то часто слышал среди молодых братий такие слова, что, дескать, наши преподобные отцы Сергий и Герман находятся не здесь, где стоит их рака, а где-нибудь в другом месте, а здесь, в соборе, их рака находится только для воспоминания о них и сами-то они еще неизвестно где положены.

Вот, наслушавшись таких речей, однажды я, стоя в церкви на хорах во время всенощной, когда читали кафизмы, стал об этом размышлять и, как бы соглашаясь с прочими, подумал: «А кто знает, может быть, и в самом деле преподобных-то здесь нет? Ведь Валаам-то велик! Они, может, где-нибудь и в другом месте положены? Но только что я успел это подумать, как в душе моей внезапно произошло какое-то изменение. Внезапно мое сердце умягчилось. Пришло некое Божественное умиление: пролились слезы из моих глаз, и душа моя исполнилась каким-то дивным духовным чувством. Взглянув на иконостас, я узрел с правой стороны у колонны преподобных отцов наших Сергия и Германа, стоящих по обеим сторонам иконы Божией Матери,

висящей на колонне, именуемой Валаамской. Одеты они были в мантии и полное схимническое одеяние. На схимах были видны кресты, и можно было прочитать слова: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный» и т.д. В руках они держали свитки. Лица их были постнические. Глаза чудные, голубые. Настолько вид их был дивный и божественный, что, кажется, глаз бы от них не отвел. Они смотрели внимательно на братию, как бы следя и наблюдая за ними. Я глядел на них, у меня слезы лились из глаз, а душа как-то неизреченно радовалась и утешалась, и горела любовью ко Господу и угодникам Его. От избытка своей радости, желая поделиться ею со стоящим рядом со мною иноком, я хотел показать ему виденное мною. Но только что успел я это подумать, как видение кончилось, и преподобные стали невидимы. По-прежнему висела на колонне только икона Царицы Небесной.

После этого видения у меня все помыслы и сомнения о местонахождении наших преподобных совершенно исчезли, и я твердо уверовал, что именно здесь, а не в ином месте, находятся угодники Сергий и Герман. Здесь они почивают своими нетленными и многоцелебными мощами, духом, будучи вне всего видимого и земного. Уверовал я, что они молятся за братию и помогают всем, с верою и любовью припадающим к их честной раке, облегчая их скорби и нужды и врачаю немощи и неисцелимые болезни.

3.3. Случилось мне, – говорил монах Калист, – слышать рассказ схимонаха Порфирия, как Господь сподобил его видеть преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. Накануне памяти перенесения честных мощей угодников Божиих благоговейный старец Порфирий во время всенощного бдения в храме преподобных, где почивают их нетленные мощи, стоял в проходе за алтарем, подле окна, напротив самого Престола на аршине, не более расстоянием от него. Вдруг видит во время величания по обе стороны Престола Божия двух светообразных старцев в схимах. Лучезарное сияние разливалось от них и озаряло священнослужителей и молящихся! При каждом возгласе священнослужителей: «Ублажаем вас, преподобные Отцы наши Серрге и Германе!»

старцы благословляли всех. По прочтении же Святого Евангелия оба вышли Царскими вратами из алтаря и, еще раз благословив предстоящих, стали невидимы.

IV. Явление преподобных схимонаху Иоанну

Схимонах отец Иоанн поведал нам о себе следующее истинное событие, приведшее его в монастырь. «Когда я еще жил в миру, и о монашестве и о монастырях не имел совершенно никакого понятия и помышления, так как жизнь проводил светскую, рассеянную, к религиозным вопросам был равнодушен, холоден и вообще духовным ничем не интересовался. Но Всеблагий Господь, не хотящий смерти грешника, коснулся Свою благодатью и моего холодного и жестокого сердца, и я, совершенно переменив жизнь свою, начал искренно молиться Богу, ходить в церковь, подавать посильно милостыню, соблюдать посты, читать Святое Евангелие и вообще стал верующим человеком. Тогда ненавидящий добро диавол напал на меня сильнейшей духовною бранью чрез хульные и всевозможно греховные помыслы, приводя меня в страшное смущение, иной раз доходящее до легкого отчаяния. Не имея совершенно никакого понятия, как в этой невидимой брани надо сражаться с врагом и отражать его, я страдал, мучился. Иной раз мне настолько становилось трудно, что я даже выбегал из дома на улицу в ужасе и страхе. Усердно я молился Богу об избавлении меня от этой ужасной греховной брани, умоляя Его избавить меня от этого страдания. И вот Всемилостивый Господь внял моей хотя и немощной, но усердной молитве и Божественною Свою благодатью чудесно освободил меня от этой бесовской брани чрез Своих угодников, преподобных Сергия и Германа, в обители которых впоследствии я удостоился принять святую схиму и жить до конца своей земной жизни.

Однажды, не помню в какой праздник, я, по своему обычаю сходив к ранней литургии и возвратясь по окончании ее домой, попив чайку, намеревался сходить и к поздней литургии. Но так как было еще рано, то я на краткое время, не раздеваясь, прилег отдохнуть и сейчас же, задремав, вижу такой сон ясный. Подходят ко мне два светолепных старца в схимническом одеянии: первый держал в своих руках Чашу и лжицу, а второй

– какой-то бархатный покров. Хорошенько я не мог рассмотреть, какой это был покров. Первый, подойдя ко мне, молча дал мне три раза лжицей из Чаши Святое Причастие, а второй покрыл мою голову покровом, держимым в своих руках. После этого я, сразу же проснувшись, ощутил в своей душе великую радость и глубокий мир душевный. Греховной браны в моей душе и следа не осталось, и я сердечно возблагодарил Всесвятого Господа за Его великую, ко мне, грешному, явленную милость. «И кто же эти святые старцы?» – многократно задавая себе вопрос, думал я. И вот, по прошествии нескольких лет, когда я промыслом Божиим приехал на Валаам, то, подойдя к раке мощей преподобных Отцев наших Сергия и Германа, Валаамских Чудотворцев, я сразу же узнал, что именно они-то ко мне и являлись. Когда же я жил в г. Баку на Кавказе, они-то именно меня, по милосердию Божию избавили от греховной душевной бури и таинственно призвали в свою св. обитель, где по дивному Промыслу Божию доживаю я свой век. И уже сам я стал схимником и насельником Святой Валаамской Обители».

V. Случаи спасения от потопления

5.1. Ризничий Валаамского монастыря иеромонах Агафонгел с чувством благодарности к угодникам Божиим Сергию и Герману за их покровительство и спасение от потопления рассказал о себе следующее: «В 1865 году, будучи еще мирянином, шел я из Кронштадта в Ораниенбаум. Была осень, и лед настолько был тонок, что едва держал человека. Со мной было еще семь человек. Когда мы прошли версты четыре, лед начал проваливаться. На моих глазах товарищи скрывались под водой и тонули. Помню, как один, прося о помощи, обещал отдать, не оставляя себе ни копейки, все свои деньги – 200 рублей. На его слова никто не обратил внимания, и он, как и другие, с раздирающими душу воплями ушёл на дно. Остался только я, ползя по проламывающемуся льду.

Предвидя неизбежную гибель, стал взвывать к угодникам Божиим Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, прося их помощи, и обещался, если они спасут меня, поставить им две по полтиннику свечки и самого себя посвятить на служение Господу в их святой обители.

В таких чувствах и молитвах к угодникам Божиим я уже не помню, как очутился на берегу в городе Ораниенбауме. Приехав в Петербург, немедленно пошел в Валаамскую часовню и исполнил обещание: поставил преподобным Сергию и Герману две свечки, а вскоре, на другой же год, и самого себя посвятил на служение Господу в их святой Валаамской обители».

5. 2. В Выборгской губернии крестьянин Матвей Петров осенью 1850 года, накануне праздника святителя Николая Чудотворца, был застигнут с товарищами на рыбной ловле в Ладожском озере недалеко от острова Мегорки, страшной бурей. Время было ночное, и погода час от часу ухудшалась. Гибель, казалось, была уже неизбежна. Матвей молитвенно призвал в помощь преподобных Сергия и Германа, обещая, что, если избавится от погибели, полгода будет трудиться в их святой обители бесплатно. И молитва его была услышана. Заступлением Валаамских чудотворцев Господь спас

утопающих. Они без вреда для себя были вынесены ветром к Сердобольскому берегу.

5.3. Осенью 1849 года судно купца Пикеева было застигнуто на Ладожском озере бурей и разбито. Находившийся на нем житель Выборгской губернии Евдоким Филиппов успел ухватиться за один из обломков, и трое суток его носило по озеру. Не видя ниоткуда помощи, Евдоким молил о спасении преподобных Сергия и Германа. Угодники Божии вняли молитве утопающего: Евдокима выбросило на берег около Обженского погоста в Олонецком уезде. Он был совершенно здоров. Лишь на следующий день обнаружилась на всем теле опухоль, но и та спустя две недели исчезла. 25 марта 1852 года Евдоким пришел в обитель воздать благодарение Валаамским чудотворцам за их помощь и поведал братии о своем спасении.

Игумен Назарий

I. Пустынька игумена Назария

На расстоянии одной версты от монастыря на восток по живописной дороге, усаженной аллеями пихт, лиственниц и других деревьев, под тенью зеленых рослых кедров стоит окаймленная с трех сторон дорожками смиренная келья игумена Назария. Келья каменная, покрыта железом, невысокая, в один этаж с подвальным помещением. В келью ведут два входа: парадный и черный, через коридор. Внутренность ее состоит из 5-ти небольших комнат и коридора, проходящего посередине. Отапливается келья 3-мя печами. В одной из комнат на стенах висят 5 портретов: три из них – Императора Петра I, митрополита Гавриила и игумена Назария – писаны масляной краской, два других – Императора Александра I и игумена Дамаскина – на бумаге.

Не без особых причин портреты этих лиц находятся здесь в келье. Все эти личности представляют некоторую достопамятность, потому что своим участием много содействовали восстановлению по вековом запустении разрушенного дерзкою рукою шведов Валаамского монастыря. По монастырскому преданию, Император Петр I, посещая в частых своих поездках Олонецкий край, посетил и Валаамский монастырь. Ознакомившись с удобством иноческого пребывания на пустынном, удаленном от селений острове, Император Петр I приказал возродить разоренную обитель. В 1718 году на пустынnyй остров прибыли первые инохи из Кирилло-Белозерского монастыря, и уже 13 марта 1719 года архимандритом Иринархом над мощами преподобных Сергия и германа была освящена церковь во имя Преображения Господня.

Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров) все свое архицерковское старание прилагал, чтобы устроить Валаамский монастырь и усовершенствовать в нем строгий устав иноческого жития, для чего и вызвал в 1781 году из Саровской пустыни отца Назария.

Игумен Назарий, как строитель Валаамского монастыря, в продолжение 20 лет неустанно трудился по благоустройству и введению строгих правил общежития в обители и как подвижник и обитатель этой пустынной келии.

Император Александр I много изъявил своих царских щедрот Валаамской обители. Он возвел монастырь в первый класс и пожаловал настоятелей бриллиантовым наперсным крестом для наследственного ношения при богослужении. Дозволив иметь в столице особое подворье, пожертвовал великолепные церковные ризы. В бытность свою в 1819 году на Валааме, Государь, посещая подвижника схимонаха Николая, недалеко здесь же, в пустынной келии подвизавшегося, вероятно, посетил и келию отца Назария.

Игумен Дамаскин в продолжение 42-х лет настоятельства на Валааме (с 1839 по 1881 гг.) привел обитель в самое цветущее состояние. Эту келию восстановил из развалин, благоукрасил всю местность, окрест нее выстроил великолепный храм, основал также новое кладбище для погребения младшей братии, паломников и первый почил в нем вечным сном.

В одной из комнат также хранится как достопамятность пожертвованный монастырю митрополитом Гавриилом деревянный токарный станок.

Каменная пустынька игумена Назария бережно сохранялась братией до 1940-го года. С началом советско-финской войны (1939–1940 годы) монастырь был подвергнут авиационным бомбардировкам советскими самолетами. После окончания войны 1939–40 годов Валаамский архипелаг отошел к Советскому Союзу. В марте 1940 года братия по приказу финского командования была эвакуирована в глубь Финляндии. В опустевших монастырских зданиях в 1940 году была размещена школа боцманов и юнг. А с 1952 года на территории Валаамского архипелага был размещен дом-интернат для инвалидов войны и престарелых. В середине 60-х годов каменная пустынька игумена Назария была разобрана до основания.

II. Начало монашеского пути. Саровская пустынь

Игумен Назарий родился в декабре 1735 года в селе Аносово Темниковского уезда Тамбовской губернии в семье причетника. Отца его звали Кондратом, а мать – Маврой. В святом крещении он был наречен Николаем. Деревню, в которой родился Николай, населяли великороссы. Находилась она в пятнадцати верстах от Кадома. Этот город являлся пограничным с Мордовией. В то время жители, населявшие эту область (мордва) еще оставались язычниками.

С самой юности, возлюбив Бога, Николай оставил мир и в 1752 году, имея от роду семнадцать лет, ушел в Саровскую пустынь. Здесь он пробыл три года. Услышав о подвижнической жизни епископа Астраханского и Ставропольского Мефодия¹², Николай отправился к владыке. 20 декабря 1761 года в присутствии преосвященного епископа Мефодия в Покровском монастыре Николай был пострижен в монашество с именем Назарий. Через год, 22 октября 1762 года, отец Назарий был рукоположен епископом Мефодием во иеродиакона. При епископе он нес послушание келейника. Впоследствии в своих письмах в Саровскую пустынь владыка Мефодий называет его своим воспитанником. 8 сентября 1764 года, получив увольнение из Астраханской епархии, отец Назарий возвратился в Саровскую пустынь.

В монастыре отец Назарий нес послушание, исполняя чреду священнослужения в церкви имел клиросное послушание, а также шил для братии камилавки. В 1776 году отец Назарий был посвящен во иеромонаха епископом Владимирским и Муромским Иеронимом. Строгое исполнение иноческого устава было всегдашей заботой отца Назария. Он вел постническую и нестяжательную жизнь, и вскоре о нем стало известно митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Гавриилу (Петрову)¹³ ревностно заботившегося о благоустройении монашеских обителей.

В начале 1781 года в письме к строителю Саровской пустыни иеромонаху Пахомию митрополит Гавриил просил о

высылке иеромонаха Назария для восстановления Валаамского монастыря и для заведения в оном устава Саровского. Отец Пахомий не хотел отпускать опытного монаха и отца Назария представлял как человека малоумного и неопытного в духовной жизни. Преосвященный Гавриил проник в тайну смирения Назарииева: «У меня много своих умников, – отвечал он отцу Пахомию, – пришлите мне вашего глупца». Таким образом, отцу Пахомию невольно пришлось отпустить смиренного подвижника, избранного Промыслом Божиим через архипастыря в оружие к восстановлению древнего Валаама.

Указом Консистории от 7 марта 1782 году отца Назария назначают строителем Валаамского монастыря с возведением в сан игумена. В грамоте, данной отцу Назарию, митрополит Гавриил объясняет, что «остров Валаам, по пустынному положению своему и святости жизни первых своих тружеников, самим Промыслом Божиим определенный к пребыванию в нем иноков, требует восстановления селений праведных на непреложных правилах, существующих в Саровской пустыни, и тем самым принесения жертвы Спасителю».

III. В должности настоятеля Валаамского монастыря

При вступлении отца Назария в должность настоятеля в монастыре не было ни одного иеромонаха, кроме него самого, а единственный монах и двое белых священников, из которых состояло все братство, по несчастному случаю утонули, так что около года отец Назарий один совершил богослужение. К тому времени монастырь пребывал в запустении. По воспоминаниям паломников, монастырские строения представляли весьма печальную картину. «Местоположение монастыря красиво и, можно сказать, величественно, — писал академик Николай Озерецковский, посетивший обитель в 1785 году. — Но монастырское строение ни мало ему не соответствует. Оно состоит из деревянной ограды, в которой церковь с колокольнею и монашеские хижинки, также деревянные... нынешние пустынники заслуживают иметь лучшую обитель». Теплая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и храм в честь Рождества Христова также сильно обветшали.

Одним из первых дел настоятеля было упразднение ярмарки, проходившей на Валааме каждый год в июне месяце. В прошении отца Назария митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу говорится, что при ярмарке бывает винная торговля, от которой в обители производится сильный беспорядок, особенно во время богослужения, слышны непристойные крики, пение песен и пляски. При содействии митрополита Гавриила в 1782 году последовал Указ Санкт-Петербургской консистории об упразднении ярмарки и запрете на винную торговлю.

Отец Назарий деятельно занялся в монастыре строительством. Он составил план каменного монастырского здания с келейными корпусами, расположенные четырехугольником¹⁴. План был утвержден митрополитом Гавриилом 10 февраля 1785 года, и в течение восьми лет с помощью благотворителей все монастырские постройки были возведены. На восточной стороне возвышался каменный двухэтажный пятиглавый собор с обитыми жестью крестами, а

над папертью его поднималась 18 саженая колокольня. По обеим сторонам собора над монастырской кровлей поднялись кресты и главы Успенской и Никольской церквей. При закладке собора с церковью в нижнем этаже во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских над нетленными их мощами было откровение будущему игумену Иннокентию. Возвратясь от заутрени, он вздрогнул в своей келии, и во время этого краткого сна Господь сподобил его видеть знамение того, что созидаемый храм есть жертва Богу приятная. Старец видел необычайное стечние народа в монастыре все ожидали прибытия Высокопреосвященнейшего митрополита Гавриила для положения основного камня. Вскоре явился сам владыка, облаченный в мантию и с жезлом архиерейским в руке. По обе его стороны шли два светолепных схимника. Приблизясь к месту, где почивают многоцелебные мощи преподобных Сергия и Германа, они остановились, осенили крестным знамением святую могилу и все пространство, предназначенное под строение, и стали невидимы.

Отец Иннокентий, проснувшись, тотчас же поведал настоятелю игумену Назарию о видении своем. Мудрый старец уразумел в этом видении благоволение Валаамских чудотворцев к возобновлению древней их обители, а в сновидце познал преемника и деятельного продолжателя своего подвига.

Нижняя церковь собора во имя преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, была освящена в 1789 году.

Для скитской братии в полутора верстах от монастыря были построены шесть каменных небольших келий и среди них небольшая каменная церковь.

В 1789 году игумен Назарий обратился к митрополиту Гавриилу с просьбой о строительстве новой каменной церкви в скиту. В своем письме он объяснял историю возникновения скита: «Когда в обители нашей жил преподобный Александр Свирский, имел уединенную келию не в дальнем расстоянии от монастыря, где после того построена была деревянная церковь во имя его, которая от долговременного стояния разрушилась, но чтоб оное место не пришло в забвение, то желаем на оном месте построить каменную небольшую церковь во имя Всех

Святых». Из этого приведенного о. Назарием монастырского предания следует, что впервые скит был устроен при жизни преподобного Александра Свирского на Валааме. Деревянная церковь уже существовала в XVI веке она указана на старинной шведской карте. В 1793 году в обители были освящены два храма: скитский во имя Всех Святых и во внутреннем монастырском каре справа от входа в Святые врата в честь святителя Николая Чудотворца.

Тогда же вблизи монастыря были построены два каменных дома для рабочих, каменный дом для приема странников и каменная пустынная келья для игумена Назария – место духовного отдохновения старца от тяжких трудов настоятельства. В том же году по Высочайшему повелению в монастыре была учреждена епархиальная больница на пять человек.

В 1794 году состоялось освящение Спасо-Преображенского собора и придела его во имя святых апостолов Петра и Павла, а в 1796 году по перестройке храма Успения Пресвятой Богородицы, который завершал четырехугольное внутреннее каре.

Благодаря попечению отца Назария обитель Валаамская возродилась из запустения. Игумен Назарий придавал большое значение не только внешнему строительству монастыря, но и устройству внутренней жизни. По воле митрополита Гавриила отец Назарий ввел в монастыре общежительный устав по образцу Саровской пустыни. Его стараниями и молитвами было введено строгое уставное богослужение, а также три вида монашеской жизни: общежительная, скитская и пустынная. Сам игумен в монастыре имел отшельническую келию, в которую иногда уединялся для сугубой молитвы.

5 марта 1786 года по повелению Государыни Императрицы Екатерины II Валаамский монастырь был включен в число штатных монастырей 3-го класса с игуменским настоятельством.

IV. Братство Валаамской обители

Со вступлением отца Назария в управление Валаамским монастырем начинается эпоха внутреннего возрождения обители. Известность добродетельной жизни в скором времени собрали на Валаам под мудрое управление отца Назария братию.

В 1790 году братство обители составляло 12 человек, из них четыре иеромонаха и два иеродиакона. Но уже через шесть лет братство возросло до 50 человек. Это превзошло ожидания самого старца Назария, который, нашедши монастырь почти без братства, считал за особенную милость Божию, если соберется к нему братии человек до тридцати.

Под духовным руководством отца Назария было воспитано немало подвижников, воплотивших в своей жизни лучшие черты старца: деятельный настоятель и в то же время строгий аскет архимандрит Макарий, настоятель Соловецкого монастыря, любители пустынного безмолвия и делатели молитвы иеросхимонах Никон-пещерник, схимонах Кириак, схимонах Николай, игумен Варлаам, продолжатели старчества и духовного окормления братии иеросхимонах Евфимий, близкий ученик иеромонах Иларион, духовник Саровской пустыни.

Ученики старца вспоминали, что между братией отец Назарий ввел строгий порядок монашеской жизни. Более же всего требовал он смирения как основного камня христианских добродетелей. Согласно слову Евангелия: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). И, желая действовать не одними только словами, но и примером, он трудился наравне с прочими: рыл гряды, сам ездил за сбором, лечил, навещал больных и печальных, беспрестанно учил братию, объясняя им Слово Божие. Он основал также скит неусыпаемых, где несколько отшельников попеременно день и ночь читали Псалтирь по усопшим. Зная же, что самонадеянность и уверенность в собственной святости часто возмущает умы не только простых иноков, но и схимников,

постановил, чтобы все они, во избежание духовной гордости, исповедывали ошибки и тайные помыслы свои друг другу.

Известный писатель А. Н. Муравьев, посетивший обитель в 1840-х годах, спросил схимника Феодора: «Каким образом спасались отшельники во времена о. Назария?» Он отвечал мне, что игумен, зная всю трудность сего подвига, ибо сам жил вне монастыря, в пустыне, строго заповедал схимникам приходить, исповедать друг другу все малейшие помыслы, какие только возникнут во глубине их сердца, чтоб не дать созреть им в одиночестве к погибели душевной. Были такие случаи, что из любви к ближнему отшельники иногда силою проникали в келии своих собратий и заставляли их сознаться в своем обольщении, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякого сообщения и почитали себя в высшей степени созерцания. Из скромных речей престарелого Феодора видна была его опытность в духовной жизни, полагавшая смирение основным камнем пустынной жизни.

Смиренный сам отец Назарий и всех приходящих к нему за помощью и наставлениями учил прежде всего смирению. Келейник митрополита Гавриила Архимандрит Феофан (Соколов) так вспоминал об отце Назарии: «...Преосвященный Гавриил спросил однажды отца Назария: кто у него хуже всех? Он отвечал: – Все хороши. – Ужели-то нет никого худого? – Владыко святый, я один. Случилось о. Назарию ехать через одно селение. Играют дети: он остановился, созвал их и спрашивает: «Что, кто из вас лучше всех?». Дети указали на одного мальчика: «Вот этот лучше всех!». «Почему?» – спрашивает он. «Он смирен, – отвечают ему, – ты его бранишь, а он ничего». «Так и вы перенимайте у него», – сказал о. Назарий. Он жил в пустыне семь лет. Я бывал у него. Он сапоги по шести лет нашивал, платье носил рубищное. В пустыне ему страшилища являлись. Он рассказывал, что однажды пришла ему мысль насеять репы: вот, дескать, будут приходить усердствующие, брать ее и получат исцеления. Как только он это подумал, вдруг почувствовал, что кто-то ударил его как будто палкою по голове, и так сильно, что он не мог на ногах

удержаться, упал и почувствовал сильный смрад и зловоние в воздухе, и кое-как ползком до обители дошел».

По поручению Святейшего Синода в 1794 году игумен Назарий из числа Валаамского братства благословил на трудный путь миссионерского служения на далеких Алеутских островах восемь ревностных и способных иноков¹⁵. В их числе был и преподобный Герман Аляскинский.

Благодаря непоколебимому основанию, заложенному отцом Назарием, Валаамская обитель в середине XIX столетия достигла своего расцвета. Святитель Игнатий Брянчанинов, посетивший Валаамский монастырь, так писал об обители в 1846 году: «По устройству своему в монашеском отношении Валаамский монастырь – верный снимок с монастырей первенствующей Церкви христианской. Он имеет монашествующих всех видов Восточной Православной Церкви, имеет и общежитие, и скит, и пустынников, и отшельников».

В начале XX века в монастыре насчитывалось уже более тысячи насельников. Валаам воспитал множество подвижников, безмолвных пустынников, кротких, смиренных, пламенеющих любовью к Богу молитвенников, обязанных своим духовным преуспеянием игумену Назарию, который и поныне не оставляет своей обители молитвенным представительством, ходатайствуя у Престола Божия о нынешнем ее братстве.

V. Попечение игумена Назария о возрождении Российских обителей

Вслед за Валаамским монастырем митрополит Гавриил начал преобразовывать по общежительному уставу и некоторые другие монастыри. В этом деле игумен Назарий был ему добрым и деятельным помощником.

Келейник преосвященного Гавриила иеромонах Феофан в своем письме от 22 декабря 1788 года строителю Саровской пустыни иеромонаху Пахомию писал: «Батюшка отец Назарий докладывал Его Высокопреосвященству, что в Сергиевской пустыни на Петергофской дороге, состоящей в 15 верстах от Петербурга, завесть общежитие и тем монашеское звание поправить... Его Высокопреосвященство благоволил и приказал о сем к Вам, батюшка, писать, чтоб дал настоятеля и братию человек до десяти. Отец Назарий рекомендовал отца иеромонаха Илария в настоятели не Астраханского, а другого, и братии же одного или двух иеромонахов, одного иеродиакона или двух послушников пять человек. Отец Назарий приказал написать: если дадите братию, то монашество устоит, а если не дадите, – говорит, – то уничтожится. Сие могу сказать и я, что справедливо. Ибо многие на Сергиеву пустынь соблазняются, а паче из господ, из чего заключают, что монахи тунеядцы и не полезные обществу». Так, стараниями игумена Назария в 1795 году в Троице-Сергиевой пустыни был заведен общежительный порядок. Со временем общежительное житие сложилось в десяти монастырях Новгородской¹⁶ и двух монастырях Санкт-Петербургской епархии.

По поручению митрополита Гавриила отец Назарий иногда объезжал общежительные обители. После очередной такой поездки отец Назарий докладывал: «По воле Вашего Высокопреосвященства в прошлом и нынешнем 1796 годах был я во многих общежительных монастырях, в коих слышал от настоятелей жалобы на новопостриженных монашествующих, что многие по пострижении, не выжив в том монастыре года, переходят в другой монастырь, а при том и без согласия

настоятеля, но и тем бывают недовольны и в том, проживше полгода, просятся в третий, чего как в нашем Валаамском, так и в новгородских монастырях происходит довольно, от чего происходит неустройство и делаются неспособными к продолжению монастырской жизни. Того ради прошу повелеть особым вашим приказанием снабдить все общежительные монастыри Санкт-Петербургской и Новгородской епархий, чтобы по пострижении монаху в том монастыре жить неотменно три года; по прошествии же трех годов, хотя переведен будет в другой, но и в том также должен жить три же года, от чего и может быть каждый монастырь в соответствующем благосостоянии, а равно и монах, выжив на одном месте три года, удобнее может быть к продолжению монашеской жизни. Переводить же из монастыря в другой как по желанию просителей, так и по воле обоих монастырей настоятелей. А паче чаяния, окажутся таковые, кои будут делать неблагопристойные поступки, как то противятся настоятелю и с прочими входят в ссоры, а другие и пьянствуют, от чего наводят на все монашество подозрение и бесчестие. Таковых повелите при рапортах высыпать Вашему Высокопреосвященству для препровождения в Соловецкий монастырь, где могут быть удобнее смиряемы». По благословению митрополита Гавриила Консистория разослала такое предписание по всем монастырям.

Деятельно проходя монашескую жизнь, отец Назарий хорошо знал и понимал нужды современного ему монашества. В деле афонского иеромонаха Арсения сохранилась докладная записка к митрополиту Гавриилу, в которой говорится, что валаамский игумен Назарий просит напомнить в Святейшем Синоде: об учреждении в Курском Коренном общежительном монастыре больничного штата, об утверждении синодальными указами общественных заведений всех общежительных монастырей и пустынь.

VI. Издание «Добротолюбия»

В XVIII веке Синодальные типографии России выпускали исключительно богослужебную литературу и проповеди. Однако монашествующим в возрождающихся обителях необходимо было еще иметь вернейшее руководство на пути спасения творения святых отцов. Игумен Назарий, прилагавший все усилия для возрождения русского монашества, понимал, как были необходимы такие книги. В России переводы творений святых отцов имелись лишь в немногочисленных рукописях. Великое сокровище, скрытое в писаниях святых отцов, необходимо было сделать общим достоянием.

Отец Назарий возымел к этому делу великую ревность. Его сподвижник архимандрит Феофан¹⁷ (впоследствии к ним присоединился и иеромонах Филарет, воспитанник Саровской пустыни) много рассказывал ему о великом старце Паисии (Величковском) и о его переводах святых отцов.

Для того чтобы получить переводы творений святых отцов, они писали к старцу Паисию через архимандрита Феодосия¹⁸ в 1780 – 1782 годах. В ответ на эту просьбу преподобный Паисий с полной откровенностью изложил в письме историю своих занятий переводами книг отеческих, историю, которая возбуждает невольное удивление к его необыкновенному трудолюбию и терпению в преодолении всевозможных трудностей, которые постоянно встречал он при своих занятиях и которые могла победить только его непреодолимая любовь к отеческим творениям. В письме старец Паисий со смирением признает, что все его переводы далеки от совершенства и потому неудобны для переписки, тем более для печати. Отказ этот свидетельствует о глубоком благоговении отца Паисия к творениям великих христианских мыслителей и духовных подвижников и о том, как мало ценил он свои собственные труды по их переводу. Но вполне уважая благочестивое желание отца Феодосия приобрести для обители переводы назидательных отеческих книг как лучшее пособие для преуспеяния братии в духовной жизни, он старался указать ему

вернейший путь к достижению этой цели. Он извещал, что бывший Коринфский митрополит Макарий, великий любитель книг, тщательно отыскивал на Афоне исправнейшие списки многочисленных отеческих творений и, составив таким образом замечательное собрание, отправился в Венецию, чтобы напечатать эти труды, и приводит это дело к окончанию.

Предприятию владыки Макария старец Паисий придавал важное значение и настоятельно просил отца Феодосия позаботиться о приобретении его драгоценных изданий. Через это, по мнению преподобного Паисия, оказано было бы великое благодеяние не только российскому иночеству, но и всему православному славянскому миру.

Именно так, как указывал преподобный Паисий, и поступил отец Феодосий. По выходе в свет книги «Филокалия» («Добротолюбие») в Венеции он приобрел ее и передал, как называет их старец Паисий, «богоизбранным и богоухновенным мужам, которые горят неизреченной любовью Божией к таким книгам» отцу Назарию и отцу Феофану. По получении этих книг игумен Назарий, следуя совету старца Паисия, обратился к митрополиту Платону, ректору Московской духовной академии, с просьбой о переводе «Добротолюбия». По благословению митрополита Платона эта работа была поручена переводчику, учителю греческого языка в Троице-Сергиевой семинарии Якову Дмитриевичу Никольскому¹⁹, отличавшемуся превосходным знанием греческого языка. Игумен Назарий предполагал издать всю книгу «Добротолюбие», состоящую из сорока книг, однако переведены были лишь двадцать шесть.

При издании «Добротолюбия» были использованы переводы как старца Паисия, так и другие переводы. В переводах старца Паисия встречавшиеся трудные для разумения выражения заменялись более ясными и общепонятными. Над изданием трудились, как свидетельствует предание, игумен Назарий, архимандрит Феофан, тогда еще иеродиакон Александро-Невской Лавры и схимонах Афанасий²⁰. «Они, – говорил митрополит Гавриил переводчикам, – хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из

опыта духовные истины, непостижимые одним только книжным учением, и потому правильнее вас могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге». В феврале 1791 года иеромонах Филарет²¹ и схимонах Афанасий были определены на Новгородское архиерейское подворье, где и проживали, трудясь над переводами. Иеромонах Филарет, являясь поверенным игумена Назария, выдавал переведенные книги для освидетельствования архимандриту Авраамию. К ним присоединился иеромонах Мефодий, посланный игуменом Назарием для окончания печатания «Добротолюбия». В 1797 году и сам отец Назарий прибыл для окончания второго тома «Добротолюбия». Также помощником отца Назария был наместник Новоспасского монастыря иеромонах Александр²².

В 1792 году игумен Валаамского монастыря отец Назарий подал прошение в Святейший Синод с просьбой об издании «Добротолюбия» на свой кошт, то есть на свои средства.

«Всепокорнейшее прошение

Из напечатаной 1782 года в Венеции еллиногреческой книги Филокалия, именуемой славянски Добротолюбие священномрзвения разных отеческих сорока книг с дозволения Святейшаго Правительствующаго Синода, члена Высокопреосвященнейшаго Платона митрополита в семинарии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры собственным моим иждивением на славянский язык ныне переведены шесть книг, а именно: первая – преподобнаго Антония Великаго «О правах человеческих и благом деянии», вторая – святаго Исаии отшельника «О благоговении ума», третья – преподобнаго Исихия Иерусалимскаго «О добродетели трезвения от помыслов», четвертая – Никифора монаха «Слово о трезвении и хранении сердца», пятая – преподобнаго Симеона Нового Богослова «Слово о вере и трех образах молитвы и внимания», шестая – Евагрия монаха «О образе монашескаго подвижничества и о различии страстей и помыслов и о трезвении», которые для благоразсмотрения Святейшему Правительствующему Синоду и представлены при сем. Да сверх оных внове, еще переводятся нижеследующие книги: 1-я – преподобнаго и Богоноснаго отца Марка Подвижника «О

законе духовном», 2-я – преподобного Григория Синаита «О страстях, добродетелях, безмолвии и молитве», 3-я – святого Максима Капсокаливита «Вопросы и ответы о молитве», 4-я – Лествица Феофана монаха о благодати, 5-я – преподобного Филофея Синайского «О трезвении и хранении сердца», 6-я – блаженного Феолипта Филадельфийского «О уединенном житии и о молитве», 7-я – блаженного Каллиста Патриарха «О молитве», 8-я – иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов «О молитве и просвещении сердца», 9-я – преподобного Петра Дамаскина две книги: первая – «О внимании, блаженствах, о телесном и духовном делании»; вторая, в двадцати четырех словах по алфавиту – «О добродетелях». Итого десять книг, которые в непродолжительное время окончены, быть имеют».

Рассмотрев прошение игумена Назария, Святейший Синод на своем заседании от 22 марта 1792 года вынес следующее решение: «Обозначенные из еллиногреческого под именем Филокалии, то есть «Добротолюбие», переведенный уже на российский язык, шесть книг в тетрадях отослать в Московскую Святейшего Синода контору при указе, с тем чтобы как сии ныне посылаемыя, так и переводимыя еще десять, по представлении их для освидетельствования с греческим оригиналом поручены были Московского Ставропигиального Заиконоспасского монастыря архимандриту и Московской Академии ректору Мефодию²³. И когда по тому освидетельствованию к изданию сих книг в печать никакого сомнения не окажется, тогда и напечатать их в Московской Синодальной типографии церковными литерами без киновари в два завода на кошт помянутаго Назария дозволить».

«Добротолюбие» печаталось с 25 июня 1792 года на двух станках: на одном первая часть (21 тетрадь), а на другом – вторая часть (16 тетрадей).

Со времени указа прошло девять месяцев, но рассмотрение выполненных переводов почти не двигалось. Обеспокоенный этим обстоятельством, отец Назарий обратился вновь в Синод с прошением поручить эту работу архимандриту Авраамию²⁴, настоятелю Ростовского Яковлевского монастыря.

«Покорнейшее прошение.

По дозволению Святейшаго Правительствующаго Синода и по усердию моему взял я на свой кошт перевод с еллиногреческаго языка на российский книг Филокалии, которая и переводится в Троице-Сергиевой Лавре под смотрением Московскаго Заиконоспасскаго монастыря ректора архимандрита Мефодия, но как я уведомился, что отец архимандрит Мефодий занят многими порученными ему делами, а потому не имеет свободнаго времени так скоро перевод показанной книги разматривать. Чтобы не было в печатании оной остановки Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, отец архимандрит Авраамий никакими особыми должностями не занят, то и желаю, чтоб книги Филокалии перевод для разматривания поручен был ему, который к оному усердие имеет.

Того ради Святейший Правительствующий Синод, покорнейше прошу разматривание переводов книги Филокалии поручить Ростовскаго Яковлевскаго монастыря отцу архимандриту Авраамию, а от отца архимандрита Мефодия взять, дабы не было в напечатании книги остановки, и о том учинить милостивую резолюцию. Генваря 19 дня 1793 года».

Указом Святейшего Синода это было дозволено.

21 января 1793 года игумен Назарий подал следующее прошение, в котором сообщал о том, что «переведены книги: 1-я – преподобнаго отца Кассиана Римлянина «Об осьми начальнейших злобы помыслах и о разсуждении», 2-я – преподобнаго отца Феодора Эдесского «Деятельныя главизны и слово о умозрении», 3-я – блаженного пресвитера Илии Екдика «Нравственный и о молитве главизны», 4-я – блаженного Диадоха, епископа Фотикийскаго «Деятельныя главизны», 5-я – преподобнаго Симеона Нового Богослова «Деятельныя главизны», 6-я – ученика его преподобнаго отца Никиты Стифата «Деятельныя и об очищении ума и о любви главизны», 7-я – слово блаженного Каллиста Тиликуды «О безмолвном пребывании», которые также желаю напечатать без отделения еще с теми, прежде переведенными и печатаемыми, вновь прося чтобы их освидетельствование было поручено архимандриту Авраамию».

3 февраля 1793 года отец Назарий сообщал в Синод, что «переводятся: 1-е – преподобного отца Нила Подвижника «О молитве» и слово подвижническое, 2-е – преподобного отца Иоанна Карпафийского «Увещевательные глава и слово подвижническое», 3-е – иже во святых Максима Исповедника «О молитве и богословии по смотрении Сына Божия», 4-е – аввы Филимиона «Слово зело полезное», 5-е – блаженного Каллисита Катафигота «О Божественном соединении и умозрении». Того ради Святейший Правительствующий Синод всенижайше прошу переведенныя 5 книг поручить о. Авраамию».

11 мая 1793 года в Москве в Синодальной типографии вышел перевод «Филокалии» под названием: «Добротолюбие или Словеса и главизны священного трезвения, собранныя от Писаний святых и богоухновенных отец, в немже нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Переведено с еллиногреческого языка».

В предисловии содержится обращение к читателю: «О возлюбленный читателю! Составися настоящая книга, сокровищница трезвения, стражбище ума, таинственное училище молитвы, книга деятельности, изящное изображение к видению, непрелестное путеводительство, рай отцев добродетелей, златая цепь, книга, частое разглагольствование со Иисусом...». И далее: «...приидите, вси елицы звания православного причастницы есте мирстии вкупе и иноцы сущее внутрь вас, Царствие Божие, и на селе сердца сокровенное сокровище обрести тщащиеся, еже есть сладкий Иисусе Христе...».

Дважды, 8 марта и 28 апреля 1796 года, обращался игумен Назарий в Святейший Синод с прошением, в котором, следуя завету старца Паисия, просил о рассылке нескольких экземпляров «Добротолюбия» по монастырям и епархиям. Также он просил Святейший Синод, чтобы ему предоставлено было право продавать изданное «Добротолюбие».

«...Но, поскольку сии книги для чтения наиболее приличествуют и полезны быть могут монашествующим, в таком

случае прочих епархий и монастырей монашествующие за отдалением их от Москвы и Санкт-Петербурга о продаже тех книг через долгое время и узнать не могут, а хотя и узнают, но, не имея способных к пересылке оказий для душеполезного чтения, получать их из Москвы никак не могут.

Того ради, Святейший Правительствующий Синод, соблаговолите в лавры и во все Великороссийские и Малороссийские, мужеские и женские монастыри и пустыни, как штатные, так и состоящие на своем содержании, повелеть прямо из Московской типографии разослать по нескольку экземпляров».

К сожалению, благому делу игумена Назария по распространению «Добротолюбия» не суждено было сбыться. По указу Святейшего Правительствующего Синода от 21 января 1797 года «Добротолюбие» было велено употребить в продажу вместе с прочими казенными книгами, а прошение игумена Назария о рассылке этой книги по епархиям оставить при деле без действия.

«Добротолюбие» разошлось не только по российским монастырям, но и за пределами России. Так, настоятель Нямецкого Вознесенского монастыря архимандрит Софроний²⁵ писал 12 августа 1797 года Марии Петровне Протасьевой, начальнице Арзамасской общины: «Книг Добротолюбия еще только три получены нами в Обители, но и о прочих надеемся, что Афанасий Никитич по своему к нам усердию, не оставит постараться прислать... О другой же половине Филокалии – что Бог устроит... Но по новости нынешней, в нашем Российском Отечестве от Бога устроенной, кажется верно: надобно ожидать таковым книгам так и всякой доброте... свободной отрады».

В 1798 году вышла вторая часть «Добротолюбия», в которую вошли творения Иоанна Карпийского, преподобного Диадоха, преподобного Никиты, блаженного Каллиста, преподобного Филимиона, Феодора Эдесского, Илии Екдика, преподобного Кассиана и преподобного Нила постника.

В 1822 году «Добротолюбие» было переиздано попечением митрополита Московского и Коломенского Филарета. Переиздания осуществлялись в 1832, 1840, 1851, 1857, 1880,

1902 и 2000 годах. Точная копия первого издания 1793 г. была напечатана в 1990 г. в Бухаресте под названием «Славянское Добротолюбие Паисия Величковского».

Игумен Назарий также предпринял попытку издать перевод поучений преподобного Исаака Сирина. По всей видимости, это был перевод старца Паисия (Величковского), законченный им в 1787 году²⁶. Рукопись была передана игумену Назарию, которую он и выслал в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию.. Но, к сожалению, при жизни о. Назария изданию этой рукописи не суждено было состояться. Вскоре отец Назарий был уволен от настоятельства, а рукопись попала к человеку неблагонадежному, который привез ее на продажу в Валаамский монастырь, и она была приобретена старцем Феодором. В 1821 году эта рукопись досталась старцу Льву Оптинскому, а впоследствии, старцу Макарию Оптинскому и уже им была издана в марте 1854 года.

Таковы труды старца Назария на поприще книгоиздания в России. Усилия, предпринятые отцом Назарием при издании этих книг, за скучными строчками архивных дел остались для нас скрытыми. Но благодаря его неустанным трудам «Добротолюбие» стало настольной книгой для многих ищущих спасения. По проторенной игуменом Назарием дороге впоследствии, спустя полвека, пошел оптинский старец Макарий. Им были изданы другие переводы старца Паисия, которые не успел окончить отец Назарий.

VII. Увольнение с должности настоятеля. Возвращение в Саров

В 1801 году в возрасте 66 лет игумен Назарий получил увольнение от настоятельства²⁷. Любитель пустынного безмолвия отец Назарий пожелал поселить в свою уединенную келию в версте от обители. Его занятием были непрестанная молитва и рукоделие. После трехлетнего пребывания на покое внешние обстоятельства понудили старца Назария оставить пустынную келию и Валаамский монастырь²⁸.

Оставляя Валаамский монастырь, о. Назарий пожелал посетить некоторые пустынные обители. А между тем многие его знакомые хвалили места, удобные к житию монашескому около станицы черноморских казаков. Туда и направился о. Назарий со своим учеником иеромонахом Иларионом. Путь его лежал через Воронежскую губернию. Впоследствии отец Иларион рассказывал об одном интересном событии, произшедшем с ними в пути. Приехав в одно село в день субботний, попросились они отдохнуть и переночевать в доме священника. Священник принял их радушно. Время пришло ко всенощному служению воскресного дня, но о. Назарий не заметил, чтобы священник готовился к службе. «Батюшка, разве у вас с утра правится воскресное служение всенощной?» Священник ответил, что он очень редко служит. «Хотя приход мой большой и раскола нет, но никто из крестьян не ходит в церковь в дни праздничные. Собираются только на игры на погост церковный, а в церковь и не заглянут, и храм всегда бывает пуст. Так охладели, а с ними и я обленился, думая, когда они не ходят в церковь, не для кого и совершать служение». О. Назарий заметил священнику, какую большую ошибку он совершает и что это искушение от врага спасения нашего.

«Если, прихожане ваши не исполняют своих важнейших обязанностей, то вы, пастырь, должны неопустительно выполнять обязанности ваши. Храм Божий никогда не может быть пуст. От времени освящения храма в нем находится блюститель Престола Господня Ангел. Если бы и прихожане

ваши не пришли к богослужению, то он всегда наполнен будет Ангелами, хранителями душ их. Так при всяком славословии Божием, по пламенеющей любви ко Господу Своему, Ангелы Божии первые бывают и сослужители, и сославословители, и они наполнили бы церковь в ваше служение.

Если бы вы, усердно исполняя свою обязанность, молились бы и о пастве вашей, то Господь по Своему человеколюбию согрел их сердца и обратил бы к покаянию и молитве. И что вы скажете в ответ в день Страшного Суда Божия за погибель паства вашей, когда вы со своей стороны не употребляете никаких мер для ее обращения и спасения?».

Тронутый до глубины сердца справедливым словом о. Назария, священник просил старца помочь ему исправиться. Отец Назарий говорит: «Теперь же, батюшка, пойдем в храм Божий. Велите благовестить ко всенощной и причетникам приготовиться к отправлению всенощного богослужения, а мы с о. Иларионом вам помогать будем». Действительно, вначале никого в храме не было. Потом собралось до десяти стариков и старушек. Шестопсалмие прочел о. Назарий, а кафизмы – о. Иларион. По прочтении Евангелия оно было вынесено на средину церкви, но прихожане по непривычке не шли прикладываться. Тогда старец рассказал о пользе освящения через поклонение Святому Евангелию.

После окончания богослужения отец Назарий рассказал прихожанам о необходимости и пользе молиться в храме Божием. Утром священник совершил Божественную литургию, и о. Назарий в обычное время читал по книге поучение. Народу к обедне собралось еще больше, чем к всенощной. Отдохнувши после обеда, старец видит, что на погосте вокруг церкви собирается народ для веселья. «Пойдем и мы, – говорит о. Назарий священнику, – возьмите Четью-Минею». Выбрав недалеко от церкви удобное место, они сели, и старец заставил священника читать вслух житие празднуемого в тот день память святого. Старики обрадовались, увидев о. Назария, и подошли первые. Он уговорил их сесть и послушать жития святых. Изредка останавливал чтение и говорил от себя наставление.

На другой день был праздник Тихвинской иконы Божией Матери, и священник по совету старца служил всенощную и литургию, как и во все последующие праздники. Прихожан в церкви день ото дня становилось все больше. О. Назарий по просьбе священника прожил в селе более двух недель, не упуская ни одного случая беседовать и наставлять истинному христианскому благочестию как крестьян этого селения, так и приходивших к старцу из соседних деревень. Священник, сделавшись его духовным сыном, со всем усердием исполнял наставления о. Назария, видя в нем орудие, Богом посланное для спасения его и вверенной ему паствы.

Спустя некоторое время старец, простившись со своим новым духовным сыном и с полюбившими его прихожанами, отправился в путь к станицам черноморских казаков. Посетив местные монастыри и пустыни, старец не нашел их пригодными для тихой молитвенной жизни, да и нравы местных жителей не были особенно благочестивы²⁹. Поэтому старец решил вернуться в Саровскую пустынь, где было положено им начало монашеского жития.

На обратном пути отец Назарий навестил своего духовного сына. К радости старца, его труды не остались напрасны. В праздничные дни церковь уже не вмещала множество народа, и паперть была наполнена молящимися. Проведя некоторое время в том селении, о. Назарий собрался в путь. Проводить своего старца, отца и благодетеля пришли все прихожане не только этого села, но и окрестных сел.

Когда отец Назарий вернулся в Саровскую пустынь, некоторые монахи стали его укорять, почему он не сдержал своего слова навсегда остаться на Кавказе и опять приехал к ним? Старец со смирением отвечал: «Простите меня, старцы святые. Обезумел, вошел в прелесть самовольства, но как батюшка Сладчайший Иисус меня, дурака, проучил, попотчевал беспрестанными лихорадками, да раз такую чарочку поднес, что я вниз головой полетел с верхней келии. Думал, что тут же и душа из меня выйдет. Тогда и положил твердое намерение возвратиться в Саров, где начал иноческую жизнь мою... Примите, ради Бога, не зазрите бестолкового Назария».

Кротость и смижение старца Назария были необыкновенны. Рассказывают, что однажды в дороге заехал он по неведению ночевать к разбойникам. После ужина, отобрав лошадей и повозку у своего гостя, хозяин стал заставлять его ложиться спать. Бывшие с ним работник и его ученик отец Иларион, чувствуя, что попали в западню, не знают, что делать и в страхе уже ожидают смерти. Отец Назарий, спокойно сев к столу, стал рассказывать хозяевам назидательные поучения об обязанностях к Богу и людям, о будущей жизни, награде добрым и муке злых после смерти. Но у слушателей не то на уме: двое из них, подойдя к печке, начинают точить большие ножи. Отец Назарий видит эти приготовления и продолжает свою проповедь. Хозяин, потеряв терпение, стал сердиться, требуя, чтобы гость скорее ложился спать и дал покой домашним. Но твердый старец, не обращая внимания на его слова, взял молитвенник и стал читать монашеское правило: кладет поклоны и так молился до рассвета. «Ну: мой любезный, – говорит он тогда хозяину, – спаси тебя, Господи, за любовь твою и угощение. Прикажи-ка вывести повозку и лошадей наших, нам пора ехать». И тот, хотя с бранью, но лошадей отдал. Запрягли, надо выходить. А у дверей встали двое сыновей хозяина с ножами в руках. Отец Назарий, помолясь Богу, смело подошел к ним, беспрестанно благодаря за ночлег и покой, ему доставленный. Обезоруженные кротостью и спокойствием духа чудного странника, разбойники в раздумье выронили ножи из рук и стояли неподвижно. Отец Назарий со своими спутниками свободно вышел из дома и сел в повозку. Но только хотели они тронуться с места, вдруг хозяин кричит: «Остановись батюшка! Скажи, пожалуйста, что ты за человек, что на тебя руки не подымаются и какая же сила удерживает нас?». На это старец кротко ответил: «Ты видишь, что я монах. Это сила Божия не допустила сделать мне зла, и она же непременно накажет тебя за преступления, если не оставишь их и не будешь жить, как должно добром и честному крестьянину». Продолжая свои обличения и наставления, отец Назарий до того привел в чувство хозяина, что тот раскаялся в прежних поступках и

впоследствии сделался ревностнейшим христианином со всем своим семейством.

Прибыв в Саров по любви к безмолвию, о. Назарий устроил себе в лесу при речке Саровке, недалеко от обители, пустынную келию. Когда позволяли силы, любил он в ночное время ходить по лесу и на память совершать молитвенное правило двенадцати псалмов, а с восходом солнца возвращался в свою келию. Не раз случалось ему в ночное время в дремучем лесу встречаться с медведями, но никогда они не нападали на него. Он безбоязненно ходил, предаваясь всегда на волю Божию.

Многие отшельники приходили к нему открывать свои помыслы. Наставления опытного в духовной жизни старца они принимали как глагол Божий. По благословению и под руководством старца Назария в Тамбовской и Нижегородской епархиях образовались женские монашеские общины. Монахини также обращались за наставлениями к старцу. В своих письмах к сестрам старец писал: «Велия высота – смиление! Знатное достоинство и честь – смиренномудрие! Нет смиренного выше и худшего у Христа славнее, по свидетельству истины».

«Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: хощу рещи пять слов умом, нежели тысячу языком. Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить. Что за радость! «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Господи! Кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого все силы трепещут! Иисусе Христе, Сыне Божий! Ты ради меня кровь Свою излиял, спас меня, сошел на землю Христе, послушлив был даже до смерти, смерти крестной. Помилуй и меня, грешную, прости за Себя, виновную во всем». Отражай всякие помыслы, ратующие на тебя именем Иисуса».

«Бога ради, обучайтесь, старайтесь! Пустынные горлинки! Пустыня что значит? Совесть незазорная, ум, очищенный молитвою. Поста не теряй, а пост с молитвой труда не теряет!

Сколь добро и сколь красно, еже жити братии вкупе! Я не знаю, как вы, а я себя так чувствую, что всем я должен и перед всеми я виноват. Можно ли после сего на кого оскорбиться?»

«Я три года не знал скорби и столь навык посту, неизглаголанному удручению плоти, что думал: в том вся добродетель. Как пришли ко мне три сестрицы: уныние, скука, печаль, тут-то я познал и не знал, как угостить их. Стал изнемогать. Потом научился, говоря: «Гости мои дорогие! Милости прошу!» Вот зажгу свечку, помолимся: «Боже милостив буди мне, грешному! Создавый мя, Господи, помилуй! Без числа согреших, Господи, прости мя! Как воззрю к Твоей благости? Какое начало положу исповедания? Владычица, Богородица! Помяни раба Твоего!» Гости мои бегом, а я говорю: «Матушки погостите! Нет, уже не догонишь!» Когда придет вам горячее желание много молиться, то немного молитесь и четки от себя отложите, а когда леность, тогда-то подлинно до пота молиться полезно».

«А как к матушке игуменыи нужно будет идти, помолитесь: «Господи: благослови меня идти к матушке, научи меня, чтобы она у меня, грешной, выслушала». А когда придешь, скажи: «Матушка вот я чего желаю, но не делай по воле моей, а по воле своей». Если с сестрой надобно говорить, возведи ум свой к Господу и так молись: «Благослови меня мой Спаситель, с сестрой поговорить и научи меня, чтобы она приняла слова от меня грешной». А то вы все своей силой делаете».

«А вы все мои слова напишите на скрижалях сердца в незабвеннную память. Высших ищите, идже есть Христос... горняя мудрствуйте, а не земная. Делайте дондеже, день есть, да тьма вас не постигнет. Боголюбивому человеку ничто же потребно, кроме Бога: если Бога приобряще, довлеет ему. Один святойечно плакал: «Покой ты мой, покой небесный! Где тебя найти?... Только в кресте, да во Христе! »

VIII. Кончина

Через пять лет после своего возвращения в Саровскую пустынь игумен Назарий отошел ко Господу 23-го февраля 1809 года семидесяти четырех лет от роду в своей келии на берегу речки Саровки. В день кончины братия застала его в живых, но он уже не мог сказать ни слова. Скончался он в шестом часу пополудни. Тело его было погребено у алтаря теплой церкви рядом с могилой его духовника иеросхимонаха Варлаама.

На могиле блаженного старца почитатели и духовные чада поставили памятник с трогательной надписью:

Назарий прахом здесь, душею в небесах,
И будет незабвен в чувствительных сердцах,
В которых он вместили священны те таланты,
Пред коими ничто мирские адаманты.
Покойся, отче, здесь без скорби и рыданья,
Доколь наступит день комуждо воздаянья.

IX. Почитание старца Назария

Как писали ученики старца: «Вся жизнь отца Назария была подвигом. Строгое исполнение иноческого устава было всегдашей его заботой. Душа его была так проникнута мыслию о Божественных предметах, что единственным содержанием его бесед было слово о пользе души. О делах мирских он никогда не говорил. Но если отверзал свои уста, то говорил только для пользы вопрошившего. В разговорах с учениками постоянными темами были: о подвигах против страстей, о любви к добродетели. Часто в разговоре как сам он, так и слушающие забывали время в усадительной беседе. Слова его были правдивы, прямы, даже резки. Без слова Божия, как основания, не любил он начинать разговоров. Так учил и других, чтобы душеспасительные советы основывать не на своем разуме, но на слове Божием. Строгий и как бы недоступный по виду, он своими словами привлекал сердца всех в любовь и послушание к нему. Смиренный сам он и всех, которые просили у него наставления, прежде всего учил смирению».

Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил особенно любил и почитал отца Назария. Сохранилось предание, что в царствование Императрицы Екатерины II³⁰ во время морского сражения со шведами, бывшего недалеко от Петербурга, к митрополиту Гавриилу, уединившемуся для молитвы о победе над врагом, внезапно пришел старец Назарий. о. Назарий сообщил Владыке, чтобы он утешился надеждой: враг будет побежден и город от разорения спасен. И даже указав ему на небо в стороне моря, показал, как на светлых облаках восходят на небо души воинов, положивших живот свой за Церковь, Царицу и Отечество. Предание прибавляет, что митрополит Гавриил немедленно обратился к Императрице с утешительным и обнадеживающим словом и что впоследствии, когда предсказание оправдалось победой наших войск, она милостиво приняла вместе с митрополитом и старца Назария.

Сохранилось и другое монастырское предание. Однажды отец Назарий был по монастырским делам в Петербурге и шел с другим старцем по Выборгской стороне. В это время Великий Князь Павел Петрович (впоследствии Император) выехал за Неву-реку. Увидав старцев в убогом рубище, он спросил: «Откуда вы и что за старцы?». И, узнав, что один из них был игумен Назарий, благодарил его за успешное восстановление Валаамского монастыря, так как он уже слышал многое доброго о старце Назарии, славившемся духовной опытностью и попечительностью о благе обители.

Еще об одном случае рассказывали келейник преосвященного Гавриила отец Мелхиседек и келейник отца Назария иеромонах Иларион. В царствование Государя Императора Александра Павловича старца Назария в Петербурге пригласили в дом одного сановника К., в то время попавшего в немилость Императора. Супруга сановника стала просить старца помолиться об ее муже, чтобы дело благополучно для них завершилось. «Хорошо, – отвечал Назарий, – надо помолиться Господу, чтобы наставил Государя, но надо попросить и приближенных Его». Жена, думая о начальниках своего мужа, говорит: «Мы уже всех просили, да что-то надежды мало». «Да вы не тех и не так просите. Дайте мне немного денег». Та вынула несколько золотых монет. «Нет эти мне не годятся, нет ли медных или маленьких серебряных?». Она велела подать и тех, и других. О. Назарий взял деньги и ушел из дома. Целый день ходил он по улицам и раздавал милостыню нищим. К вечеру, вернувшись в дом К., с уверенностью сказал: «Слава Богу! Обещали все царские приближенные за вас». Обрадованная жена сообщила больному от скорби мужу, и сам К. благодарил о. Назария за ходатайство перед вельможами. Не успел старец отойти от постели К., как пришло известие о благополучном окончании дела. К. от радости почувствовал облегчение от болезни и спросил о. Назария: кто из приближенных Государя был к нему более благосклонен? Тут он узнал, что это были нищие, по словам старца, приближенные Господа.. Глубоко тронутый

благочестием игумена Назария сановник К. навсегда сохранил к нему благоговейную любовь.

За духовным советом к старцу Назарию обращался будущий оптинский старец архимандрит Моисей: «Поблагодарите за почтенныя писания ко мне бывшаго игумена Назария, отца моего Илариона, отца Владимира. Я постараюсь все то исправить, о чем писано отцом игуменом...»

Игумен Антоний (Бочков), настоятель Малоярославецкого монастыря, писал игумену Саровской пустыни: «...просил, у Вас о жизнеописании преподобного отца Назария, игумена Валаамского, о коем и ныне прошу Вас и молю утешить меня присылкою онаго, за что Вам, смиренный мой поклон будет лицом до земли...». «Чувствительно благодарю Вас, батюшка, за присланныя жизнеописания великих старцев Назария и Серафима, которых я, не видевши ни разу, душевно чту и поминаю».

Игумен Дамаскин

Часть 1

(1795 – †23 января/5 февраля 1881 год).

Игумен Дамаскин (в миру Дамиан Кононов) родился в 1795 году в крестьянской семье в деревне Репенки Мичковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. С юных лет Господь вдохнул Своему избраннику благие чувства идти по пути заповедей Его. Будучи младенцем, Дамиан пострадал от перелома ноги: родители, уходя в поле, оставили мальчика на попечение семилетней сестры, которая, неся брата на руках, по неосторожности упала с ним и повредила ему ногу. После этого Дамиан с трудом мог ступать ею. В раннем отрочестве Дамиан отличался скромностью и до того был робок, что, по его собственным словам, боялся даже людей. В 1816 году, будучи 20 лет от роду, испросив благословение родителей, которые по житейскому обычаю увещевали его жениться, он отправился с паломниками в Киев. И совершилось чудо: по выходе из родного дома Дамиан тотчас почувствовал облегчение от боли в ноге и легко пришел в Киево-Печерскую Лавру. Здесь нога совершенно исцелилась и никогда с тех пор не болела. Через год, томимый духовной жаждой, боголюбивый Дамиан отправился в Соловецкий монастырь. В Андрушовской пустыни он услышал о Валаамской обители и захотел ее посетить. По дороге на Валаам юноше повстречались белобережские старцы – схимонах Феодор³¹ и иеромонах Леонид³². И эти честные отцы, прозревая в нем не простого странника, поклонились ему. Такое смирение старцев запомнилось Дамиану на всю жизнь. Но не пришло еще время остаться ему в обители: он посетил Коневец, Тихвин и затем благополучно возвратился на родину.

В 1819 году Дамиан вновь прибыл в Валаамскую обитель при игумене Иннокентии. По совету встретившегося ему на пути в скит Всех Святых монаха Феодорита, Дамиан посетил старца иеросхимонаха Евфимия, который, провидя духом, что пришедший к нему будущий светильник Валаама, встретил его земным поклоном. Смирение старца так поразило Дамиана, что он растерялся и только смог сказать старцу: «Желаю спастись.

Научите». Отец Евфимий, много поговорив на пользу, благословил остаться на Валааме и послал его проситься к отцу Игумену. Отец Игумен Иннокентий принял и определил его в число братства, а для руководства в духовной жизни назначил ему старца Евфимия. Вступив в число братства, Дамиан проходил разные послушания: шил сапоги и рукавицы, месил квашню в хлебной, кормил нищих. Несмотря на трудности послушания, не оставлял и правила церковного и, руководимый опытным старцем отцом Евфимием, прилагал труды к трудам. Отец Дамаскин впоследствии вспоминал, что, когда его определили в нарядчики рабочих, у него келия была на втором этаже, и ровно в полночь к нему под окно приходил старец Евфимий и стучал специальной раздвижной палкой до тех пор, пока Дамиан не отвечал ему стуком в раму. Каждую ночь до службы он всегда читал монашеское правило, не зажигая огня. В кельи у него ничего не было, кроме образа и книги, так что Дамиан и не запирал ее. Из мебели стоял стол, две скамейки на трех ножках, которые он сам сделал, и две доски, которые днем стояли в углу кельи, а на ночь их клали на скамейки, и это составляло монашескую кровать, мочальная подушка и войлок. Был у него чулан, в котором мазали сбрую. Там он исправлял молитвенное правило, клал поклоны и читал Акафист Божией Матери.

1823 года, на Рождество Христово, Дамиан был пострижен в рясофор и с этого времени положил начало на всякий день испытывать свою совесть. Почти ежедневно приходил он к старцу для духовного совета и откровения своей совести. Старец Евфимий мудро вел молодого инока наверх совершенства. Так он не позволял ученику своему иметь ни малейшего пристрастия к вещам и заводить у себя какую-либо собственность в келии. Однажды старец увидел у него в келии икону, которой его благословили родители. Испытывая ученика, насколько он преуспел в нестяжании, отец Евфимий благословил Дамиана отдать икону в церковь. Дамиан, не рассуждая, беспрекословно исполнил приказание старца.

12 декабря 1825 года Дамиан Кононов был пострижен в монашество с именем Дамаскин в честь преподобного Иоанна

Дамаскина. В марте 1826 года отец Евфимий, его старец, удалился на жительство в пустыню. В подражание ему и отец Дамаскин в тот же год, испросив благословение от настоятеля, удалился на жительство в скит Всех Святых, чтобы испытать не только общежительный, но и другой образ монашеской жизни – скитский. Здесь, так же как и в монастыре, строгий подвижник не щадил себя: при келейных своих подвигах он неуклонно исполнял с прочей скитскою братией церковное правило и неусыпное чтение псалтири.

Желая пройти и третий образ монашеской жизни пустынный, отец Дамаскин, испросив от настоятеля благословение, 1 июля 1827 года поселился на жительство в удаленную пустынь, чтобы наедине работать Богу. В его келии был только стул и гроб, который он сам сделал и в который полагал свое уставшее от трудов тело для кратковременного отдохновения. Для большего утомления плоти отец Дамаскин носил железные вериги, которые ему достались от схимонаха Порфирия. Большую часть времени проводил в молитве, а во время отдыха занимался рукоделием: писал по уставу книги и делал деревянные ложки. Питался он очень скучно, хлеб вкушал с весу, для чего у него был безмен. Пищу варил редко, довольствуясь ею в продолжение нескольких дней. Живя в пустыне, он никогда ни снимал рубашки, пока сама не свалится с плеч. Много в пустыне он претерпел искушений от бесов, нападавших на него. Иногда искуситель с растрепанными волосами видимо являлся ему выходящим из озера. Но Господь не оставлял его своими утешениями: он всегда имел в уме молитву и память смертную, чем и отражал все искушения врага.

Около шести лет прожил в пустыне отец Дамаскин, пока в 1833 году не был переведен в скит Всех Святых для управления им. Приняв управление скитом, отец Дамаскин продолжал свою прежнюю суровую, подвижническую жизнь. Ревнуя о благочинии церковном, он не пропускал по возможности ни одной службы, сам пел и читал. В свободное время отец Дамаскин наравне с прочей братией летом возил на огород тачками землю, а зимою делал ложки. В это время отец Дамаскин уже имел много учеников. От трудов и подвигов он до

того изнемог, что едва мог читать в церкви, и однажды решился объявить Настоятелю о своей болезни, прося освободить его от послушания (управления скитом). Игумен Вениамин, подумав, сказал: «Так что же, отец Дамаскин, не падай духом. Ведь ты монах, если и умрешь на послушании, то Господь тебя не оставит». После этих слов, положившись на волю Божию, он никогда не оставлял дело послушания и своих сугубых духовных подвигов.

Часть 2

Так отец Дамаскин проходил скитскую и пустынную жизнь. Но никто же, по слову Господню, вжигает светильник и поставляет его под спудом, но на свещнице, да светит всем. И вот пришло время поставить отца Дамаскина на свещник настоятельского управления Валаамским монастырем.

При игумене Вениамине³³ в обители начали замечаться беспорядок и даже упадок нравственности. Духовная консистория поручила настоятелю Троице-Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию (Брянчанинову), назначенному в 1838 году благочинным монастырей Петербургской епархии, выяснить причины нестроений и жалоб. Для исправления положения вместо игумена Вениамина, оказавшегося неспособным к исполнению своих обязанностей, архимандрит Игнатий рекомендовал на это место известного ему своей подвижнической жизнью скитского монаха Дамаскина. Предложение было принято, и 30 января 1839 года в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга отец Дамаскин был возведен в сан игумена.

Став настоятелем, отец Дамаскин не стал терять времени и, устроив внутреннее состояние обители, немедленно принялся за ее внешнее благоустройство. В скором времени в разных частях Валаама появились скиты и благолепные храмы, часовни, а также другие необходимые обители постройки. Господь посыпал благодетелей, щедро жертвовавших на их строительство и украшение. Отца Игумена Дамаскина справедливо называют строителем Валаама.

При игумене Дамаскине значительно выросло число братии. Монастырь славился в России как один из благоустроенных не только внешне, но строгой подвижнической жизнью монашеского братства. Это был не только начальник, но и духовный отец, неусыпно заботящийся о спасении душ вверенных ему Богом братии. В отношении к братии отец Игумен был чрезвычайно прост, келья его была всегда открыта, и всякий имел доступ к настоятелю. Для всех это любящее,

горячее сердце готово было всем служить, чем мог. Отец Игумен никогда не упускал случая, посещая скит или во время братской трапезы, говорить поучения: «Живите дети, хорошенько, ради Бога. Помните, зачем пришли в Святую Обитель. Молю вас: ходите как можно чаще к Отцу духовному, открывайте совесть, надо хранить ее, а что с возу упало, то пропало. Но только не отчайвайтесь, полагайте начало, а Господь милостив». Однажды, приехав в скит Всех Святых после трапезы, сказал: «Отцы святые и братия! Надо нам быть благодарным перед Спасителем нашим. И не забывайте, с каким намерением мы вступили в монастырь. Намерение наше было: сколько можно быть подражателями, угодившим Господу. Спросим: чем они угодили? Смирением, постом, бдением они алкали и жаждали, и все беды претерпевали Царствия ради Небесного. И нам, возлюбленные, не надо ли о себе подумать? Мы живем в покое, всем обеспечены, и все у нас готово: пища, одежда, келья, дрова, словом, всем успокоены. То осталось нам, грешным, быть благодарными перед Создателем нашим, молить милосердного Господа за наших благодетелей и смирять себя перед Богом и всеми людьми». Иногда же, прочитавши правило, отпустит келейников спать, а сам возьмет палочку и пойдет обходить ночью потихоньку братские келии, прислушиваясь у дверей. Если находит братию бдящих на молитве, радовался духом, если же спящих или празднословящих не оставлял после без вразумления. Некоторые из братии рассказывали, что когда случалось приходить к нему для открытия совести, то чувствовалось, что он все знает, но никогда не обличит резко, а, выслушав прежде, станет вразумлять не с гневом, кротко, терпеливо, но так говорит, что всю душу растрогает. И выйдешь от него с полным сознанием и с легкостью, как будто сложили с плеч тяжелое бремя. Удивляться надо, как хватало у него на все время. При столь обширном хозяйстве и постройках заниматься постоянно с братией. Часто исповедывал мирян и, надо заметить, в особенности принимал большое участие в людях, падших нравственно, был к ним чрезвычайно снисходительным, старался мягкостью и любовью восстановить их на путь

истинный. В чем Господь видимо помогал ему, потому что эти люди нередко приезжали после с чувством глубокой благодарности, рассказывали, что под его благотворным влиянием они переродились нравственно.

У него было много учеников, как из числа братии монастыря, так и мирян. Из учеников впоследствии стали известными старцами, прославившимися многими благодатными дарами: иеросхимонах Алексий (Блинov), его келейник, архимандрит Агафонгел, строитель Александро-Свирского монастыря. Отец Игумен требовал от своих духовных чад полного послушания. Не любил он прекословия и если говорил о каком либо деле и встречал возражения, то не повторял больше, а передавал дело другому брату, говоря: «Тот послушник теряет свою награду за послушание, который держится своего рассуждения или прекословия, и хотя и исполнит после, но это уже не то».

Когда в 1872 году Валаамский монастырь посетили три Архиерея, один из них, епископ Вениамин³⁴, при прощании сказал: «Счастливы вы, отцы, что имеете такого Божественного наставника».

Приведем случай, свидетельствующий о высокой духовной опытности и мудрости отца Дамаскина в великой его любви к ближнему, живой вере в Бога и человека.

Так обратились однажды к отцу Игумену два монаха и просят благословить их снять с себя монашеское одеяния. Смущенные духом тьмы и злобы братия решили оставить святую обитель и возвратиться в мир. Долго и горячо убеждал игумен этих заблудших, призывая крепко стоять против козней вражьих, не губить себя навеки своим малодушием. Но они не слушали, а продолжали настаивать на своем. Тогда отец Дамаскин, как бы соглашаясь на их требования, отоспал их по келиям с наказом еще поусерднее помолиться Господу, Царице Небесной и Святым Угодникам, хорошенько подумать и затем на следующий день в полном монашеском одеянии явиться к нему. Но враг уже настолько помутил им рассудок, что и наследующий день, явившись к игумену, они заявили о своем окончательном решении оставить монастырь. Огорченный

речами этих безумцев, отец Дамаскин обращается к ним с такими словами: «Пред кем давали вы обеты ваши Обручнику нашему Христу при пострижении своем в монашество, где одевали вы свои обручальные с Женихом Небесным Христом наряды, одеяние это свое пред ракою угодников Божиих Сергия и Германа у раки их, так ступайте к раке Преподобных: там снимите с себя ваше обручальное одеяние и бросьте одежду эту свою на раку, а от меня нет вам на то благословения». Это было так неожиданно для них, так поразило и тронуло еще неиспорченные сердца их, что они, пав к ногам игумена, рыдая, просили прощения и святых его молитв и остались в монастыре. Один из них впоследствии был посвящен в сан иеромонаха и был всеми уважаем.

Часть 3

Писатель Иван Сергеевич Шмелев еще молодым студентом посетил Валаам в 1895 году. Показывая ему монастырь, мастерские, устройство Водопроводного дома, он постоянно слышал, как братия уважительно говорили: «По благословению игумена Дамаскина», «...так, отец Дамаскин возвестил». «А, при батюшке Дамаскине покойном... ох, наплачешься, бывало, с посылочкой...» рассказывали мне (Шмелеву. Сост.) на Валааме: Разморит тебя отец игумен словом своим, что каленым железом сердце твое прождет. Вот как было.

– Да зачем же это?

– Строгость была в нем несокрушимая. Он, может, сам сколько искушений претерпел, вот и ревновал о благочестии. Опытом знал, как грех внедряется. Да вот расскажу я вам один случай. Поступил к нам послушничком из Питера один человек. Ну, зиму пробыл – ничего. Только, как сейчас помню, пришел к нам мая 12, первый пароход. Раньше нельзя к нам достигнуть, лед по озеру носит. И приехала с этим пароходом сестрица того послушничка, брата Василия. Купчиха она была. Приехала сестрица и гостинчиков корзиночку привезла: ну, икорки, пастилки, рыбки, вареньица, изюмчику, все по постному, чинно. Брат Василий и увидь ее в церкви. Ну та ему и пошептала мимоходом, что вот, мол, гостинчика тебе привезла. После обедни брат Василий к отцу игумену за благословением: «Так и так... приехала сестрица, благословите, батюшка, гостинчик принять». А батюшка Дамаскин прозорливец был, смаху, бывало, ничего не делал. Сейчас казначея. «Отец казначей, поди, говорит, дознай, какая-такая к брату Василию сестрица прехала, какой такой гостинчик ему привезла. Позови-ка ее сюда, к нам, с гостинчиком-то ея». Ну, пришла сестрица благолепная такая, торгового сословия, такую вот корзиночку с собой принесла, еле тащит. Посмотрел отец Игумен в корзиночку ту... да и говорит грустно, проникновенно так: «И сколько же ты, мать моя, денег-то извела... и на что только! Такую пищу-то генералам только вкушать, услаждать мамону...

а нам где, грешникам... нам бы щец постных похлебать, и то слава Тебе, Господи». Та, было оправдываться расстроилась с непривычки: «От достатку нашего, батюшка... братца порадовать... привычный он к такому...» «Брате Василичко! – говорит отец игумен и таково жалостливо. – Ну: чем тебе у нас худо? Голодно, что ли, тебе у нас? Вкушать, что ли, нечего тебе у нас?» Тот ему бух в ноги со всем усердием. «Простите: батюшка... сама привезла, не просил я...». «Брате Василичко! – опять говорит отец игумен, и жалостливо все так, – я-то грешный, икорку вкушаю, что ли... пастилкой услаждаюсь, а? И не стыдно тебе, брате Василичко... обидел ты обитель нашу». Ну а сестрица все просит гостинчик принять во славу Божию. Ласково так взглянул на нее отец игумен: «Не надо нам твоего гостинчика, матушка... И к чему это нам такие роскоши... ведь на соблазн! Станет брат Василичко икорку есть, а увидят у него братья и отцы, и сами возжелают, и коль раньше не просили, так просить зачнут, чтобы и им родные икорку да пастилку привозили...». Так и не благословил принять гостинчика».

Помимо высоких качествах души и способностей ума, отец Игумен имел дар умной молитвы и прозорливости. Господь часто открывал ему видимое и невидимое. Говоря о жизни отца Дамаскина, следует указать еще на несколько событий в его жизни, из которых видно, что Господь дивно хранил своего избранника от смерти.

Когда приходилось отцу Игумену по делам обители приезжать в Петербург, то он всегда заезжал в Сергиеву Пустынь к архимандриту Игнатию (Брянчанинову), который сам, проходя высокую жизнь, любил беседовать со старцем о духовной жизни, о умной молитве. В одну из таких поездок, возвращаясь рано с подворья, подъехал отец Игумен к Троицкому мосту. Мост был разведен, потому что проходили суда, пришлось ждать довольно долго, лошади сильно замерзли. Через некоторое время подняли шлагбаум, и отец Дамаскин первый поехал. Озябшие лошади понесли, как вихрь, но плашкоуты еще не совсем были сведены, это была оплошность сторожа, а кучер не в силах был сдержать несшую тройку. Момент был ужасный. Лошади несут, а впереди

пропасть в Неву. Кучер закричал. Находившийся около моста народ тоже в ужасе кричал. Но в эту потрясающую минуту отец Игумен не потерялся, стал благословлять вперед! И в этот момент пристяжная лошадь поскользнулась и упала под ноги коренной, чем и остановила всю тройку. Это было чудо! Когда все было готово, они благополучно переехали мост. Только пристяжная лошадь пострадала, потому что ее помяло.

Подобный этому случай был в день обретения главы Иоанна Предтечи, 25 мая 1871 года. Отец Игумен Дамаскин выехал на своем пароходе из монастыря на остров Вощеный. Не доехав до него восьми верст, на Ладожском озере началась буря, стала ужасная темнота, вода поднялась на воздух в виде пыли, так что даже островов не стало видно. При всей своей опытности капитан корабля растерялся и не знал, что делать. К тому же к пароходу была прицеплена большая лодка с рабочим народом. Сильные удары грома беспрерывно гремели над головами, ослепительная молния освящала темную воду, волны подымались и рвались на пароход. Рев, крик народа – все сливалось в одно. В это невыразимое, страшное время один Игумен был как бы погружен в себя несколько времени. Вдруг он перекрестился и начал ограждать крестным знаменем все четыре стороны. Сейчас велел капитану поворачивать назад. Ветер стал стихать, и, наконец, совсем все стихло. Они благополучно возвратились в монастырь. Крепкий верою, он никогда не падал духом при посещающих его скорбях и трудных случаев жизни.

О прозорливости отца Дамаскина записано много случаев, запечатленных в памяти очевидцев происшедшего и учеников его.

Однажды летом у монастырской гостиницы две женщины, одна православная, другая раскольница, спорили между собой о том, как следует креститься: двумя или тремя перстами. В это время проезжал мимо отец Дамаскин. Увидев его, женщины поспешили было навстречу отцу игумену за решением их спора. Они были еще далеко от него, когда он, сложив три перста и подняв руку вверх, громко закричал им: «Вот так, вот так молитесь и делайте крестное знамение». Пораженные этим,

женщины не знали, что делать: объясняться ли с ним, о чём хотели, или молиться на него, как на мужа великого и святого.

На Предтеченском острове надо было вырыть колодец. Приехал отец Дамаскин. «Помолившись Богу, пошли мы, — рассказывал схимонах Иоанн, — выбрать место. Долго ходили по острову и на многие места указывали отцу Игумену, но он все не соглашался. Наконец пришли к часовне, где ныне церковь. Здесь на горке, отец Игумен остановился и сказал: «Вот здесь нужно колодец вырыть». Затем привезли мастера, пришлось бурить камень, так как место было каменистое. «Да какая тут может быть вода?» — говорили многие. Но к удивлению всех оказалось, что вода в колодце была самая лучшая, преизобильная и никогда не пересыхающая».

В праздничные дни отец Игумен всегда сам служил и всегда с большим чувством совершал Литургию. В год же его болезни, в день Святой Троицы, в последний раз служил и когда стал читать молитвы в Царских вратах, до того был растроган, что заплакал и едва смог дочитать. Пришедши же по окончании обедни в келию, говорит своему келейнику иеромонаху Александру: «Что прикажешь делать. Едва дочитал молитву, от слез не мог выговорить ни слова». Этот келейник, его иеромонах Александр, был еще юношей 15-ти лет взят отцом Игуменом. Это было его чадо послушания. 29 лет, до самой кончины он был при нем неотлучно и был свидетелем многих случаев, показывающих его высокое духовное настроение и прозорливость, в особенности в последние годы его 10-ти летней болезни.

Иеромонах Александр рассказывал следующие два случая, бывшие в его присутствии: «Отец Игумен был болен. Наместник отец Виктор часто находился при нем. Однажды, разговаривая с ним, отец Виктор говорит: «Вот: батюшка, Вы все слабеете. Боюсь я, что бремя настоятельства после Вас падет на меня». Отец Игумен говорит ему: «Нет: отец Виктор, ты будь покойен, я тебя переживу». И что же отец Виктор, хотя и был моложе и совершенно здоров, но в этот же год, когда был в Петербурге на Пасху, заболел и там скончался». Другой подобный случай. «Старший из иеромонахов, отец Галактион, однажды в

присутствии отца Александра пришел к отцу Игумену. Старец лежал на кровати. Тот стал перед ним на колени и говорит: «Батюшка как я страшусь, что мне придется после тебя быть начальником. Не по силам мне это бремя. Помолись, чтобы мне прежде тебя умереть». Отец Игумен, обратившись к отцу Александру, говорит: «Слышишь чадо? Будь свидетелем. Просится умереть». Потом говорит ему: «А скорбеть не будешь?» «Нет батюшка», – отвечает тот. «Не буду, благословите мне умереть». «Ну Бог тебя благословит», – сказал, промолчав несколько, игумен. И дивное дело. Отец Галактион не долго после этого жил».

В 1871-м году, 19 ноября, отец Дамаскин был поражен легким параличным ударом. Он только что приготовился исповедывать братию, но вдруг почувствовал сильный упадок сил. О. Игумен был в памяти, но не говорил. Вскоре ему стало полегче, он перекрестился и сказал: «Слава Богу!» В этот же день исповедовался и причастился Святых Таин и со всеми простился. К вечеру еще стало легче. Он позвал отца Александра и велел прочитать молитву: «Величая величаю Тя Господи...», и потом сказал: «Эту молитву мы всегда прежде читали каждый день». И велел, чтобы после вечернего правила всегда читали. Это и исполнялось неупустительно 10 лет до самой его кончины. Еще за несколько дней до болезни один из приближенных иеромонахов приходит по обычаю в спальню отца Игумена. Он был один, лампада тускло горела пред иконами, он же, согнувшись, сидел в кресле. Пришедший спрашивает: «Что Батюшка, здоровы ли Вы?». Отец Дамаскин глубоко вздохнул и сказал: «Смертушка приходит». Через несколько дней ему стало еще легче, так что он выходил с палочкой, но уже служить не мог, а приобщался каждую субботу в алтаре за ранней обедней.

После второго удара, случившегося с ним в 1874 году, отец Дамаскин почти не выходил из своей келии. Во время своей болезни отец Игумен все больше и больше углублялся в себя. Управление обители больше уже возложил на отца Казначея Ионафана, хотя тот все делал с его благословения, а в важных случаях обители он и сам принимал деятельное участие. В

последние годы, по воспоминаниям келейников, он с большим умилением принимал Святые Дары. «После причастия, бывало, наклонится головою на стол, весь в себя уйдет, погрузясь в размышление. И после этого размышления лицо у него бывало особенно радостное и спокойное. Или, когда читает Акафист Божией Матери, то он всегда пел: «Радуйся Невеста Неневестная! И умилительные же были эти его старческие припевы! И часто, часто в это время его ланиты орошались слезами».

Часть 4

Чуждый всяких прихотей, отец Дамаскин особенно поражал окружающих его своим терпением, отсечением своей воли, крайней нетребовательностью, во время своей десятилетней болезни. Келейник, иеромонах Александр вспоминал о своем учителе: «Никогда он не спросит чего-либо определенного из пищи, но был всегда доволен тем, когда что дадут. Назначал он время для обеда и ужина, но когда предложат, всегда был готов, как дитя. О, дивное и чудное это было послушание его и отсечение своей воли». Когда келейники спросят у него: «Батюшка не хотите ли чаю?». Он всегда отвечал: «Если дадите». Случалось так: подадут отцу Игумену обед. После келейники заметят, что пища совсем была без соли. Говорят: «Батюшка что же, не приказали посолить?» Он смиленно отвечает: «Ну: дети, не скорбите так Богу угодно было, чтобы я ел несоленое». В другой раз келейники посадят его в кресло и позабудут. Приходят через некоторое время, видят, что ему очень трудно сидеть. В сокрушении сердца спрашивают: «Что же Вы, батюшка, не позвонили?». «А я так положился, что если Бог вам возвестит, то вы придетете. А вот вы и пришли».

За девять дней до смерти отец Дамаскин, простясь со слезами на глазах с окружающими и спросив у всех прощение, не вкушал уже никакой пищи. Накануне смерти, как бы предчувствуя ее, в последний раз приобщился Святых Христовых Таин.

Утром 23 января 1881 года окружавшим стало ясно, что уже близка его кончина. Ему прочитали отходную. Заметно было, что он хотел перекреститься, но уже не смог, опустил руку на грудь и, как бы засыпая, тихо скончался. Со слезами братия смотрели на эту чудную кончину. Лицо покойного выражало спокойствие и величие. В течение пяти дней до погребения тело отца Дамаскина находилось в теплом помещении, но ни малейшего запаха от него не исходило. По отпевании новопреставленного здесь же, у гроба, было прочитано его духовное завещание, в

котором покойный Игумен заповедал свои последние желания к возлюбленной валаамской братии. Вот его содержание:

«Во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Благоволением Божиим достигнув дней глубокой старости, с часу на час ожидал я часа смертного, часа страшного и вожделенного. Теперь же, после постигшей меня болезни, я как бы стал уже на самом пороге вечности: почему, пока еще нахожусь в совершенной памяти, желаю я, грешный, сказать последнее мое слово вам, дражайшие мои чада, отцы и братия, о Господе.

Прежде всего, припадая, прошу простить меня, если кто из вас какое-либо имеет на меня поречение: я всю жизнь любил Валаам, это святое место, место нашего обитания, любил каждого из вас и по мере моих сил и разумения, от всей души старался о процветании обители и о спасении и малого, и большого ее сына. Двери моей келии и мое сердце были всегда отверсты для нужд ваших, но я был человек грубый, простой, необразованный. Естественно, что искренняя, глубокая моя любовь к вам иногда и не находила себе приличных внешних выражений. Молю, будьте ко мне снисходительны. Простите!

Расставаясь с вами, братия, вручаю вас Господу и Покрову Преподобных и Богоносных Отец наших: преемника себе не назначаю, но кого из среды своей общим единодушным изволением о Господе изберете вы себе во Игумена, того избираю и я. Всесильный Господь молитвами святых да подкрепит избранного в его служении на прославление имени Господня! Со своей же стороны все вы, отцы и братия, храните мир и единение духа с вашим наставителем. Терпеливо переносите неизбежные взаимные тяготы и, памятуя, что вас избрал Господь на служение Себе, в чувстве благодарного сердца, всеми силами старайтесь быть достойными небесного звания вашего!

Живя среди вас, по закону общежития, я пользовался всем необходимым от монастыря и не стяжал никакой собственности. Поэтому не стесняйтесь составлением описи и хранением оставшихся в келии моих вещей, но немедленно, по кончине моей, возвратите по хозяйствам.

Прощайте, мои драгоценные братия и отцы! Господь да благословит вас всех! От глубины души благодарю вас за обилие вашей любви и уважения ко мне, недостойному. Поминайте, молю меня в ваших святых молитвах. Прощайте! Мир вам! Аминь».

Со дня кончины отца Игумена Дамаскина братия ежедневно в течение сорока дней служили заупокойные обедни и панихиды. Через три месяца вся братия снова собралась на могилу своего духовного отца и наставника для служения пасхальной панихиды. Склеп был открыт. Несмотря на то, что прошло три месяца, гроб был как новый, неприятного запаха не было, наоборот, какое-то особое благоухание распространялось вокруг.

Часть 5

По своей кончине отец Игумен многим своим ученикам являлся во сне, принимая участие в их скорбях или наставляя на правильный путь. Приведем несколько случаев.

«Более семи лет болели сильно у меня руки, – рассказывал отец Адриан. В день кончины отца, игумена Дамаскина, я увидел его во сне. Он подошел ко мне и спрашивает: «Что отец Адриан, больно тебе?» «Больно», – отвечал я ему. И сказал: «Батюшка помолитесь за меня Господу!». «Ну Бог милостив», – сказал игумен Дамаскин. Просыпаюсь я и смотрю, что раны у меня на руках закрылись и ломоты в них не стало. Через некоторое же время они у меня совершенно зажили. Сон свой монах Адриан сам сказал иеромонаху Александру (Блинову) и притом говорил, что: «Я верую игумену Дамаскину как угоднику Божию и призываю его в молитвах».

Монах Агафангел³⁵ после кончины отца игумена видел во сне, будто игумен почивает и с него снимают портрет, как с мертвого. Вдруг он как бы ожил, сел и говорит: «Полно вам с меня снимать портреты. Не ходите вы по кельям и не празднословьте. Слава Богу, я получил от него милость, но до времени это еще не открыто». При этом виде его был очень приятный и веселый.

Рассказывал монах Митрофан: «29-го апреля вижу я во сне отца игумена Дамаскина, почивающего в ясеневом гробу, который внутри был обит белым материалом. В нем вокруг отца игумена лежали в два ряда белые и розовые розы. Отец наместник Ионафан ходит с пером в руках, чтобы смыть пыль с мощей отца игумена. Но пыли нет, батюшка лежит, как спит. Тело же его как мощи. От радости я проснулся. Сон этот сказал ризничему иеромонаха Александру».

Монах Сергий переплетчик рассказывал: «Снится мне сон. Вижу я, что могилу игумена Дамаскина раскопали и открыли гроб. Батюшка лежит нисколько невредим. Братия смотрит и удивляется, что отец игумен не разложился, но как спит. «Я так и останусь, – сказал он, – так угодно Богу. За молитвы Святых

Отцов и мне дана сия благодать». Причем лицо его было очень приятное».

Игуменья Таисия³⁶, настоятельница Леушинского женского монастыря, прислала в монастырь письмо, где рассказала, как покойный отец игумен избавил ее от скорби. «Случилось мне бывать в Валаамском монастыре в то время, когда там настоятельствовал известный святостью жизни старец игумен Дамаскин. Я сподобилась неоднократно иметь с ним духовные беседы и даже у него исповедоваться. В последние годы его жизни мне не случалось быть у него. Должность казначеи в Званско-Знаменском монастыре не позволяла мне отлучаться. А между тем старец Дамаскин скончался. Прошел уже и не один год после его смерти, и я, признаюсь, нисколько о нем не думала, разве только поминала на молитве, и то не всегда.

Однажды мне случилась большая скорбь, так что я серьезно подумывала отказаться от должности. В это время как-то видится мне во сне, что я пришла в келью к отцу игумену Дамаскину, и стою в дверях его гостиной, ожидая его прихода из его кабинета, дверь в которой была с правой стороны, неподалеку от окна. Вот показался из кабинета отец Дамаскин, точно такой, каким я его знала при жизни его, только бодрее и как будто моложе, и очень веселый. Он в черной монашеской рясе, в клубуке и с наперсным крестом на груди. Поклонившись, я подошла под благословение. Он благословил меня и сказал, указывая на угол, где висели святые иконы с горевшей перед ними лампадой: «Помолись».

Оба мы с ним стали молиться и креститься. Потом он сел на диван и мне предложил сесть на кресло по правую его сторону. Началась наша духовная беседа. О чем именно, я не помню точно, кажется мне, что я изливала перед ним свою скорбь.

Хорошо помню, что наконец он спросил меня: «А знаешь ли ты, что значит раздрание церковной завесы надвое в Иерусалимском храме во время крестной смерти Спасителя?» Я отвечала ему, как училась из Священного Писания, что это означало разделение Ветхого и Нового Заветов. «Хорошо, –

отвечал он, – это верно по-книжному, а ты сама подумай, не относится ли это как-либо к нашей монашеской жизни?»

Я стала вдумываться и, сама не будучи уверена в точности и справедливости моего мнения, отвечала: «Думаю что это означает вот что: раздирается душа человека, стремящегося к Богу и Богоугодению, раздирается надвое, делаясь духовной, не переставая принадлежать и живущему в нем плотянистому человеку. Раздирается она, отсекая, отдирая от себя сладкую, но падкую на грех волю внешнего своего человека, раздирается бедное сердце его, само себя раздирая пополам, на куски, одни из них, как негодные, тем не менее сродные ему, отирает, бросает в мир, а другие несет, несет, как фимиам чистый Христу своему. О, как тяжко бывает иногда бедному сердцу, как рвется оно и страдает, буквально раздираясь пополам!»

Никогда ничего подобного я не слышала наяву и не ожидала услышать, но теперь, во сне, говорила это с таким увлечением, что вся обливалась слезами. Отец игумен отвечал мне: «Да не лишил тебя Господь Своей благодати. Тебе ли малодушествовать и унывать в скорбях? Мужайся, и да крепится сердце твое упованием на Господа». С этими словами он встал и снова благословил меня.

Я проснулась вся в слезах, в слезах уже не скорби, а невыразимой радости, надолго подкрепившей мои слабые силы».

Схимонах Николай

Схимонах Николай (1752–6/19 января 1824)

Схимонах Николай (в миру Никита Амвросиевич Смелов) родился в 1752 году. Он происходил из мещан города Софийска. В 1803 году, уже немолодым, он поступил в Валаамский монастырь и сначала был келейником у игумена Назария. Переняв от него опыт духовной жизни, отец Николай 11 декабря 1811 года принял постриг в великую схиму (келейно) и получил благословение на подвиг пустынножительства. В лесной глухи, в 200 метрах к востоку от бывшей пустыни своего духовного отца, игумена Назария, на небольшом пригорке он построил себе маленькую келью в одно окно и подвизался в ней до конца своих дней. Впоследствии паломники, посещавшие келью старца, вспоминали: «Келья пустынника Николая немногим более квадратной сажени и так низка, что человек высокого роста едва может в ней поместиться. Большую часть ее занимает находящаяся в углу русская печь. Вся меблировка состоит из простого стола, деревянной скамьи с войлоком и небольшого кресла со сточеною деревянною спинкою и на очень низеньких ножках»³⁷. «В келью нужно почти вползать, – так описывал жилье старца писатель В.И. Немирович-Данченко. – Дверь узка и низка. В углу кое-как печка сложена. У печки нара малая... Стол, стул твердый, да больше и поместить нечего... Безлюдье кругом»³⁸. Истинный аскет, старец радовался уединенной жизни в своем домике, говорил: «Я из мещан ведь. К суete и прелести мирской не привык. Мне и тут хорошо... Со мною всякое деревцо беседует, всякая травка мне сказки рассказывает. Ветерок с поля пролетит, о том, что в поле делается, поведает ключ овражный про недра горные, откуда истек он. У меня собеседников много». Вне всех утешений мира он утешался лишь мыслью о Боге и непрестанно горел к Нему любовью. Шествуя к небесному отечеству, претерпевал тесноту и скорбь пустынного жития. Молитвой одолевал он смущения от бесов, видимо являвшихся в округе кельи.

Свет добродетельного жития схимонаха Николая не могла скрыть глубокая пустыня, и великий подвижник стал известен даже венценосным особам и великим святым. 17 июля 1819 года старца посетил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий), а во время своего паломничества на Валаам в августе того же года – государь император Александр I. 11 августа государь вместе с валаамскими иеромонахами благочинным отцом Дамаскиным и экономом отцом Арсением посетил келью схимонаха Николая, где беседовал о разных аспектах духовной жизни. «Иноки живущие в таких тесных и бедных пустынях, утешаются в них столь пленительными духовными чувствами, истекающими из стремления их к соединению сердца с Богом в послушании Его закону, что предпочитают свои шалаши и Вашему царскому дворцу», – сказал отец Дамаскин. Император назвал это «делом прямой благодати Господа». Шла речь и о благодатной пользе священнического благословения. Отец Николай, для которого не было «ни высоких, ни малых» («Все мы равны перед Господом», – любил говорить он) от чистого сердца преподнес царю три репы со своего огорода. На прощание Александр Благословенный поцеловал руку старца и усердно просил его благословения и молитв³⁹.

Земная жизнь схимонаха Николая, протекшая в непрестанной молитве, посте и трудах, завершилась 6/19 января 1824 года. Ему было в ту пору 72 года. Исповедовавшись и причастившись Святых Христовых Таин, он тихо почил в Бозе и был погребен близ места своих пустынных подвигов. Над его могилой были установлены крест с распятием и деревянная гробница⁴⁰.

Впоследствии келья старца Николая и его могила стали местом паломничества богомольцев, в том числе членов императорской фамилии⁴¹. В 1862 году по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора над местом упокоения схимонаха Николая была построена часовня. Известный подвижник и духовный писатель иеромонах Пимен (Гаврилов)⁴² говорил, что жизнь схимонаха Николая выражала идеал монашества: «Отцы пустынники, яко

вожженные светильники, влекут к себе сердца. Из их деяний мы поучаемся, как презирать прелестный мир с его коварством бесовским... Не единственным хлебом сыт человек бывает, и народы живут не дворцами и палатами, а идеалами, исходящими из жизней подвижнических».

34 Валаамских Преподобномученика

В течение своей многовековой истории Валаамская обитель, находившаяся близ границы владений Великого Новгорода со Швецией, неоднократно разорялась шведами. Последних влекло сюда и стремление к наживе, и желание насадить на окрестных землях латинскую веру.

При короле Густаве Ваза (1523–1560) в Швеции была проведена Реформация. Во времена правления его сына Иоанна III военный отряд из новообращенных лютеран, которые, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова) «дышили еще фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере», преследуя православных корел по льду, перешел с материка на остров и напал на монастырь. 20 февраля 1578 года «18 человек достоблаженных старцев и 16 послушников были мученически истреблены за твердость в православной вере». Их имена с пометой «побиты от немец на Валааме старцев и слуг» были внесены в Синодик, оказавшийся впоследствии в Васильевском монастыре: священноинок Тит, схимонах Тихон, инок Геласий, инок Сергий, инок Варлаам, инок Савва, инок Конон, инок Сильвестр, инок Киприан, инок Пимен, инок Иоанн, инок Самон, инок Иона, инок Давид, инок Корнилий, инок Нифонт, инок Афанасий, инок Серапион, инок Варлаам; послушники: Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Феофил, Иоанн, Феодор, Иоанн.

С благословения игумена Дамаскина в день мученичества 34 иноков 20 февраля в Валаамской обители ежегодно совершалась Божественная Литургия «о вечном покое их» с которой пелась и соборная панихида.

На юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся 13 – 16 августа 2000 года, были причислены к лику святых для общеперковного почитания.

Строитель Иосиф

Строитель Иосиф, в миру Исидор Шаров, происходил из купеческого рода города Ладоги. Родился 8 мая 1688 года. Обеты иночества он принял 13 марта 1719 года на Валааме. Их возложил на него архимандрит Белоозерский Иринарх. 12 февраля 1724 года отец Иосиф был назначен строителем возрождающейся Валаамской обители. В октябре 1723 года на Ладожском озере с ним случилось одно удивительное происшествие.

Он плыл в небольшой ладье с двумя валаамскими трудниками из Ладоги на Валаам, везя с собою вещи, предназначенные для монастыря. Перед Ондрусовым монастырем лодка от сильной бури опрокинулась, и люди, бывшие с ним, утонули. Инок Иосиф удержался за кормило и схватился за веревку, которая была прикреплена к лодке. В таком положении он носился по волнам целые сутки, взывая из глубины души к Богу, спасшему пророка Иону во чреве кита. Молился он и святителю Николаю. Волнами его, еле живого, выбросило на берег вместе с лодкой. Придя в себя, он пошел искать признаки человеческого жилища, благодаря Бога за чудесное спасение и непрерывно падая от крайнего изнеможения. Вскоре набрел на рыбачью хижину. Строитель Иосиф так занемог, что рыбаки, опасаясь, что он умрет, пригласили из ближайшего монастыря священника. Два дня и две ночи иеромонах прожил у рыбаков, причащая Святыми Дарами больного. На третий день о. Иосифу стало легче, а через неделю рыбаки отвезли его в Олонец на попечение купца Никифора Королькова. Пробыв у него четыре недели и оправившись от болезни, о. Иосиф возвратился в Валаамский монастырь. «От сего потопления, — рассказывал он сам, — нози мои надолзе обложены быша ранами: исцелевшим же им осталася до дне сего черны, аки углие». Спасение свое старец Иосиф всегда считал действием благодати Божией.

Игумен Ефрем

Игумен Ефрем был уроженец Олонецкого края и происходил из духовного звания. Начало иноческой жизни он положил в одном из новгородских монастырей. 25 февраля 1745 года пострижен в монашество. В 1746 году отца Ефрема посвятили в сан иеродиакона, а через десять месяцев – в сан иеромонаха. Служил он в домовой церкви преосвященного Стефана (Калиновского) архиепископа Новгородского. Деятельность его и благочестие были замечены епархиальным начальством, и в 1758 году отец Ефрем был утвержден в сане игумена Валаамского монастыря, в котором и послужил на благо обители 24 года. Преосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, уважал опытного в духовной жизни старца и когда игумен Ефрем по собственному прошению был перемещен сначала в Соловецкий монастырь, а затем в число братства Александро-Свирского монастыря в 1771 году, ходатайствовал перед Синодом о возвращении старца на Валаам. Валаамские инохи, помнившие отца Ефрема, уважали его за благочестие, твердость характера и приветливость в обращении. Игумен Ефрем скончался в марте 1782 года в Санкт-Петербурге. После его смерти найдено духовное завещание, которое свидетельствует о его нестяжательности, милосердии к бедным и несчастным людям.

Игумен Ионафан I

Игумен Ионафан I (в миру Иван Андриянов Здобин) происходил из цеховых Санкт-Петербурга. 3 февраля 1792 года поступил в Валаамский монастырь. Через два месяца, 23 апреля, был пострижен игуменом Назарием в монашество и 5 августа 1793 года посвящен во иеродиакона, 25 июля 1794 года – во иеромонаха. Он проходил послушание в поварне, звонарем и пономарем, затем был головщиком, ризничим и книгохранителем. 13 февраля 1801 года указом Духовной консистории назначен казначеем обители. В 1823 году возведен в сан игумена. Его заботами построены северо-западный угловой флигель, здание библиотеки и кладбищенская ограда, расширена братская трапеза, устроена ризница, установлено служение ранних заупокойных литургий. В уважение «отлично честного поведения его» (как, сказано в указе Духовной консистории) и ревностнейшего прохождения своей должности ему было благословлено употреблять при священнослужении палицу. Добрый, тихий, приветливый отец Ионафан был очень доверчив и много претерпел скорбей от лиц, находившихся в монастыре под надзором. При нем их число доходило до 14. Между ними были люди и вольного духа, и буйного нрава, и нетвердые в вере. Составляя особое общество среди монастырского братства, закоснелые во зле, они разливали свой яд в среде братии и нарушали святую тишину монастырской жизни. На игумена Иоанафана I был написан донос с оскорблением монашеского звания. По этому доносу производилось следствие. Это надолго помрачило честь святой Валаамской обители. Так в великих скорбях протекло все время настоятельства отца Ионафана. Скорби эти прекратила печальная кончина. Игумен был нездоров и уже стал поправляться. Доктор оставил ему два лекарства: внутреннее и наружное. Монастырский аптекарь схимонах Феофан ошибочно дал выпить больному наружное лекарство. Приняв его, игумен Ионафан I тотчас скончался. Кончина отца Ионафана I

последовала 22 января 1830 года. Он погребен на братском кладбище Валаамского монастыря.

Игумен Иннокентий

Игумен Иннокентий (Моруев) родился в Олонецкой губернии, в деревне Рижкалицы, в зажиточной крестьянской семье. Еще в отроческом возрасте возжелал он иноческой жизни и в 1765 году поступил в Валаамский монастырь, который в то время в хозяйственном отношении был неустроен и малолюден. Через семь лет, в 1772 году, игумен Ефрем постриг его в монашество. О добродетелях и способностях по хозяйственной части отца Иннокентия стало известно в Александро-Невской Лавре, и монастырское начальство вызвало его на должность ключника Лавры. В Петербурге митрополит Гавриил узнал от него о причинах нестроения Валаамской обители. Определяя в 1782 году для восстановления монастыря старца Назария, он назначил ему в помощники отца Иннокентия, посвятив его в иеродиакона, а затем во иеромонаха. Будучи казначеем Валаамской обители, отец Иннокентий по-прежнему отличался смирением и ревностною духовной жизнью. На своих плечах носил он кирпич для строящихся зданий монастыря, трудился на рыбных ловлях и при этом всегда старался посещать монастырские церковные службы. 13 июля 1801 года преосвященный Амвросий, митрополит Новгородский, возвел иеромонаха Иннокентия в сан игумена Валаамского монастыря.

Вступив в должность настоятеля, он продолжал свою подвижническую жизнь, подавая пример всему братству в твердом соблюдении правил монашеского общежития. Сохраняя нерушимо внутреннее устройство, утвержденное старцем Назарием, отец Иннокентий неутомимо заботился и об улучшении внешнего быта умножавшегося братства. После старца Назария Валаамская обитель была обязана своим цветущим состоянием его деятельности, усердию и дарованиям. В 1923 году по слабости здоровья старец попросил увольнения на покой. Министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын доложил об этом императору Александру I. Сожалея, что здоровье игумена Иннокентия не позволяет ему

продолжать нести послушание по управлению обителью, царь согласился удовлетворить прошение. Приемником игумена Иннокентия стал казначей иеромонах Ионафан. 5 октября 1823 года последовал указ о передаче монастыря новому настоятелю.

Отец Иннокентий был оставлен на покое в Валаамской обители. Последние дни своей многотрудной жизни старец посвятил окончательному устройству восстановленных его попечением обителей: Ондрусовской и Сяндемской. Деятельный старец не обращал внимания на недомогание и болезни. В сентябре 1828 года он, будучи больным, прибыл по делам в Петрозаводск и здесь в возрасте девяноста лет скончался. Во время предсмертной болезни его посещал преосвященный Игнатий, епископ Олонецкий. Старец просил владыку доставить его тело на Валаам. Преосвященный Игнатий исполнил желание: он исходатайствовал дозволение на погребение тела на Валааме и благословил на пути останавливаться у каждой церкви, совершая литии, а в Сяндемской пустыни внести тело в Успенский собор, воздвигнутый почившим. Честным останкам старца приходили поклониться жители не только окрестных селений, но и удаленных местностей. Спустя годы после его кончины с благоговением вспоминали наставления отца Иннокентия, строгие правила его жизни, младенческую простоту сердца и евангельскую ко всем любовь. Игумен Иннокентий погребен на старом братском кладбище Валаамского монастыря.

Игумен Варлаам

Игумен Варлаам (в миру Василий Давыдов) родился в 1767 году. Происходил из московских мещан. В 1796 году при игумене Назарии поступил в Валаамский монастырь. Обладая крепким здоровьем, он проходил на Валааме самые трудные монастырские послушания: был поваром, трудился в хлебной, в просфорной, занимался чтением Псалтири, в скиту, впоследствии жил в пустыни. Пустынька игумена Варлаама находилась около юго-западной башни стены скита Всех Святых. Вспоминая о пользе послушания, отец игумен рассказывал: «В бытность мою на Валааме в поварне, молитва Иисусова кипела во мне, как пища в котле». В 1798 году игуменом Назарием инок Василий был пострижен в монашество с именем Варлаам. В 1801 году посвящен во иеродиакона, а в 1805 году – во иеромонаха. Совершал богослужение в скиту Всех Святых, где в то время подвизались старцы Феодор и Леонид. Отец Варлаам рассказывал, что он, как постоянно желавший безмолвия и уединения, недоумевал, как эти старцы, проводя целые дни в молве, от множества приходивших к ним пользы ради и духовных советов, пребывали несмущенными. Однажды он обратился к старцу Феодору с такими слова: «Батюшка: я блазнюсь на вас, как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними. Каково есть дело сие?» «Экой ты, братец, чудак! Да я за любовь к брату два дня пробеседую с ним, о яже на пользу душевную и пре буду несмущенным», – отвечал старец. Из этого ответа, известного уже своими подвигами и благодатными дарованиями старца, отец Варлаам навсегда вразумился познавать различие путей «смотрительных», то есть бывающих по особенному смотрению Божию от общих, и впоследствии не смущался такого рода недоумениями.

Ревность о благе родной обители понудила отца Варлаама оставить пустыньку и согласиться принять бремя начальства в Валаамском монастыре. 30 марта 1830 года отец Варлаам был возведен в сан игумена и награжден набедренником и палицей.

Но тут постигли его попущением Божиим разные искушения. Правдивость его не всем нравилась, находили ее слишком резкой, а искусством применяться к обстоятельствам он не владел и потому должен был устраниться не только от начальства, но и от любимой им Валаамской обители. В 1839 году его перевели в Оптину пустынь, где в то время подвизался известный ему старец иеросхимонах Лев.

Здесь он был окружен всеобщей любовью и заботой, от которых по смирению уклонялся. До конца своих дней не мог отец Варлаам забыть любимого им Валаама. «Хорошо нечего сказать, хорошо у вас, – говорил пустыннолюбивый старец, – а все не то, что на Валааме. Там возьмешь, бывало, краюшку хлеба за пазуху и хоть три дня оставайся в лесу: ни дикого зверя, ни злого человека. Бог да ты, ты да Бог». «А от бесовских-то страхований, батюшка, как спасались?» – спросили его. «Ну да от них-то и в келье не уйдешь, если не тем путем пойдешь, – отвечал старец. «Впрочем, – прибавлял он, – пути спасения различны: он спасается сице ты же, по слову святого Исаака Сириня, общим путем взыди на восхождение духовного пирга, (т.е. столпа), давая сим разуметь, что всякому духовному возрасту прилична своя пища и что безмолвие для не победивших страсти бывает причиной высокоумия и падения, а не спасения».

Отец Варлаам отличался жизнью подвижнической. Его нестяжание, простота и смирение были поучительными и трогательными. Все имущество бывшего Валаамского настоятеля, привезенное с ним, состояло из нагольного тулупа и жесткой подушки. Жил он на пасеке и кельи никогда не запирал и вовсе о ней не заботился. Имея, по слову святого Исаака Сириня, сердце, растворенное жалостью ко всякой твари, отец Варлаам при виде страданий не только людей, но и животных проливал обильные слезы, ибо, несмотря на свою внешнюю соровость, был прост и добр, как ангельское дитя. В молитве проводил он целые ночи, только в крайнем утомлении садился на лавочку. От непрестанного плача веки глаз старца опухли и ресницы выпали. Игумен Варлаам скончался 26 декабря 1849 года, 82-х лет от рождения, сподобившись перед

кончиной принять Таинство Соборования и причаститься Святых Христовых Таин. Погребен на скитском кладбище Оптиноей пустыни.

Игумен Вениамин

В 1835 году определением Синода в настоятели Валаамского монастыря был назначен игумен Вениамин (Мануйлов). До своего настоятельства отец Вениамин тридцать лет нес послушание в Новоезерском монастыре. Настоятель монастыря архимандрит Феофан возложил на отца Вениамина все хозяйственные дела по обители, а сам занимался непрестанной молитвой и чтением Слова Божия. Благодаря трудам отца Вениамина в Новоезерской обители были построены каменная ограда и различные монастырские службы.

Старшая братия Валаамского монастыря не могла смириться с тем, что было нарушено определение Синода от 23 июля 1813 года и в настоятели обители избран игумен не из числа валаамских насельников. Будучи ревнителями монастырского благочестия и порядков родной обители, они в действиях нового игумена, а именно в сокращении церковной службы, видели нарушение установленных обычаев. Внутреннюю монастырскую жизнь продолжали расстраивать подначальные, сосланные духовными властями в монастырь с целью исправления. Расследовать возникшую в 1838 году в обители смуту консистория поручила настоятелю Свято-Троицкой Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию (Брянчанинову). В рапорте митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому и Эстляндскому и Финляндскому Серафиму архимандритом Игнатием были отмечены хозяйственные труды настоятеля: «Игуменом Вениамином устроена от пристани к монастырю великолепная каменная лестница из цельных плит дикого камня, часть келий покрыта железом и заготовлено вновь до трехсот пудов для продолжения сих работ. В пятилетие его управления монастырский капитал увеличился на сорок тысяч рублей билетами и наличными деньгами». При этом архимандрит Игнатий обнаружил отсутствие правильного духовного управления и руководства монашествующими, вследствие чего возникли беспорядки и пороки, как частные некоторых лиц, так и общие для всей обители. По рекомендации

архимандрита Игнатия в настоятели Валаамской обители с возведением в сан игумена был определен валаамский монах Дамаскин. Сдав монастырь новому настоятелю, отец Вениамин выехал в г. Кострому. Впоследствии он был настоятелем Ипатьевской обители и в этой должности скончался в 1845 году.

Игумен Ионафан II

Игумен Ионафан (в миру Иоанн Дмитриев) родился 9 мая 1816 года в Москве в бедной семье. Лишившись родителей в раннем младенчестве, он отдан был на попечение родственников, которых настолько стеснил, что после раздумий они решили отдать мальчика в Московский воспитательный дом. В дальнейшем Иван Дмитриев учился в одной из ремесленных школ, состоявших в ведении Императорского Человеколюбивого общества. По окончании учебы он был выпущен подмастерьем слесарно-механического цеха. Определился сначала на механический судостроительный завод Берда, затем на Старочугунный механический завод, который не оставлял до самого ухода в монастырь.

Имея крепкое физическое здоровье, Иван работал с редким усердием и вниманием. Его отличало терпеливое и упорное стремление к самосовершенствованию в своей профессии. Вскоре ему была предложена ответственная должность в одной из механических мастерских. В свободное от работы время усердно посещал Храм Божий, предавался чтению книг духовно-нравственного и аскетического содержания. Ежедневно читал в Четыи-Минеи житие тех святых, память которых совершалась в этот день. Этому правилу он не изменял всю жизнь, за редким исключением, когда препятствием становились крайне неотложные дела. Зная прекрасные качества Ивана, многие желали породниться с ним. Сам же он все чаще стал задумываться о мирской суете и о спасении души. Чем глубже размышлял он, тем больше свыкался с мыслью о монастыре, которая превратилась, в конце концов, в твердое намерение. Ивана затруднял лишь выбор монастыря. Помог ему случай. Однажды он отправился к вечерне в Казанский собор. Присев на скамью в храме, он заметил невдалеке от себя монаха. Вступив с ним в беседу и узнав, что он с Валаама, Иван попросил рассказать ему о монастыре. Увлекательный рассказ монаха о родной обители, о строгости монашеской жизни зажег в сердце Ивана желание поступить

именно в Валаамский монастырь. Встреча показалась ему перстом Божиего Провидения, указующим ему дальнейший путь, и он, тут же упав перед иконой Царицы Небесной, дал обет отправиться на Валаам.

Летом 1847 года Иван Дмитриев прибыл на Валаам. Находясь под впечатлением от увиденной красоты, он отправился к игумену Дамаскину. Благодаря своей духовной опытности игумен сразу увидел в нем истинного монаха и с отеческой любовью благословил его оставаться в монастыре. Иван был определен в ученики к опытному старцу монаху Памве, делателю Иисусовой молитвы. 23 мая 1850 года указом Духовной консистории его включили в число штатных послушников монастыря.

Смиренно, безропотно, с терпением нес Иван общие монастырские послушания. Потом был помощником погребного. С погреба его перевели в слесарную мастерскую. Свободное от трудов время послушник Иван посвящал чтению душеспасительных книг и назидательным беседам со старцем. В 1851 году он был пострижен в рясофор, а в 1852-м назначен помощником монастырского духовника для принятия откровения помыслов новоначальных. Исполняя обязанности наставника и руководителя монашеской жизни, он отличался любовью к своим ученикам, близко принимал к сердцу их скорби и был твердым заступником перед начальством, если кто-то из братии был оклеветан либо навлекал гнев необдуманным или малодушным поступком.

Одновременно он исполнял обязанности помощника эконома. С 1852 по 1854 годы при постройке скита во имя Всех Святых ему были поручены работы по слесарной и кровельной части. 14 марта 1854 года игумен Дамаскин совершил над ним монашеский постриг с именем Ионафан. В следующем году, 25 марта, монах Ионафан был рукоположен во иеродиакона, а 22 декабря – во иеромонаха. В 1856 году умер его старец и учитель монах Памва, и на откровение помыслов он стал ходить к самому игумену Дамаскину.

Игумен Дамаскин, предвидя в нем своего преемника, постепенно вводил его в дела управления обширным

монастырским хозяйством. Отец Ионафан терпеливо и безропотно нес возложенное на него послушание, никогда не жаловался в скорбях, всегда решительно говорил: «Так Бог возвестил отцу игумену». В 1862 году по благословению игумена Дамаскина отец Ионафан принялся за строительство водопровода. На Валааме не раз поднимался вопрос о водоснабжении монастыря с помощью водозаборных механизмов, так как доставка воды на лошадях была крайне затруднительна. Братия носила воду по крутому спуску от залива на вершину монастырской горы. Зимой, при глубоком снеге или в гололедицу, подъем по обледенелой тропинке становился крайне тяжелым и опасным. Нужен был водопровод, но высота и крепость гранита, в недрах которого должны были быть проложены трубы и установлены подъемные двигатели, делали невозможным осуществления проекта. Над намерениями братии построить водопровод своими силами инженеры только посмеялись. Отцу Ионафану много пришлось претерпеть нареканий и насмешек, недовольства и даже ропота от братии, прежде чем был проложен водопровод. 6 августа 1862 года за усердие в возложенном на него послушании отец Ионафан был награжден набедренником, а в 1871-м удостоен золотого наперсного креста от Святейшего Синода выдаваемого. 31 января 1877 года Указом Духовной консистории отец Ионафан был утвержден членом временного правления монастырем, а затем указом от 14 апреля 1879 года избран наместником. После смерти игумена Дамаскина 18 июля 1881 года митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским, Эстляндским и Финляндским Исидором он был посвящен в сан игумена и награжден палицей.

Выше всего в монастырской жизни он ставил послушание. Однажды, будучи послушником, он пришел к своему старцу, монаху Памве: «Вот батюшка, мне один монах дал просфору, можно ли мне ею воспользоваться?». «Да как же ты мог взять ее без благословения? – рассердился старец. – Тотчас же поди к отцу игумену, отнеси просфору и попроси от него прощения за свой необдуманный поступок». Игумен Дамаскин наставил его поучением о силе послушания и нестыжания, объясняя, что

монахи должны трудиться не за мзду, а ради Бога, а принимая от кого что-либо и желая отплатить подарок, сам того не замечая, подвзывающийся может пойти против правил устава общежития. «Знай, – закончил свое назидание игумен, – что за просфору ты продал свою совесть. Снеси же просфору обратно тому, от кого взял, и впредь будь осторожнее». Как ни тяжело было это благословение, послушник безропотно его исполнил.

Однажды братия со скотного двора высказала ему свою скорбь, что не всякий раз удается сходить в баню. «Эх дети, – заметил отец Ионафан, – что вам заботиться о внешней чистоте тела, которое можно во всякое время омыть. Не лучше ли подумать о внутренней чистоте души, нечистота которой бывает иногда едва заметна, между тем она вреднее всякого навоза, приставшего к телу извне».

Игумен Ионафан, в детстве испытав не себе всю тягость сиротства, охотно принимал в монастырь способных к труду мальчиков-подростков, чаще сирот и детей бедных родителей. Дети учились в монастырской школе грамоте, а в мастерских – различным ремеслам. Игумен искренно радовался за тех, которые, проведя в обители юношеские годы, оставались в ней и принимали монашество. Одним из них был будущий настоятель обители игумен Гавриил, поступивший в монастырь еще отроком.

При игумене Ионафане был выстроен второй кирпичный, смоляной и кожевенный заводы, хлебный амбар и скотный двор с фермой и всеми службами. Для доставки из Петербурга необходимых для монастыря грузов построен корабль. Расчищены, осушены от болот и распаханыгодные для посевов и покосов участки земли. Особенным вниманием игумена Ионафана пользовалась монастырская библиотека. Его стараниями она пополнилась более чем на 1500 книг.

Но самым главным в строительной деятельности игумена Ионафана стал выстроенный им вчерне каменный Спасо-Преображенский собор с колокольней. Храм величественно поднял свои главы с крестами. Но дни игумена были уже сочтены.

Летом 1890 года игумен Иоанафан почувствовал недомогание. В начале января 1891 года, отслужив в последний раз литургию на праздник Крещения Господня, старец ослаб настолько, что окончательно занемог и больше не выходил из кельи.

Предчувствуя близкую кончину, он все дела по управлению обителью передал отцу казначею. Пособороввшись и причастившись Святых Христовых Таин, 20 января, в 5 часов утра, в тот самый момент, когда в соборе на утрени пели великое славословие, игумен Ионафан тихо скончался. Его могила, осеняемая гранитным крестом, находится за алтарем церкви на Игуменском кладбище, рядом с могилой его предшественника, игумена Дамаскина.

Игумен Гавриил

Игумен Гавриил (в миру Георгий Гаврилов) родился 8 ноября 1848 года в деревне Белыничи Зарайского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. Во святом крещении был наречен Георгием в честь святого великомученика Георгия Победоносца.

Детство будущего игумена прошло в родительском доме. Отец Георгия, Гавриил Парфеньевич, зимой в своем доме обучал деревенских детей грамоте. Вместе с ними чтению и счету учился и Георгий. Его старшие братья занимались в Москве торговлей, и для дальнейшего обучения грамоте десятилетний мальчик был отправлен к ним. Три года он учился в школе города Серпухова, а по окончании нянчил детей брата и приучался к торговым делам. Работы в овощной лавке хватало, но эти хлопоты были Георгию по душе. Под строгим надзором старшего брата Павла прожил он в Москве около пяти лет, а затем по приглашению другого брата уехал в Петербург. В своем дневнике игумен Гавриил так повествует об этом периоде своей жизни: «Мне было 16 лет. Жил я у Ивана, работавшего на винном складе, куда он устроил и меня. Несмотря на мой юный возраст, меня определили на должность старшего приказчика. Местоположение этого заведения не из лучших: оно располагалось в домах князя Вяземского. Жители Петербурга знают, что это за дома. Это сборище развратников, пьяниц и отбросов общества. Однако Господь оградил меня от многих искушений, лишив понятия о том, что вокруг меня происходит и чем я торгую: я ведь не знал даже вкус вина».

Уже в пятнадцать лет Георгий стал задумываться над смыслом жизни, но со временем житейская суета отодвинула этот вопрос на второй план. Однажды ему в руки попал журнал «Странник». Юношу поразило жизнеописание одного старца-подвижника. Чудесным образом Георгий получил ответ на мучивший его ранее вопрос: достаточно ли для спасения только того, что ты крещен? Ответ гласил: недостаточно. К вере во

Христа следует присовокупить добрые дела, только тогда христианин спасется.

Георгий пытался поступать в Александро-Невскую Лавру и Троице-Сергиеву пустынь, но везде получил отказ. «Так я вновь оказался в винном магазине, в приказчиках. Хотя внешне я служил в суете, но внутри горел духовный огонь. Тяжело мне было иметь дело с пьяными людьми, но что поделаешь: время мое еще не пришло. Я со слезами на глазах просил Господа освободить меня от служения мамоне, и со временем Промысл Божий расставил все по своим местам. Зимой мне один знакомый рассказал о Валаамском монастыре, его строгом уставе и известном своим подвижничеством игумене Дамаскине. Рассказ о Валааме запал мне в душу, и я начал с нетерпением ждать весны и первых рейсов парохода по Ладоге...».

21 мая 1866 года Георгий Гаврилов будущий игумен Гавриил сошел с парохода на землю Валаама. Красивая природа, строгая жизнь монашествующей братии, а главное – уединенность острова от мира – все это укрепило юношу в намерении навсегда остаться здесь. Игумен Дамаскин принял Георгия в монастырь. Как все новички, он выполнял тяжелые послушания: молотил хлеб, колол дрова, стирал, на кухне делал квас. Юноше, не привыкшему к тяжелому крестьянскому труду, первое время было очень трудно.

Отец Гавриил так вспоминает об этих годах: «Когда становилось очень трудно, на ум приходила мысль попросить у игумена благословение на послушание полегче, но затем я отгонял такое искушение. Надо идти указанным Господом путем. Я понимал, что раз я посвятил себя на служение Богу, нужно целиком подчиниться воле Всевышнего и ни от чего не отказываться, к чему Господь призывает меня через руководство монастыря. Принимающий волю Божию остается спокойным, потому что только Богу ведомо, что нам нужно. Таково было мое убеждение с самого начала».

Через год Георгия перевели в Назарьевскую пустынь. Это место находилось в километре от монастыря и было тихим и пустынным. В летнее время паломники туда не допускались, да

и братия могла посещать его только по благословению игумена. Рядом с каменной пустынкой, где когда-то пребывал в безмолвии игумен Назарий, находился питомник ценных пород деревьев: кедра, лиственницы, пихты. Вместе с другим послушником брат Георгий ухаживал за саженцами. Спустя некоторое время его перевели в скит Иоанна Предтечи. В монастыре он считался одним из самых строгих по уставу: скромное, елей, а также рыбу здесь никогда в пищу не употребляли. Любители безмолвия и молитвы из числа монастырской братии годами ожидали перевода в этот отдаленный островной скит. Георгий сравнивал Предтеченский скит с раем на земле. В его послушание входило пение на клиросе, уход за скитским огородом и другие хозяйственные работы.

В это время здесь проживал известный подвижник, схимонах Иоанн Молчальник. В тиши пустыни Георгий выучил наизусть Акафист Божией Матери и всю Псалтирь. Всенощное бдение и монашеское правило скитские насельники скита часто совершали при слабом освещении, да и свет им был не нужен – чтецы знали богослужебный текст наизусть. Через шесть лет уединенного жительства рясофорного послушника Георгия назначили начальником скита Всех Святых, а в 1880 году на Страстную седмицу он был пострижен в монашество с именем Гавриил. В должности начальника скита он проявил себя деятельным монахом и в то же время отечески заботливым по отношению к своей братии. Спустя семь лет его вновь перевели в монастырь, теперь уже помощником эконома. 24 декабря 1881 года монах Гавриил был рукоположен во иеродиакона, а 21 мая 1884 года – во иеромонаха. Отец Гавриил последовательно прошел монастырские послушания казначея обители, наместника монастыря, а в 1891 году, после смерти игумена Иоанофана II (Дмитриева) был возведен в сан настоятеля Валаамской обители.

Одной из главных задач игумена Гавриила стало завершение строительства нового Спасо-Преображенского собора, устройство иконостасов в нижнем и верхнем храмах, проведение живописных работ. Вместе с другими

монастырскими живописцами он трудился над росписью верхнего Спасо-Преображенского собора. На сводах церкви им были написаны все херувимы, а также некоторые иконы. При игумене Гаврииле велась роспись нижнего храма Предтеченского скита в честь трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого и Никольского храма этого же скита. За время двенадцатилетнего правления отца Гавриила были построены каменные церкви островных скитов: в Тихвинском скиту во имя Тихвинской иконы Божией Матери (1899), в Сергиевском – во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских (1899), в Германовском заложен храм в честь святого благоверного князя Александра Невского (1901). На Валааме, в местечке Никоново, где раньше находилась часовня святого апостола Андрея Первозванного, был заложен храм в честь Воскресения Христова (1902). В монастырской усадьбе надстроен третий этаж Юго-западного братского корпуса, внешнего каре и зимней гостиницы. В Москве стараниями купцов Прусаковых и Курниковых было выстроено двухэтажное подворье монастыря (1901). При игумене Гаврииле впервые за всю историю обители была осуществлена запись на ноты богослужебных песнопений, до этого времени сохранявшихся в устной церковно-певческой валаамской традиции. В 1903 году вышел в свет «Обиход Валаамского пения». При отце Гаврииле не только расширялось строительство монастыря, но и значительно умножилась братия – с четырехсот человек до тысячи. Для насельников игумен Гавриил являлся духовным отцом, ставшимся исправлять провинившегося брата духом кротости и любви. «Без любви нельзя построить ничего, заслуживающего благодарности. Часто повторял он: Если руководитель не любит братию, то и братия не будут уважать друг друга, и отсюда последует только внешнее соблюдение Устава и напрасные поиски духа и милости».

При игумене Гаврииле Валаамский монастырь стал школой воспитания и духовного становления будущих настоятелей русских монастырей.

В любимом Валаамском монастыре отец Гавриил надеялся завершить свой земной путь, но Господь судил иначе. 6 марта 1903 года игумен Гавриил был переведен на должность настоятеля Свято-Троицкого Алатырского мужского монастыря Симбирской епархии с возведением в сан архимандрита. 3 апреля, в Великий Четверг, отец Гавриил со слезами простился с родной обителью и, испросив прощения у братии, покинул ее навсегда.

Отец Гавриил отошел ко Господу 7/20 декабря 1910 года и был погребен в Свято-Троицком Алатырском монастыре.

Игумен Виталий

Игумен Виталий, в миру Василий Батраков, родился в 1841 году и происходил из царскосельских мещан. Поступил в монастырь 2 июля 1868 года. Спустя несколько лет, в 1874 году, был определен в послушники, а через десять лет, в августе 1878 года, принял монашеский постриг. Рукоположен во иеродиакона 29 августа 1881 года, во иеромонаха – 3 сентября 1883 года. В монастыре проходил разные послушания: пел на клиросе и трудился в библиотеке. Более девяти лет исправлял должность управляющего монастырской часовней в Санкт-Петербурге. По представлению настоятеля нес послушание казначея. 16 мая 1894 года указом Святейшего Синода утвержден в должности наместника монастыря. Был награжден наперсным золотым крестом, а также орденом Святой Анны 3-й степени. 13 июня 1903 года возведен в сан игумена.

При игумене Виталии был освящен храм в честь святого благоверного князя Александра Невского в Германовском скиту.

Несмотря на тяжелую болезнь почек, игумен Виталий трудился во славу Валаамской обители. 28 февраля 1905 он встречал великого князя Дмитрия Константиновича, 1 марта принял его исповедь. На следующий день, 2 марта, в присутствии гостя отец игумен совершил пострижение монахов в великую схиму. По окончании литургии Преждеосвященных Даров он поздравил великого князя с принятием Святых Христовых Таин, а потом долго беседовал с гостем. Проводив его до Никольского скита, на прощание благословил в дорогу.

На другой день, 3 марта, игумен Виталий в три часа дня тихо почил о Господе. Как и его предшественники, был погребен на Игуменском кладбище у церкви всех преподобных отцов, в подвиге просиявших рядом с могилой игумена Дамаскина.

Игумен Пафнутий

Игумен Пафнутий, в миру Петр Андреев, родился 16 августа 1845 года в Новгородской губернии в крестьянской семье. В 26-летнем возрасте прибыл в Валаамский монастырь. Первое время в монастыре он проходил общие послушания, затем более десяти лет трудился в слесарной мастерской. В 1876 году зачислен в число монастырского братства. В 1883-м пострижен в монашество с наречением имени Пафнутий. В 1885 году рукоположен во иеродиакона и через три года – во иеромонаха. В течение четырех лет отец Пафнутий состоял экономом монастырской часовни на Калашниковской набережной в Петербурге. Во внимание к его доброй иноческой жизни, по представлению настоятеля монастыря игумена Гавриила в 1894 году был утвержден в должности ризничного, а спустя четыре года назначен казначеем Валаамского монастыря. В 1903 году избран братией на должность наместника. 28 июня 1905 года иеромонах Пафнутий был возведен в сан игумена с возложением палицы.

При нем было завершено строительство храма Сергиевского скита, а также каменного храма в Воскресенском скиту. В Петербурге на Васильевском острове по благословению игумена Пафнутия была начата постройка большого каменного пятиэтажного доходного дома. Игумен Пафнутий был прост в обращении с братией и этой искренней простотой располагал к себе.

Игумен Пафнутий скончался 31 мая 1907 года от тифа в возрасте 61 года и погребен на Игуменском кладбище рядом с могилой игумена Виталия.

Как и его предшественник, по настоятельству отец Пафнутий прожил в обители 37 лет. О том, что и по смерти игумены не оставляют без помощи свою обитель, свидетельствует такой случай. О нем рассказал монах Евграф, заведующий известегасильным заводом: «У нас в монастыре всегда хорошо, и летом, и зимой. Да лучше нашего монастыря нигде нет. Я живу вот 22-й год. Враг один раз стал меня

искушать, внушая: «Уйди да уйди. Чего ты здесь живешь?» И вот раз забылся я минут на семь и вижу покойного нашего игумена Пафнутия, который посмотрел на меня строго, да и говорит: «Ты смотри, Евграфушка, отсюда никуда не уходи». А мне очень уж радостно стало, что я его увидел и спрашиваю: «Хорошо ли тебе, батюшка?» А он и отвечает: «Очень хорошо. Вот вы в церкви нас не видите, а мы так всех вас видим». Сказал это и скрылся. И я проснулся. С тех пор я из головы выбросил всякую думу, чтобы отсюда уйти».

Игумен Маврикий

Игумен Валаамского монастыря отец Маврикий, в миру Михаил Баранов родился в 1839 году в Ярославской губернии в крестьянской семье. Сведения о домонастырской жизни будущего игумена Валаамского монастыря, принявшего монашеский постриг в 54 года, очень скучны. Известно, что Михаил Баранов с юности стремился к благочестию, жизнь проводил чистую и целомудренную. Любил посещать богослужения в храме, совершал паломничества по святыням Руси и Палестины. До поступления в Валаамский монастырь в течение многих лет работал приказчиком в большом хлебном магазине Петербурга. Среди суеты и соблазнов большого города Михаил сохранил свою душу в чистоте и живую веру в Промысл Божий. Один брат, хорошо знавший отца игумена, свидетельствовал, что «он был блаженный и святой подвижник, девственник, молитвенник, исполненный любви и милосердия к ближним».

В 1893 году Михаил Баранов поступил в Валаамский монастырь. В монашество пострижен 15 января 1893 года с наречением имени Маврикий. Рукоположен во иеродиакона 29 июня 1893 года, в иеромонаха 6 ноября 1894 года. Проходил послушание библиотекаря, исполнял должность управляющего монастырской часовней в Петербурге. Отец Маврикий постоянно служил в домовой церкви графини Орловой-Давыдовой на Сергиевской улице. По воспоминаниям братии: «Отец Маврикий, будучи экономом в часовне, так истово, благоговейно, не торопясь, совершал служение молебнов и панихид, что прихожане всегда желали, чтобы служил именно он». Около 10 лет отец Маврикий управлял Валаамским подворьем в Петербурге. Впоследствии был снова переведен на Валаам, где проходил послушание казначея (1903 г.) и наместника монастыря (1905 г.). За ревностный труд отцу Маврикию в 1902 году было преподано благословение от Святейшего Синода с выдачей установленной грамоты, а в 1904-м он был награжден наперсным крестом. В 1907 году,

после кончины игумена Пафнутия, иеромонах Маврикий был единодушно избран братией в настоятели монастыря и возведен в сан игумена с возложением палицы.

Добрый пример нестыжательности и любви ко всем являл собой игумен Маврикий. Кроткий и смиренный старец ходил в простой, уже поношенной рясе, так что встречавшиеся с ним паломники не всегда признавали в нем игумена. Его покой состояли из трех маленьких сводчатых комнаток, очень скромно обставленных. «Освободившись от приемов и канцелярской переписки, — писал об отце Маврикии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), — он принимался за общие братские послушания: чистку картофеля, укладку дров, сенокос. Ездил он всегда в третьем классе, даже тогда, когда ему покупали билет во второй. В бане он мылся вместе с простыми послушниками, и когда один новоначальный, не узнав в лицо обнаженного настоятеля, окликнул: «Чего ты, стариk, забрал две шайки?» Он ласково сказал: «Ну бери, Бог с тобой...». Он отменил все преимущества своего положения, довольствовался братской пищей, одеждой. Он жил своим внутренним миром, но не был чужд участия и любви к ближним. Это выражалось не только в радушном и ласковом обращении со всеми, но еще более в его чрезвычайно продолжительных молитвах в церкви и кельи, во время которых он прочитывал бесконечные поминания с именами братии и, казалось, вообще всех, кого знал.

Старец любил церковные последования, полунощницы, утрени, любил Литургию и особенно раннюю, за которой поминаются усопшие. От долгого молитвенного стояния ноги его ниже колен были совершенно темные, почти черные, гноились и требовали перевязок до самой смерти. Несмотря на это, он бодро и терпеливо выстаивал церковные службы.

При игумене Маврикии продолжалось строительство монастыря. В 1911 году недалеко от Воскресенского скита, у подножия горы Елеон была возведена деревянная церковь в честь Успения Божией Матери и построены два келейных корпуса Гефсиманского скита. В 1914 году по желанию и на средства Великого Князя Николая Николаевича для

поминовения всех погибших воинов, защищавших Отечество, была построена каменная церковь Смоленского скита. Устроена больница с храмом в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». В 1912 году, во время правления игумена Маврикия, указом императора Николая II игуменам Валаамского монастыря была предоставлена привилегия совершать богослужения в митре.

Осенью 1917 года игумен Маврикий принял участие в работе Поместного Собора, представляя на нем Валаамский монастырь. Благополучно вернувшись в декабре в обитель, старец внезапно серьезно заболел. Страдая от боли и почти не вкушая пищи, он смиренно переносил болезнь, сознавая, «что, по воле Божией нужно отходить в другую жизнь». 30 декабря по желанию болеющего отец наместник Павлин совершил пострижение старца в великую схиму с прежним именем Маврикия. 9 февраля 1918 года, в праздник отдания Сретения Господня, в 12 часов пополудни большой колокол двенадцатью ударами возвестил братии о мирной христианской кончине ее старейшего аввы. 12 февраля после совершения заупокойной литургии тело схиигумена Маврикия было предано земле на старом братском кладбище. При прощании лицо почившего было открыто. Старец, как живой, благолепно возлежал в гробу.

«С чувством сыновней любви к почившему отцу, игумену Маврикию, мы его проводили на вечное упокоение. Думаю, что не согрешу, если скажу, что едва ли Валаамская обитель увидит такого ревностного старца-молитвенника, который служил нам всем примером. Ушел от нас наш отец...», – писал в дневнике иеромонах Памва.

Игумен Павлин (схиархимандрит Павел)

Игумен Павлин, в миру Петр Тимофеевич Мешалкин, родился 20 июня 1866 года в Тверской губернии. Стремление к иноческой жизни у него возникло, очевидно, еще с юных лет, так как он сразу по окончании военной службы отправился в Кронштадт. Получив благословение отца Иоанна Кронштадтского, 24 мая 1893 года приехал в Валаамский монастырь. Здесь первое время он проходил искус на общих монастырских послушаниях, затем трудился в Сергиевском скиту. С первых дней жизни в обители Петр Мешалкин так хорошо проявил себя, что уже через год по прибытии на Валаам был зачислен в число братии, а в 1898 году пострижен в монашество с именем Павлин. В следующем году рукоположен во иеродиакона, а в 1900-м – во иеромонаха. Уже в священном сане отец Павлин вновь посетил Кронштадт и после богослужения в алтаре Андреевского собора вторично беседовал со святым праведным Иоанном Кронштадтским.

Молодой валаамский иеромонах был самым ближайшим помощником и сотрудником игумена Гавриила в его многотрудной строительной деятельности. Составление всех актов строительных комиссий, ведение отчетности денежных сумм и строительных материалов целиком лежало на отце Павлине. Кроме того, он исполнял послушание управляющего монастырской канцелярией, и вся деловая корреспонденция монастыря, обширнейшая переписка как по хозяйственной части, так и по братским вопросам находилась под его началом. В 1904 году отец Павлин был командирован на Валаамское подворье в Москву. Примерная иноческая жизнь, усердное исполнение всех послушаний и удивительно редкая трудоспособность отца Павлина были отмечены архиепископом Финляндским и Выборгским Сергием (Страгородским). И в 1906 году отец Павлин был назначен экономом Финляндского Архиерейского дома, а через год уже нес послушание благочинного в родном монастыре.

После кончины игумена Маврикия наместник монастыря иеромонах Павлин 10 мая 1918 года был избран братией кандидатом на настоятельскую должность, а 3 апреля 1921 года возведен в сан игумена. Ему пришлось нести бремя настоятельства в тяжкое для Валаамской обители время. В 1914–1916 годах молодые послушники были призваны на военную службу, и лишь немногие из них смогли вернуться в обитель. Это отразилось на обширном хозяйстве монастыря: не хватало рабочих рук на ферме, огородах, в многочисленных мастерских.

В 1917 году Валаамский монастырь территориально вошел в состав ставшей независимой Финляндии. Из России прекратился приток паломников, не стало пожертвований благотворителей. В обители из-за недостатка продовольствия начался голод, участились смертельные случаи среди братии. В 1925 году в монастыре произошел раскол по поводу введения западной пасхалии и нового (григорианского) стиля. Но, несмотря на тяжелые испытания, осенью 1931 года в Воскресенском скиту был открыт приют на 30 мальчиков. Благодаря помощи монастыря с 1926 года начал регулярно издаваться православный просветительский журнал «Утренняя Заря». В это время Валаамский монастырь пожертвовал в собственность Финляндской Православной Церкви два смежных участка земли в г. Сердоболе под строительство духовной семинарии и церковного дома. Для прихода, открывшегося в Куркиеки, была передана деревянная церковь Авраамиевского скита с колоколами и иконостасом. В Спасо-Преображенском соборе обители приступили к реставрации живописи. Библиотека монастыря, насчитывающая до 30 тысяч экземпляров книг, была приведена в полный порядок.

27 марта 1933 года, согласно поданному прошению, игумен Павлин был освобожден от должности настоятеля и уволен на покой с возведением в сан архимандрита. Памятуя о часе смертном после перенесенного инсульта, отец Павлин пожелал принять великий ангельский образ и 4 августа 1935 года был пострижен в схиму с именем Павел. За три недели до кончины он тяжело заболел. В этот период он ежедневно причащался

Святых Христовых Таин. У каждого посещавшего его отец Павел просил прощение, говоря, что не держит ни на кого зла и желает только, чтобы и его все простили.

Схиархимандрит Павел мирно почил рано утром 23 октября / 5 ноября 1935 года и был погребен на Игуменском кладбище рядом с могилой игумена Пафнутия.

Схиигумен Харитон

Игумен Харитон, в миру Хрисанф Дунаев, родился 15 марта 1872 года в Костромской губернии в многодетной крестьянской семье. Его детство было малорадостным. Мальчик испытал голод и холод, тяжкие побои от любившего выпить дяди, к которому он был вынужден приехать из родной деревни. Но в душе его постоянно горел огонек веры в Бога, в Его небесное заступление. И Господь сохранял юную душу среди соблазнов столичного Петербурга. В мае 1894 года после многих искушений он поступил в Валаамский монастырь.

Здесь он прошел все степени монашества – от простого послушника до игумена. Выполняя поначалу разные послушания, Хрисанф помогал в гончарной мастерской, производил малярные работы. 5 марта 1905 года он был пострижен в монашество с именем Харитон, а 18 февраля 1908 года рукоположен в сан иеродиакона. В 1909 году его назначили экономом монастыря. 28 июня 1910 года он был посвящен в иеромонаха.

В 1912 году за труды на благо родной Валаамской обители отец Харитон был награжден набедренником и золотым крестом от Святейшего Синода, выдаваемым. В 1918–1920-х годах молодые трудоспособные послушники были взяты на войну. Вся тяжесть огромного монастырского хозяйства легла на плечи оставшихся 500 монахов, многие из которых уже были в престарелом возрасте. Многочисленные вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью монастыря, его жизнеобеспечением, тяжким бременем легли на плечи отца Харитона. В 1927 году иеромонах Харитон был выбран братией наместником монастыря, а в 1933-м утвержден в должности настоятеля с правом ношения палицы и митры.

Вся монашеская жизнь игумена Харитона была жизнью деятельной. Этому способствовали и его многотрудные послушания, связанные с неизбежным общением с миром, житейской суетой. Но душа его постоянно стремилась к уединению. Иногда зимой отец Харитон удалялся на несколько

месяцев в Предтеченский скит. Здесь он всецело предавался молитве, чтению творений святых отцов. Еще в 1896 году, будучи новоначальным послушником, отец Харитон прочитал книгу епископа Феофана Затворника Вышенского «Путь ко спасению». В молодом иноке возгорелось желание вести подвижническую жизнь, неразрывно связанную с непрестанным творением Иисусовой молитвы. «По вступлении моем в обитель, — писал в своем дневнике игумен Харитон, — я возревновал о завещании (наставлении) для иноков и был руководим своим старцем Агапием, который разрешал все мои недоумения, встречающиеся при молитве. По смерти же старца за разрешением недоумений я был вынужден прибегать к писаниям богомудрых отцов. Извлекая из них существенное о молитве Иисусовой, я записывал все это в тетрадь, и таким образом с течением времени у меня составился сборник о молитве». В 1936 году игумен Харитон совместно с протоиереем Сергием Четвериковым издал книгу «Умное делание. О молитве Иисусовой».

Мирная монашеская жизнь под кровом преподобных Сергия и Германа продолжалась до декабря 1939 года — начала советско-финской войны. По подписенному 12 марта 1940 года мирному договору к Советскому Союзу отходила вся территория Карельского перешейка, северное Приладожье и Валаамский архипелаг. Тогда же, в марте, в очень короткий срок, по уже тающему льду Ладожского озера братия во главе с игуменом Харитоном на машинах и лошадях эвакуировалась в глубь Финляндии, где в местечке Паппиниеме на берегу озера был основан монастырь, названный впоследствии Новым Валаамом.

Незадолго до кончины игумен Харитон был пострижен в великую схиму с именем преподобного Харитона Исповедника. В течение двух недель схиигумен Харитон ежедневно причащался Святых Христовых Таин. 14/27 октября, по прочтении канона на исход души он мирно почил о Господе, Которому служил всю свою жизнь. Последний игумен Валаамского монастыря Харитон был погребен в Финляндии на кладбище Ново-Валаамского монастыря.

Иеросхимонах Клеопа

Иеросхимонах Клеопа, в миру Кирилл Антонов, происходил из мещан города Путивля Курской губернии. Много лет подвизался он в Нямецком Молдовлахийском монастыре, где со схимонахом Феодором был наставлен и утвержден в духовной жизни преподобным Паисием Величковским. После смерти настоятеля отец Клеопа и отец Феодор вернулись в Россию и поселились в пустынной келье в лесу в двух километрах к северу от Белобережской Брянской пустыни. Здесь 10 октября 1804 года монах Клеопа был посвящен во иеродиакона, а через несколько дней – во иеромонаха.

Отец Клеопа вел безмолвную и уединенную жизнь. Он отличался великим трезвением и совершенным нестяжанием. Случалось, когда старец направлялся в обитель для совершения Божественной литургии. На дороге из пустынной кельи в монастырь попадались ему золотые монеты, но отец Клеопа не только не прикасался к ним, но и отвращал свое лицо от них. Слава о старцах быстро разнеслась по всей округе. К ним постоянно стекались жаждущие утешения и наставления. Это вызвало зависть у нового настоятеля Белобережской пустыни, и старцы вынуждены были искать другое место для подвигов. 10 октября 1811 года отцы Клеопа и Лев переселились на жительство в скит Всех Святых Валаамского монастыря, где в следующем году имели утешение соединиться со своим духовным другом и наставником схимонахом Феодором. Любитель безмолвия, отец Клеопа непрестанно занимался умной Иисусовой молитвой, при этом исполняя все скитские послушания. Так в пустынной тишине уединенного скита в молитвенных подвигах проходили дни старца-подвижника. В этом скиту отец Клеопа нашел себе вечное пристанище. Он отошел ко Господу 19 мая 1816 года, 66 лет от рождения.

Старец Клеопа по смирению скрывал свои добродетели. Поэтому сведения о старце, оставленные в воспоминаниях братии, крайне немногочисленны, но Господь прославил Своего

угодника. В 1893 году умер в скиту монах Арсений. Похоронить его было определено тут же, в скиту за алтарем храма. Когда копали могилу, послушники вдруг ощутили сильное благоухание. Работа близилась к концу, но вдруг сбоку из соседней могилы выпал человеческий череп, чистый, темного воскового цвета. Благоухание еще более усилилось. Тогда позвали скитского старца иеросхимонаха Алексия (Блинова). Когда отец Алексий увидел череп и почувствовал дивное благоухание, то с великой радостью взял в руки честную главу и сказал предстоящей братии: «Это глава святого старца иеросхимонаха Клеопы». По желанию всех скитских старцев отслужили панихиду по блаженном иеросхимонахе Клеопе, после чего глава с благоговением была возложена на место.

Иеросхимонах Никон

Иеросхимонах Никон (в миру Никита Андреевич Бахарев) родился в 1742 году. Происходил он из мещан города Арзамаса. В монашество пострижен 13 августа 1773 года игуменом Назарием с именем Никодим. 22 июля 1785 года посвящен в сан иеродиакона, а через четыре дня – во иеромонаха. Пострижен в великую схиму 23 июня 1805 года. Шестнадцать лет он исправлял чреду священнослужения и выпекал просфоры.

В 1801 году отец Никодим получил благословение на пустынножительство. Много лет он подвигался в пещере, с большими трудами изрытой в монастырской горе. Мрачная и сырая пещера была жилищем ужей, но их общество не тревожило смиренного старца. Император Александр I, приезжая на Валаам в 1819 году, посетил отца Никона в его вертепе. Смиренный подвижник, бегая людской славы, удалился в пустынь в шести верстах от монастыря. Впоследствии по имени подвижника эта местность стала называться Никоново, а две бухты, в одной из которых находится главная валаамская пристань, – Большой и Малой – Никоновскими.

В глубокой старости, по крайней немощи тела, старец выстаивал всю службу, опираясь на костьль. Во время Божественной литургии 12 августа 1819 года в монастырском соборе недалеко от отца Никона молился император Александр I. Внимая Божественному пению, старец выпустил костьль из рук и, поскользнувшись, упал. Государь взглянул на него с глубоким умилением, поспешил подошел, поднял старика и посадил его на скамью. Пустынник безмолвно поклонился царю и продолжал молиться за Божественной литургией. Иеросхимонах Никон почил от трудов своих 6 августа 1823 года в возрасте 80 лет. Погребен на старом братском кладбище.

Иеросхимонах Антоний

Отец Антоний (в миру Антоний Брелихов) происходил из мещан города Феодосии Таврической губернии. Поступил в Валаамский монастырь в 1818 году, в монашество пострижен в 1824 году игуменом Ионафаном с именем Амфилохий. Проходил разные послушания: был переплетчиком, келиархом, библиотекарем, нес послушание в трапезной. Жил в пустыни. По посвящении в 1840 году исправлял чреду священнослужения и обязанности братского духовника. В 1849 году отец Антоний был поражен параличным ударом, у него отнялась вся левая сторона. В этом положении он пробыл около 15-ти лет до самой кончины. Во время болезни в 1851 году принял схиму с именем Антоний. Свою болезнь отец Антоний переносил с величайшим терпением и всецелой преданностью воле Божией. Часто он оставался долгое время один в келье, имея нужду в помощи. Не имея возможности повернуться без помощи келейника, старец никогда не роптал и не жаловался на него. Во время болезни отец Антоний каждый месяц, а потом и каждую неделю приобщался Святых Христовых Таин. Посетил больного отец игумен. В это время пришел к нему и монах Палладий, который стал просить благословения у игумена побывать на родине. Игумен благословил ответить на эту просьбу старца. Больной долго отказывался, говоря: «Не мое это дело, а настоятеля». Но убежденный отцом игуменом ответил: «Как мертвец из гроба не выходит, так монах из монастыря». За неделю до своей кончины отец Антоний стал особенно ослабевать. Перед смертью ему стало делать хуже. Часа за полтора до кончины пришли к нему больничные старцы, подняли его, посадили, обложив подушками. Отец Антоний, склонив голову и тихо вздохнув, скончался 19 июля 1862 года 78-ми лет от рождения. Стоявшие рядом с ним даже не заметили его кончины. Иеросхимонах Антоний погребен на старом братском кладбище.

Иеросхимонах Евфимий

Иеросхимонах Евфимий (в миру Евсевий Ужтовский) родился в 1769 году. Происходил из дворян Новгородской губернии. В Валаамский монастырь поступил при игумене Назарии и им же в 1800 году был пострижен в монашество с именем Евдоким. 16 марта 1802 года был посвящен в сан иеродиакона, в 1805-м – во иеромонаха. Отец Евдоким проходил в монастыре разные послушания: был келлиархом, книгохранителем, братским духовником и исправлял чреду священнослужения. Монашескую жизнь он проходил без духовного руководителя и надеялся достигнуть духовного преуспеяния одними внешними подвигами. Однако при всей своей ревностной, деятельной жизни он не замечал в себе ни кротости, ни смирения, ни любви. Напротив, сухость, жестокость души, осуждение братии и другие страсти томили подвижника так, что он доходил до отчаяния, и лукавые помыслы склоняли его к самоубийству, советуя броситься со скалы в залив.

В 1811 году в Валаамский скит переселились на жительство белобережские старцы, ученики старца Паисия Величковского из Молдавии, иеромонахи Леонид (Наголкин) и Клеопа. Впоследствии к ним присоединился схимонах Феодор. Господь внушил отцу Евдокиму помысел, оставив надежду на свои подвиги, обратиться за советом к старцам. Опытные в духовной жизни старцы скоро помогли ему, указав, что, по учению святых отцов, одно только внешнее делание и телесные подвиги не ведут инока к преуспеянию в духовной жизни, особенно если они приводят к тщеславию и гордости и, как следствие, к осуждению, ожесточению и отчаянию. Отец Евдоким, монах внешний, но искренний и готовый ради спасения на смерть, начал смиряться и постепенно преобразился настолько, что его самоунижение и самоукорение не знали границ. По совету старцев отец Евдоким с 1814 года по глубокому смирению отказался от священнослужения и обязанностей братского духовника, до конца жизни никого не благословлял и принимал Святые Таины со лжицы, как простой монах. Каждого брата,

даже новоначального, приветствовал он земным поклоном. Слезы непрестанно орошали его лицо. В праздничные дни перед вечерней, старец собирал в келье своих учеников и одного из них благословлял читать отеческие книги. По окончании чтения обязательно говорил что-нибудь назидательное, вразумляя и советуя не забывать, зачем они пришли в монастырь. Отец Евдоким остерегал братию от художественного молитвенного делания Иисусовой молитвы, описанного в Добротолюбии. Будущий игумен Дамаскин однажды спросил своего старца: «Что же ты, батюшка, не учишь нас художественной молитве? Вот отец Антоний учит ей своих учеников». Старец покачал головой и сказал со вздохом: «А понимает ли он сам, чему учит других?»

В марте 1826 года отец Евдоким удалился на жительство в пустынь. Последнее время старца мучила болезнь, но молитвенных подвигов он не оставлял. 30 марта 1827 года иеромонах Евдоким принял великую схиму с именем Евфимий. Предчувствуя приближение кончины, отец Евфимий исповедовался и приобщался Святых Христовых Таин и мирно скончался 1-го октября 1829 года 60-ти лет от рождения.

Схимонах Михаил

Схимонах Михаил (в миру Матфей Котов) происходил из духовного звания. В 1802 году поступил в Соловецкий монастырь и там сразу принял монашеский постриг с именем Мелхиседек. В 1817 году перемещен по прошению в Архангельский Архиерейский дом, через год – в Новгородский Кирилло-Белозерский монастырь. В 1820 году поступил в Валаамскую обитель, где в 1828 году был пострижен в схиму. Тридцать пять лет подвизался отец Михаил на Валааме, выполняя разные монастырские послушания. Особенно любил старец уединенную жизнь. Много лет жил в пустыни. Жизнь проводил подвижническую, носил на себе ветхое рубище. Изнемогая силами, отец Михаил перешел в монастырскую больницу. Несмотря на крайнюю слабость, он со вниманием выстаивал все церковные службы. Много лет, сильно страдая ломотой во всем теле, лекарств не употреблял. До последней минуты своей жизни схимонах Михаил был в памяти, со всеми попрощался и тихо почил 29 мая 1854 года на 81 году от рождения. Отдавая последний долг усопшему в начале отпевания, игумен Дамаскин с удивлением ощутил от гроба благоухание. Когда гроб опускали в могилу, благоухание ощутили и некоторые из братии. Надпись на могильной плите была заранее иссечена за год до его кончины. Причем старец сам сказал, что написать на надгробной плите: «Схимонах Михаил почил мая 1854 года».

Схимонах Серафим

Схимонах Серафим из семьи зажиточных крестьян, был пострижен в монашество в 1835 году и наречен Серапионом. Схиму принял в 1853 году. По любви к Богу отец Серапион оставил жену и все прелести мира. С первых дней поступления в монастырь жил в большом воздержании, чаю не пил, тела своего никогда не омывал, в трудах и непрестанной молитве проводил все дни. Отсечение собственной воли и желаний было в нем полное. Будучи старым и больным, он без благословения не брал даже просфоры. Случающиеся скорби переносил в молчании, оправдывать себя не любил. В последнее время старец сильно болел от плеча и до пояса, со спины его сошла вся кожа. Страшная язва приводила в содрогание посторонних, но он не только не хотел лечить ее, но и нестерпимой своей боли не обнаруживал даже болезненным вздохом. В глухую ночь на соломенном своем ложе с великим трудом вставал отец Серафим для молитвы на колени, медленно, с глубоким вниманием ограждал себя крестным знамением и полагал поклон, произнося молитву. После нескольких поклонов в изнеможении падал на свое ложе и снова с усилием вставал на молитву. В таких трудах проходила ночь больного старца. В последние дни своей жизни он соборовался и приобщался Святых Христовых Таин. За два дня до его кончины посетил отца Серафима келлиарх монастыря иеродиакон Иона. Глаза старца были закрыты, лицо сияло необычайной радостью, грудь высоко подымалась. Из слов его можно было заключить, что он видит святых угодников Божиих. Сказав: «Владыко грядет! Грядет Владыко!» Старец крестился, в величайшем восторге, простирая руки и с живейшим чувством благоговения и любви взывал: «Господи мой! Сладчайший Иисусе Христе! Боже мой!» Когда старец умолк, тихая радость почивала на его лице. На вопрос отца Ионы, как его здоровье и кто грядет, старец радостно ответил: «Это Господь наш, Иисус Христос, про Него я говорил...». За несколько часов до кончины, когда старец был как бы в забытьи, он продолжал молиться: «Распнйся за мя,

помилуй мя! Сладчайший Господи, помилуй!». Так страдания Господа Иисуса были в памяти схимонаха Серафима. Ими одушевлялся он в своем подвиге, ими крепко было его упование на милость Божию. 2 февраля 1860 года отец Серафим на 83-м году от рождения тихо предал свой дух Господу. Окружающие с удивлением обоняли благоухание, исходившее от тела старца. Не было уже и страшной язвы на теле, ее благолепно покрыла тонкая кожица. Схимонах Серафим погребен на братском кладбище.

Схимонах Иоанн Молчальник

Схимонах Иоанн (в миру Иларион Родионов) родился в 1810 году. Происходил из крестьян Ярославской губернии, из семьи старообрядцев. С отроческих лет Иларион был обучен грамоте. Находясь в расколе с Православной Церковью, юноша стремилась узнать истину, и Господь не оставил Своего раба пребывать во тьме. В пяти верстах от Пошехонья находился основанный по благословению митрополита Макария Адриановский Пошехонский монастырь, в котором почивали моши преподобного Адриана Пошехонского. В обители подвизался старец, известный в округе своею подвижнической жизнью и духовной мудростью. Иларион часто посещал эту обитель. Духовные беседы старца-подвижника благотворно подействовали на его восприимчивую душу. Вскоре Иларион, оставив своих родных, обратился в Православие из раскола и около четырех лет проживал в Адриановском монастыре.

В 1835 году в возрасте 25 лет Иларион прибыл на Валаам при игумене Вениамине. Ревнуя о подвижнической жизни, он с усердием выполнял все послушания. Но враг рода человеческого, желая удалить юношу из святой обители, навел на него искушения. Однажды, когда он был в келье ночью, диавол вошел к нему в виде седого старика, схватил за ногу и потащил, приговаривая: «Выходи вон из монастыря!» Потом явились и родственники, которые стали звать Илариона обратно в мир. Не выдержав таких искушений, Иларион решил уйти из монастыря, отпросившись у игумена, съездить домой за увольнением от общества. Когда он возвратился в мир, родные стали уговаривать его жениться. Поддавшись их уговорам, Иларион женился и стал проводить обычную мирскую жизнь: торговал, ездил на Нижегородскую ярмарку. Внешне все шло как будто благополучно, но душа томилась от суеты житейской. Но милость Божия не оставила будущего подвижника. Вскоре жена и дети умерли. Лишившись близких сердцу людей, Иларион, как бы очнувшись от сна, оставил хозяйство родным и

в 1840 году снова возвратился на Валаам, уже при игумене Дамаскине.

27 февраля 1843 году Иларион был определен в послушники, 6 августа 1847 года пострижен в монашество с именем Ириней. С полным самоотвержением и совершенным отречением своей воли нес он все тяжелые послушания: обрабатывал поля, убирал и молотил хлеб. В течение 28 лет он нес еще одно тяжелое послушание, совершая поездки по озеру в г. Сердоболь с почтой и по другим монастырским делам. В этих поездках его жизнь многократно подвергалась опасности. Однажды зимой ехал он на лошади с почтой по льду озера. В пути, переезжая разлом льда, лошадь у него провалилась в воду. Он был один, и помочь ему было некому. Долго он бился, вытаскивая ее, пока не обратился с молитвой к своим покровителям – преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам. И тут, словно невидимая сила помогла ему: лошадь мгновенно очутилась на льду. Отличительной чертой отца Иоанна была живая, горячая вера в помощь Господа Бога и Его святых угодников.

Отец Ириней ревновал к большим подвигам и стремился духом на пустынное уединенное жительство. Он был безразличен к каким бы то ни было отличиям, повышениям и преимуществам. Но подвижническая жизнь не могла укрыться от глаз опытного настоятеля обители игумена Дамаскина, и он предложил отцу Иринею принять священный сан. По своему нелицемерному смирению и убеждению в своем недостоинстве старец отказался. Но, твердо помня, что при пострижении в монашество дал обет полного послушания, совершенного отречения от своей воли, отец Ириней спросил игумена Дамаскина, не прогневал ли он Бога своим отказом, как бы изъявляя собственную волю. Помолившись, отец игумен ответил: «Да, священство – великое дело. Приняв священство, надо быть житием, как Ангелу, а человек немощен. Оставайся простым монахом». В 1857 году при основании Предтеченского скита отец Ириней первым поселился в нем. По благословению игумена Дамаскина принял великий подвиг – молчание. Отец Ириней отличался словоохотливостью, и потому этот подвиг

был для него труден. Через 14 лет, испытав послушание молчальника, чтобы тот не возгордился, отец Дамаскин сказал ему: «Недостоин ты такой великий подвиг нести, говори опять, как и обычно».

13 августа 1870 года отец Иреней был пострижен в схиму с наречением имени Иоанна в честь Предтечи Господня, небесного покровителя скита. По свидетельству ученика старца, впоследствии валаамского игумена Гавриила, прожившего с ним в скиту шесть лет, подвиги его были необычны: труды, превосходящие человеческие силы, молитва непрестанная. Молиться отец Иоанн любил больше в церкви, говоря, что там он чувствует себя как на Фаворе с Господом. После богослужения он, невзирая на погоду, шел в холодную верхнюю церковь и клал поклоны перед Распятием, стоявшем на Горнем месте, так что на полу постепенно образовались следы. Многие из братии и из мирских людей приходили к схимонаху Иоанну за духовным советом и утешением. Он никогда не был суров с людьми, всегда приветлив и с готовностью со всеми делился богатством своего чистого любвеобильного сердца и духовной опытностью. Тридцать лет жизни в Предтеченском скиту и тридцать лет в монастыре оказались на здоровье отца Иоанна. Сначала старец был переведен на жительство в Коневский скит, а вскоре, в 1872 году, в монастырскую больницу. В воскресенье, 7 августа, в 9 часов утра, в начале поздней литургии, старец тихо и мирно предал душу свою Господу, сохраняя полное сознание до последней минуты жизни. Скончался он на 85-м году. Схимонах Иоанн погребен на братском кладбище.

Преподобный Антипа Валаамский (Афонский)

I. Детство, юность

Иеросхимонах Антипа родился в Молдавии, в селе Калаподешти Текунчского уезда в 1816 году. Родители его были люди православные и весьма благочестивые. Жили они в большой бедности. Отец его, Георгий Константинович Лукиан, служил диаконом в убогой церкви села Калаподешти. Мать, Екатерина Афанасьевна, впоследствии поступила в женский монастырь и с именем Елисавета скончалась в схиме. Долго у Лукианов не было детей. Наконец, по молитвам жены у них родился сын Александр, впоследствии в схиме получивший имя Антипа.

Рождение будущего подвижника ознаменовалось особенным благоволением Божиим: мать родила его без болезни, затем до конца жизни осеняла его чудная благодать Божия. Еще в детстве, когда он пас овец своего отца в глухом лесу, где водилось множество ядовитых змей, брал он их живыми, без малейшего вреда в свои руки и тем приводил в ужас сторонних зрителей. Одаренный от Бога высокими духовными дарованиями, отрок Александр был как бы лишен обыкновенных естественных способностей: от природы он был очень простоват и крайне непонятлив. Долго, несмотря на самое усердное прилежание, не мог Александр научиться грамоте. Видя его неспособность, учителя даже советовали ему оставить школу и обучаться какому-либо ремеслу. Усердием, трудом и молитвой преодолел он все трудности, и священные книги стали для него единственным постоянным источником духовного наставления и самых сладостных утешений.

Когда Александр еще учился, скончался его отец, и все семейство осталось без опоры. Его, как старшего, как будущего кормильца, отдала мать в обучение переплетному мастерству. Мужественно претерпев все тяжкие невзгоды в чужом доме у жестокого хозяина, беззащитный сирота с помощью Божией быстро достиг звания переплетного мастера и, возвратясь на родину и обзаведясь собственным хозяйством, еще юношей

сделался опорой и единственной отрадой вдовствующей своей матери и всей семьи.

Полное довольство царило в семействе Лукиана, но сердце молодого хозяина не находило утешений в земном. Часто вдали от всех, обливаясь слезами, недоумевая, где обрести покой душе, мысленно взывал он к Богу: «Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою!» (Пс. 142, 8). Во время одной из таких уединенных мысленных бесед на двадцатом году своей жизни юноша внезапно был озарен дивным, неизъяснимым светом. Свет этот наполнил сердце его невыразимой радостью, из очей его потоками полились неудержимые сладостные слезы. Тогда, как бы ощущив Божественный зов, он в радости воскликнул: «Господи я буду монахом». Но Господь промыслительно попускал на него и разнообразные бесовские искушения. Кроме искушений от бесов, много скорбей и поношений в разное время претерпел будущий послушник и от враждебно настроенных против него людей за его прямоту и неудержимую ревность к благочестию. Так «десными и шуйими» возводился он по степеням лествицы совершенства.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

II. Начало монашеского пути

Однажды ночью тихо вышел Александр из родительского дома и направился в знаменитый в Молдавии богатый Нямецкий монастырь. В соборном монастырском храме со слезами повергся он перед чудотворной Нямецкой иконой Божией Матери. Церковь была совершенно пуста. Вдруг сделался шум, и завеса, закрывавшая святую икону, отдернулась сама собой. В умилении и в неизъяснимой радости души приложился он к чудотворному образу Царицы Небесной. Благодатно утешенный в Божием храме, с великой печалью вышел юноша из келий настоятельских, когда, несмотря на все его просьбы и мольбы, ему решительно отказали в приеме в Нямецкую обитель. И он отправился в Валахию. Там небольшой штатный монастырь принял странника в свои мирные стены. Более двух лет самоотверженно трудился здесь ревностный подвижник в монастырских послушаниях. Жизнь его была исполнена скорбей и лишений. Ему не давали одежды, не было у него келии. Утомленный, засыпал он, где случится: на хуторе, на кухонном полу. Раз заснув в поле на сене, он занесен был снегом, полузамерзшего его едва привели в чувство. С подвигами телесными, бдением, постом соединял юный воин Христов умную молитву, которой научил его схимонах Гедеон, около тридцати лет подвизавшийся в затворе близ их монастыря.

Строгая, самоотверженная жизнь Александра резко выделялась среди общего монастырского строя. Духовник советовал ему идти на Афон. Туда же стремилось сердце и самого Александра. Обнаруживая духовную рассудительность, этот главный признак истинного подвижника, он решил услышать голос опытного в духовной жизни старца. В это время славился в Молдавии высокими подвигами и духовной опытностью настоятель монастыря, называемого «Браз» архимандрит Димитрий. К этому-то старцу и обратился послушник за духовным советом. Архимандрит Димитрий всегда удерживал стремившихся на Афонскую Гору, но на этот раз, к

удивлению всех, он согласился отпустить туда Александра, прибавив, что сам предварительно пострижет его в монахи. Так монахом с именем Алипий, напутствованный благословениями великого старца, отправился подвижник на Святую Гору.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

III. Афон

В одной из пустынных келий Афона подвизались в это время два соотечественника отца Алипия – молдаване иеросхимонахи Нифонт и Нектарий. К ним желал он поступить в ученики. «Ты недавно принял монашескую мантию, – отвечали на его просьбу опытные отцы, – и тебе следует сперва потрудиться в послушаниях в монастыре». Повинуясь их совету, поступил он в греческий монастырь Есфигмен. Около четырех лет трудился он в той обители, в поварне. Здесь целый год находился он в тягчайшем и опаснейшем для подвижника искушении: от него отступила умная молитва, и с нею прекратились все благодатные утешения. И ум, и сердце его исполнены были подавляющей тьмы и скорби. Только твердое упование на заступление Божией Матери уберегло его тогда от отчаяния. Кончилось время послушнического искуса, и старцы молдавские приняли своего собрата на высшие подвиги в пустыню.

Отец Нифонт вскоре решил постричь его в схиму, чтобы иметь себе помощника для устроения молдавского скита на Афоне. Но отец Антипа стремился к пустынножительству. С этим вопросом старец и ученик решили обратиться к иеросхимонаху Евфимию, их общему духовнику, пустыннику и весьма благочестивому старцу. Отец Евфимий принял сторону отца Алипия. По его совету отца Алипия постригли в схиму (с именем Антипа) и предоставили ему полную свободу одному проводить отшельническую жизнь.

Весьма неохотно отпустил отец Нифонт схимонаха в пустыню и даже не дал ему ничего, что было необходимо для первоначального обзаведения на новом месте. С голыми руками вошел пустынник в полуразвалившуюся отшельническую хижину. Она была совершенно пуста, только в переднем углу на полке нашел он небольшую икону Божией Матери, на которой от многолетней копоти нельзя было рассмотреть лика. Невыразимо обрадовался отец Антипа своей находке, почувствовав, что обрел драгоценное духовное

сокровище. Немедленно отправился он к знакомому иконописцу-пустыннику иеродиакону Паисию, переселившемуся со святых гор Киевских на священные высоты Афона, и стал просить его промыть икону, только как можно осторожнее, чтобы не повредить ее и отнюдь не поправлять ее красками. Никак не соглашался на таких условиях взять икону отец Паисий, и только по убедительным просьбам схимонаха решился наконец попробовать промыть ее, хотя вполне сознавал всю бесполезность такой пробы. Однако вскоре возвратил он отцу Антипе икону совершенно новую, клятвенно уверив его, что она стала такою от одной простой промывки и что это явление чрезвычайно поразило его самого. «Она чудотворная!» – в радости изрек о ней никогда более с нею не разлучавшийся отец Антипа. Теперь эта икона находится в Валаамском монастыре, в храме преподобных отцов Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, на левой стороне, у переднего столба, в небольшом иконостасе.

В короткое время с Божией помощью обстроилась келия отца Антипы, и мирно потекли дни его. С подвигом молитвенным отшельник по необходимости соединял безмятежное рукоделие, делание деревянных ложек, которые и продавал для пропитания. За советом в духовной жизни обращался он к пустыннику схимонаху Леонтию, старцу святому и великому подвижнику. С ним и в последующее время он находился в духовном общении. Только с его благословения решался он на новые шаги.

Между тем мысль отца Нифонта об устроении Молдавского скита стала мало-помалу осуществляться. В Молдавии, в городе Яссы, устроено было уже им подворье на Афоне, приобретена была земля, на которой быстро поднимались скитские здания. Число братии росло. Тогда молдавские старцы стали просить отца Антипу в сотрудники. Повинуясь совету духовных отцов, он согласился. Его посвятили в иеродиакона, потом скоро в иеромонаха и назначили келарем.

Занимая в возникающем скиту, по-видимому, незначительную должность, отец Антипа по мере своих сил ревновал о сохранении в нем общежительных правил во всей

силе. Однажды отец Нифонт, будучи уже игуменом, в общей братской трапезе благословил келарю приготовить для себя и для прибывшего к нему гостя отдельное кушанье. Келарь не приготовил. Игумен разгневался и велел встать ему на поклоны. «Поклоны я буду класть, – с радостью отвечал келарь игумену, – но прошу, батюшка, извинить меня: сделано это мною с благой целью, дабы не было соблазна братии, так как самим тобою же начаты добрые уставы по правилам святых отец, то чтобы тобою же не были оные нарушаемы, потому что настоятелю во всем надо быть самому примером для всех: тогда только будет твердо и надежно наше общежитие». Когда совершенно успокоилось волнение, игумен благодарил отца Антипа за его благоразумную ревность.

Дела по устройству скита побудили отца Нифонта года на три ехать в Молдавию. На это время управление всеми отраслями скитского общежития возложено было на отца Антипа. Ему же потом предоставлено было и право исполнять обязанности духовника, для чего по афонскому обычаю, в храме архипастырем прочтена была над ним молитва и выдана ему особая грамота.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

IV. Поездка в Россию

С возвращением отца Нифонта на Афонскую Гору настало время для отца Антипы расстаться навсегда со священным местом многолетних его духовных подвигов, к которому он привязался всеми силами души и о котором до конца своей жизни сохранил глубокую благоговейную память: отец Нифонт назначил его экономом на Ясское подворье.

Оказавшись среди разнообразных хлопот и попечений в шумном городе, отец Антипа старался и здесь, как в минувшие дни в пустыне, в точности исполнять схимническое правило по уставу.

При общем расположении к отцу Антипе дела его по управлению подворьем шли прекрасно, средства к содержанию подворья росли. Но с ревностью служа на пользу Молдавского скита, отец Антипа постоянно стремился сердцем на Афонскую Гору. Часто он просил отца Нифонта о возвращении его на Афон, но, видя большую пользу от деятельности отца Антипы для скитского общежития, учитывая множество неотложных нужд по устроению скита и скудость средств к их удовлетворению, отец Нифонт решился ехать за сбором подаяний в Россию и взять с собой туда и отца Антипа. «Не пускаешь ты меня на Афон, – сказал отец Антипа игумену, когда тот объявил ему свое решение, – берешь в Россию, а я чувствую, что как только мы переедем нашу границу, я уже не буду больше ваш, я буду русский.

Только первые шаги в России были сделаны отцом Антипой под руководством отца Нифонта: вскоре игумен уехал в Молдавию, и отец Антипа, не зная русского языка, остался один среди русских. Как у родных, помещен был он в одном благочестивом купеческом семействе. В отдельном домике в саду проводил он затворническую жизнь, посвящая почти все время молитве.

Дела отца Антипы по сбору приношений шли успешно. Этим успехом, главным образом он обязан был тому чувству доверия и расположенности, которое питали к нему все знавшие его в

России. В это время Господь сподобил отца Антипу присутствовать при открытии мощей святителя Тихона Задонского.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

V. Валаам

В первый год пребывания своего в России, как только открылась навигация, посетил отец Антипа Валаамский монастырь. Всей душой полюбил он тогда пустынные безмятежные кущи Валаама. И как только кончились его дела по сбору подаяний в пользу Молдавского скита, с благословения своих молдавских старцев 6 ноября 1865 года прибыл он на Валаамские горы.

Маленькая уединенная келья в скиту Всех Святых приютила здесь ревностного любителя безмолвия и молитвы. Прожив шесть лет на Валааме, отец Антипа пожелал навсегда здесь остаться.

21 декабря 1871 года игумен Дамаскин обратился к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору с представлением об определении отца Антипы в число братии Валаамского монастыря. К сожалению, переписка о принятии отцом Антипы российского гражданства и включении его в число братии монастыря продолжалась до самой его смерти, так и ничем и не закончившись.

Велики были молитвенные подвиги отца Антипы на Афонской Горе и среди шума мирского в городах Молдавии и России. Но там они развлекаемы были по необходимости: то рукоделием с целью пропитания, то обращением с мирскими людьми по делам монастырским и по сбору. В уединении же Валаамском молитва сделалась единственным и исключительным его занятием. Она занимала весь день и почти всю ночь подвижника. Кроме неопустительного исполнения денно-нощной службы по церковному уставу отец Антипа каждый день прочитывал два акафиста Божией Матери: один общий и другой Ее Успению и ежедневно полагал по 300 земных поклонов с молитвою о спасении всех усопших. Помянник отца Антипы был очень велик. Поминал он всех знаемых. Это поминование продолжалось более часу. В определенное время между службами и поклонами занимался он умною молитвою и ей же посвящал свободные от установленного молитвословия

часы дня и ночи. Когда случалось ему быть или служить в монастыре, точно так же, как и каждую субботу, когда он причащался Божественных Христовых Таин в скиту, в алтаре, облачаясь сверх мантии в священническую ризу, предварительно в келье совершал он полную службу на молдавском языке и потом выстаивал без упущения и всю церковную службу в скитском или монастырском храме

В первую неделю Великого поста отец Антипа вовсе не употреблял ни пищи, ни питья. В такой же строгости соблюдал он пост в понедельник, среду и пятницу в течение всего года и в вечер праздников Рождества Христова и Богоявления: в эти два последних дня (сочельника) даже в предсмертной болезни своей, когда от сильного жара высыхал у него совершенно рот, не решался он облегчить своих тяжких страданий глотком воды. На четыре же непостных дня – воскресенье, вторник, четверг и субботу для постника была достаточна та пища, которую ему раз в неделю приносили на обед в субботу.

Так подвизался отец Антипа круглый год в скиту, когда же приходил в монастырь, здесь уже он сообразовался с чином монастырским. В монастырь он приходил три раза в год: на Рождество Христово, на Страстную неделю и неделю Святой Пасхи и на всю неделю Пятидесятницы. Кроме этих определенных дней приводила его в монастырь еще необходимость духовного собеседования с близкими ему лицами, приезжавшими, собственно для него на Валаам. Хотя приезды этих лиц крайне тяготили любителя безмолвия, но на них всегда отзывался он безграничным радушием. Здесь выражались его глубокая, самоотверженная любовь к близким, его тонкое благочестивое чувство, боявшееся чем-нибудь опечалить их. По целым дням тогда затворник находился в обществе женщин, пил чай, ел. «Как можешь ты соединять продолжительный скитский пост с таким неожиданным разрешением?» – в недоумении спрашивал его один из отцов валаамских. Дивно отвечал он ему словами святого апостола Павла: «*Во всем и во всех навыкох: и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися*». (Флп. 4, 12).

«Батюшка, ты обращался много с женщинами, неужели не приходило тебе дурных мыслей?» – спрашивал его в последние дни его земной жизни один из преданных учеников. «Никогда! – отвечал ему сохранивший себя в девственной чистоте отец Антипа, – не могут прийти такие мысли чадолюбивому отцу, тем более не могут прийти они отцу духовному. Единственным моим желанием по отношению к моим ученикам и ученицам было их преуспеяние духовное и вечное спасение их души».

Между почитателями отца Антипы были люди со средствами. По его предложению охотно делали они приношения на нужды монастырей в России и на Афонской Горе. Сочувствуя существенным потребностям обителей, отец Антипа не одобрял их увлечения к излишним сооружениям. «Много я видел монастырей и в России, и за границею, – говорил он, – везде хлопочут, строят... Но и хлопоты, и постройки – дела суety, дела мирские. Монаха жизнь в церкви – дело его, монашеское правило». Жил он в нищете крайней. Келья его была совершенно пуста, не было ни кровати, ни стула, стояли в ней небольшой столик вместо аналоя и деревянный жезл с перекладиной, на который в борьбе со сном в изнеможении опирался он во время всенощного бдения. На полу лежал войлок, на котором он сидел в утомлении и предавался краткому ночному отдохновению. Живя сам в такой нищете, отец Антипа любовью отзывался на нужды братии. Полюбив всей душой Валаамский монастырь, с первого дня своего прибытия на Валаамские горы, отец Антипа сохранил свою любовь к нему до конца. «Одно сокровище есть у меня, – говорил он, – это моя чудотворная икона Божией Матери. Никому я ее не дам, кто бы у меня ее ни просил: я оставлю ее только Валаамскому монастырю».

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

VI. Кончина

Многие годы проводя в строгом подвижничестве, отец Антипа нисколько не расстроил здоровья. Вообще он обладал здоровым, крепким организмом. К лекарствам и лекарям в случае болезни он никогда не обращался. Принимая болезнь от руки Божией, от Божией же руки ожидал он и исцеления. Судя по его бодрому виду, трудно было предполагать, что он так скоро переселится в селения горные. В течение одного года сильнейший кашель совершенно обессилен и иссушил его и тихо привел его к мирному преставлению.

В год своей болезни Страстную неделю и неделю Святой Пасхи отец Антипа еще по обыкновению провел в монастыре. В Великую Субботу он был у Божественной литургии. По окончании литургии он сказал своему ближайшему сподвижнику и ученику: «Во время причащения я был в алтаре и взглянул из южных дверей в церковь. Монахи уже причастились, и лица некоторых причаствившихся монахов сияли, как солнце. Я не знаю имен этих монахов. Прежде этого я не видал».

В глухую осень того же года стоял отец Антипа в своем уединении на молитве. Вдруг сделался шум: Афонский образ Божией Матери сам собою двинулся с места, другие иконы, бывшие около него, упали. Образ Богоматери шествовал тихо по воздуху на протяжении целой сажени и остановился на груди у отца Антипы. Ужаснулся старец. С благовением принял образ, он поставил его на место. Со слезами умиления поведал отец Антипа об этом одному из ближайших своих учеников только за три дня до кончины.

Болезнь быстро развивалась. По желанию отца Антипы его соборовали. Он, видимо, угасал. С любовью посещала его во время болезни братия. Ближайшие же его ученики в последние дни были при нем неотлучно.

В последнюю ночь часто подымал отец Антипа руки к небу и звал к себе своего любимого афонского старца схимонаха Леонтия, мужа святого и подвижника великого. «Леонтий! Леонтий! Где ты? Леонтий!» – часто повторял отец Антипа и как

бы беседовал с пришедшим. «Батюшка, да с кем ты говоришь? Ведь никого нет», — наклоняясь к отцу Антипе, сказал ему келейник. Пристально посмотрел старец на келейника и тихо пальцем постучал по его голове.

Под утро, чувствуя близость своего отшествия и желая быть причастником Божественных Таин на литургии, совершенной в последний день его жизни, отец Антипа просил причастить его. В полном разуме, сподобившись приятия Божественных Даров, отец Антипа погрузился в тихую дремоту. Прошло два часа. Ближайший ученик его прочитал девятый час и стал читать акафист Божией Матери. Во время чтения акафиста тихо замолк навеки в течение всей жизни, ежедневно усердием и верой возносивший Царице Небесной акафистные хваления отец Антипа. Скончался он в воскресенье, 10 января 1882 года на 66-м году от рождения. Согласно завещанию отца Антипы, он был захоронен вне стен скита, чтобы паломники и духовные чада, в том числе и женщины, почитающие его, могли бы беспрепятственно приходить на его могилу. Известно было, что могила его находилась у часовни Крестных Страданий.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»

Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

VII. Обретение мощей, прославление

В 1960 году могила старца Антипы была вырыта местными жителями. Но, не найдя драгоценностей, они засыпали могилу землей, а надгробная плита оставалась сдвинутой в сторону. Земля на вскрытой могиле со временем осела, и это помогло определить место захоронения. Мощи старца Антипы были обретены в мае 1991 года, после того, как наместник обители игумен Андроник (Трубачев) с братией совершил панихиду по старцу. Для удостоверения того, что раскопки велись действительно на месте могилы и что обретенные останки принадлежали именно старцу Антипе, место под сдвинутой плитой было раскопано, но там оказалась только скала. На всеоощущенном бдении на память равноапостольного князя Владимира 15 (28) июля 1991 года мощи старца Антипы были перенесены в храм святых апостолов Петра и Павла, а на память преподобных Сергия и Германа – 11 (24) сентября 1991 года – в нижний храм Преображенского собора, им посвященный. После обретения мощей старца Антипы от них исходило сильное благоухание.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия II честные мощи старца Антипы были помещены в раку, которая установлена в нижней церкви во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. В 2000 году Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II имя преподобного Антипы Афонского было включено в Месяцеслов Русской Православной Церкви. Память преподобному Антипе Афонскому совершается 10/23 января. Братия и паломники обращаются к преподобному старцу с просьбой о молитвенном представительстве и получают его. Неоднократно отмечалось сильное благоухание от его мощей, особенно в то время, (например, в начале Великого поста), когда братия обители усердно подвизалась в посте и молитве. Приезжающие на Валаам иерархи и священнослужители из разных мест России неоднократно обращались с просьбой отделить им малую частичку святых мощей старца Антипы, что свидетельствует о

почитании ими старца. Особенно велико почитание старца в Молдавии, в Румынии, откуда также поступали просьбы передать частичку его мощей. На Святой Горе Афон почитание старца Антипы распространено среди монахов-святогорцев румынской и русской национальностей.

Из книги «Валаамский монастырь и его подвижники»
Издательство Валаамского монастыря, 2005г.

Преподобный Антипа Валаамский (Афонский): главы из книги «Тайна будущего века»

Святая северная Русь...

Недаром называли ее нашей Фиваидой, ибо дух особого «пустыннолюбия» отличал ее с самых древних времен. Потому-то и было у нас на Русском Севере так много островных обителей... А остров, как известно, что в сказке, что в мифе, что в устном предании, всегда представлял читателю и слушателю или же наяву, в действительности путешественнику и мореплавателю как мир не просто обособленный, но совершенно другой, как иное, часто полное неведомых тайн и своих законов пространство земного бытия. Остров же святой, на котором особился монастырь или скит, представлял таким миром тем более.

Не море житейское, воздвигаемое зря билось на каком-нибудь дальнем острове северной Руси в монастырские врата и подступало к самым дверям келий, а суровые и бурные воды защищали надежно от многомятежного и суетного мира тех, кто от более южных пределов приходил в полунощную нашу сторону в поисках никем и ничем не нарушенной пустынной тишины и молитвенного единения...

И была та островная пустыня, всем пустыням пустыня.

Сколько же их было, этих обителей на озерных островах и «в морских отоцах» в Архангельской, Вологодской, Выборгской, Новгородской, Олонецкой, Санкт-Петербургской губерниях... Крестный Онежский монастырь на острове Кие в Онежской губе Белого моря; Спасо-Каменный на Кубенском озере; Валдайский Иверский Свято-Озерский Богородицкий монастырь; Кириллов-Белый Новоозерский на одном из островов Нового озера; Череменецкий Иоанно-Богословский посреди Череменецкого озера; Клименецкий Свято-Троицкий монастырь на Клименецком острове Онежского озера; Рождество-Богородичный Коневский на Коневце посреди Ладоги... И совсем уже на севере – Соловки со знаменитым Спасо-

Преображенским Соловецким монастырем. Но нет, был, был у нас еще северней Николаевский Новоземельский скит при Карельском Николаевском монастыре, основанный за тысячу с лишним верст от него, на Новой Земле, в страшной ледяной пустыне Северного Ледовитого океана, с его бесконечно длящейся зимней темью...

...О, полнощный край Святой Руси!..

Но отцом обителей северных, едва ли не древнейшей из ныне существующих, едва ли не первой православной твердыней и святыней земли нашей, нашим «Русским Афоном», нашим «Северным Афоном» издревле был и остается по сей день «дивный остров Валаам» с его Спасо-Преображенским Валаамским монастырем, в котором в далекие века уже «держали греческий закон» и который называли тогда «честною и великою Лаврою». (Монастырское «общежительство» на святом острове, как можно прочесть в житии преподобного Авраамия Ростовского, поначалу основано было во имя Живоначальной Троицы).

Валаам для северной России всегда имел такое же значение, что и «седалище первого благочестия русского» Киев для средней и южной Руси. «Только Киев по плечу Валааму» – так емко и образно выразился, говоря о почти тысячелетней православной почве этого ладожского архипелага, поэт Константин Случевский в одном из своих путевых очерков, созданных во время его путешествий в качестве журналиста-бытописателя в свите Великого князя Владимира Александровича и составивших прекрасно изданный в восьмидесятых годах 19-го века трехтомник «По Северу России».

Нашему народу, который, в отличие от других народов, избрал в незапамятное время своим идеалом не какую-то одну добродетель, но именно святость, находящуюся высоко над ветхим состоянием падшего человека, над обыденной, подверженной греху и страстям его жизнью. Религиозное чувство верно подсказывало, сколь кратким может быть путь до Небесного Царства, если идти этим путем из пустыни. Ее уважительно и любовно величал народ не иначе как «мать-

пустыня», «государыня-пустыня» ибо она, пустыня, обиталище подвижников благочестия, в народном сознании всегда олицетворяла собой высшую, осененную благодатью полноту бытия в Боге и с Богом. Потому-то и были так любимы в старину повесть и духовные стихи о царевиче Иоасафе, смиренно и трогательно просившем мать-пустыню принять его в свои объятия навсегда.

А уж в отделенной глубокими водами от остальной земли островной пустыне, как, пожалуй, нигде больше, душа человеческая обретает особую трезвность. Там не просто покидает ее суeta, все мелкожитейское, все мирские иллюзии и амбиции, которыми так утешается она посреди городского торжища. Там, в островной пустыне, с особенной силой и ясностью грешная душа начинает ощущать, что земная жизнь ее «пара бо есть, яже вмале является, потом же исчезает» (Иак., 4,14).

Но картина окруженных ладожскими водами величественных скал Валаама не позволяет душе приунуть по этому поводу даже на краткий миг, ибо наполняет ее необыкновенным «просторонством» простором, покоем для дум о вечности и для молитвы и зовет только ввысь, только к горнему... Сколько же людей, скольких веков и поколений, достигнув однажды святого острова и увидев его скалы, которые возвышаются над озерными глубинами, «как исполины», ничего уже больше не пожелали знать «и забыли все, кроме Валаама и неба». Так писал в очерке о посещении Валаамской обители святитель Игнатий (Брянчанинов) в бытность свою архимандритом и благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии.

Когда читаешь паломнические воспоминания, заметки, очерки столетней и более давности, то невольно завидуешь паломникам старого Валаама с его отцами-черноризцами и старцами-схимниками. Завидуешь паломникам прежнего времени, не прерванной еще православной традиции, когда и нравы были чище, и народ набожней. Когда народ еще приникал к своим святыням с крепкою, «несомненною» верою. Когда понятия благочестия, праведности, подвижничества, святости,

изгнанные вовсе из лексикона последующих советских поколений, сохранялись еще в русском обществе вопреки его зараженности либеральной чумой. Когда образы святых не успели еще потускнеть или оказаться вовсе стертыми в помутившемся народном сознании.

Трудно представить, чтобы, скажем, в 19-м веке могли раскопать и разорить могилу иеросхимонаха в надежде найти там «ценности» и «сокровища». Таких гробокопателей породил лишь позднейший вандальный энтузиазм строителей «светлого будущего», которые оскверняли храмы, крушили на своем пути монастыри, сметали погосты, глумились над святыми мощами...

Так, в 1960 году на святом острове неизвестными лицами была раскопана могила иеросхимонаха Антипы, находившаяся позади каменной часовни Крестных страданий Господа нашего Иисуса Христа, неподалеку от Всехсвятского скита. Не обнаружив там «драгоценностей», вандалы засыпали могилу землей, а надгробную плиту оставили сдвинутой в сторону. (Всегда в подобных случаях вспоминаются слова преподобного Нектария, старца Оптинского, который предрекал, что подрастут еще при богооборческой власти не знающие страха Божия «собачата и волчата»).

А место это, где покоился честной отец Антипа, «любитель безмолвия и молитвы», как начертано на сохранившейся надгробной плите, удивительное.

...Когда большая часть пути в скит Всех Святых пройдена и позади осталась дубовая аллея, что начинается за четырехсотлетней сосной, которая запечатлена на полотне Ивана Шишкина, то путнику остается преодолеть лишь малую часть дороги, поднимающейся чуть в горку. И вот уже невдалеке взор его видит белую стену Большого скита. А по правую руку путника, за деревьями начинает белеть часовня во имя Крестных страданий Спасителя. Там, обогнув ее и сделав несколько шагов, окажется путник у простой ограды бывшей могилки старца Антипы.

Рядом с нею и поодаль могучими стражами здешней тишины и покоя стоят и устремляются ввысь лиственницы, сосны, ели, сопричастные жизни не одного монашеского

поколения. Есть среди них и свидетели безмолвной, умной молитвы преподобного старца.

И оказавшись под высокой сенью этих вековых великанов, охраняющих намоленную целительную и благословенную тишину, невольно думаешь, что человеку внешнему и немощному есть чему поучиться у этих могучих деревьев, не знающих суеты, умеющих хранить молчание, устремляться ввысь и стойко переносить удары стихий...

И если путник, не тревожа эту тишину своими совсем неподобающими здесь речами и эмоциями, пожелает вчувствоваться и вслушаться в нее, то наградой будет ему духовная радость, в которой не участвуют грубые наши чувства. И тогда душа его захочет пить и пить эту благодатную тишину так же, как пьет, приникнув к источнику, чистейшую родниковую воду, усталый, истомленный пыльной и знойной дорогой странник...

Теперь же честные мощи старца Антипы почивают в нижнем храме главного монастырского собора близ раки преподобных отцов наших Сергия и Германа. Их святые души славят Господа, с Ангелами Его, собеседуют между собою, нет-нет да и перемолвятся словом, неразличимо, конечно, для нашего душевного тугого уха. И нас, погибающих и немощных, уж как милуют, уж как призывают... Ведь что мы такое без них...

На единственной дошедшей до нас фотографии отца Антипы и на портрете, созданном трудами Валаамских иноков вскоре после его блаженной кончины, мы, сколько бы ни взглядывались, не увидим отражения внутренней жизни земного человека, не найдем даже слабой тени чувств и переживаний не свободного от страстей сердца, в котором они, как волны, набегающие одна на другую, удерживают его в мире душевном. На этих двух портретах, как и на иконе, светоносный лик честного старца Антипы – это лик человека духовного, не только стяжавшего глубокую, внутреннюю, ничем не возмущаемую тишину – благодать Божию, но и научившегося ее хранить, никогда не растративая, в отличие от нас, грешных, получающих ее в таинствах и тут же бездумно теряющих в пустых занятиях и речах.

На фотографии отец Антипа запечатлен как простой черноризец, а на портрете, написанном Валаамскими иноками, изображен в полном великосхимническом облачении. И там, и там руки его покоятся на груди, и левая кисть, на которой висят четки, прикрывает правую. Во всем его облике – тишина и покой, которые передаются даже обуреваемой страстями душе мирского зрителя. Хочется смотреть и смотреть на этот тихий лик с отсветом на нем Невечернего света, вглядываться в эти ясные, проницательные глаза (точнее не проницательные, а исполненные глубочайшего духовного разумения, которое превосходит любое человеческое знание), что, без всякого сомнения, зрят из блаженной вечности твою душу со всею ее скверной насквозь...

И вспоминаются тогда слова из одной старой монашеской книги: «От безмолвия и молчания светлеет душа». И еще оттуда же: «Награда безмолвнику от Бога есть здравие души и святость ее».

Преподобный Антипа родился в 1816 году в нижней Молдавии, в селе Калаподешти Текучского уезда, что в области Галац (ныне это территория современной Румынии), расположенной у границы с Бессарабией.

Часть Молдавии Бессарабия после очередной русско-турецкой войны 1806–1812 гг. вошла в состав России, а та часть, что за рекой Прут, как и Валахия, оставалась еще под гнетом турецкой Порты, для которой территории этих государств были ареной постоянной борьбы с греками и русскими.

Детство преподобного Антипы пришлось на особенно смутное военное время 1818–1829 гг., когда турки уже лишились власти над многими территориями и, подавляя греческое сопротивление, проливали реки молдавской крови. Так, в 1821 году, во время восстания греков, когда в Иоанно-Предтеченском Секульском монастыре большое число монахов и мирян заперлись в храме от турок, те пушками разбили монастырские врата, ворвались в храм и изрубили всех до единого. И было тогда в храме «крови на аршин», что рекой вытекала из него по ступеням...

Но село Калаподешти, едва различимое на «Общегеографической Карте Бессарабии, Молдавии, Валахии и части земель, к оным прилежащих», (которая была «сочинена при Военно-топографическом депо в 1817 г.» в Санкт-Петербурге), оставалось в стороне от этих событий, хотя вести о них и о поворотах большой политики доходили, конечно, и туда, не нарушая, однако, привычного течения крестьянских дней с их трудами и заботами о хлебе наущном.

Отец преподобного Антипы, Георгий Константинович Лукиан, служил дьяконом в убогой церкви своего села, а мать, Екатерина Афанасьевна, когда впоследствии овдовела и вырастила сына, поступила в женский монастырь, где и скончалась в схиме с именем Елисавета.

У Лукианов долгое время не было детей, но, наконец, молитвы жены были услышаны, и родилось у них вымоленное и долгожданное дитя – мальчик ненаглядный сыночек «фичораш», как ласково называли его по-молдавски, не чаявшие уже дождаться такого счастья отец и мать. Нарекли они его во святом крещении, Александром. Вот он-то десятилетия спустя и получил по принятии великой схимы имя Антипа, с которым и вошел в православный месяцеслов.

Из истории Церкви мы знаем, что Господь иногда посыпает в мир святых деточек через престарелых родителей, когда ими уже не владеют плотские страсти, сопутствующие молодости. Самые высокие тому примеры – новозаветные родители Иоаким и Анна, и Захария, и Елисавета, которые долго несли поношание безчадия и только в преклонные лета разрешились от своего неплодства, родив «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим» Пресвятую Богородицу и «проповедника покаяния» Крестителя Спасова Иоанна.

Господь отметил появление на свет будущего Валаамского старца, явив знамение особого Своего благоволения: мать родила его совершенно безболезненно, так же, как, по преданию, без всякой болезни родила праведная Анна Пресвятую Богородицу и как Сама Пречистая Матерь Сына Своего и Спаса нашего.

Крестьянские труды с ветхозаветных времен меняются мало. Вот и маленький Александр в раннем детстве пас овец своего отца. Чаще всего пас он их в глухом лесу, где водилось множество ядовитых змей. Мальчик брал их без всякой боязни в руки, чем не раз приводил в ужас случайных сторонних зрителей. Змеи же никогда не причиняли ему ни малейшего вреда.

Однажды проходил отрок Александр мимо огорода соседа, человека семейного, много его старше. Тот окликнул мальчика, пригласив зайти. Разговорились о змеях, которые в их местах то и дело попадались крестьянам. Ребенок стал уверять соседа, что змей совсем не боится и частенько берет их в руки, когда те встречаются ему в лесу. Сосед недоверчиво слушал и посмеивался, принимая его слова за обычную мальчишескую похвальбу. В это время неподалеку от них в огороде вдруг оказалась большая змея. Увидев ее, мальчик тут же подошел к ней и взял ее, послушно застывшую, в руки. А сосед пустился бежать во всю мочь, оглашая окрестности своими отчаянными криками. И долго потом рассказывал он односельчанам об этом случае, всякий раз прибавляя: «По всему видать, мальчонка-то у Лукиана не от мира сего».

Выделялся Александр и тем, что, как и другие чуждые сему миру дети, сторонился обычных для его возраста забав, лишь изредка играя со сверстниками. Ему было хорошо в лесу одному и никогда не бывало там страшно. Присматривая за овцами, маленький пастушок повторял знакомые с младенчества молитвы «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и другие, какие знал от родителей. И еще чистая его душа обращалась к Богу со своими детскими бесхитростными словами и прошениями. Но что это были за слова, навсегда останется тайной между Господом и отроком Его.

В лесу мальчик особенно ощущал присутствие своего Ангела-Хранителя и знал, что часто парит где-то рядом и Тихий Ангел, которого иногда называют еще в народе Ангелом Благого молчания. Он, как рассказывал ему отец, нередко посещает те места, где люди хранят молитвенную благоговейную тишину. Тогда-то отрок и полюбил внимать ей более всего на свете...

Много позже, когда маленький пастушок стал иноком Алипием, а затем и иеросхимонахом Антипой и достиг возраста и меры зрелого духовного мужа, доводилось ему встречать в монастырских храмах Святой Горы Афон образ Иисуса Христа в виде крылатого ангелоподобного отрока со скрещенными на груди руками. Этот в ангельском облике образ Спасителя и Бога Сына, посланного Богом Отцом в грешный мир и предназначенному стать жертвой за падший человеческий род, называется «Спас Благое Молчание». И в глубине сердца отец Антипа всегда соотносил этот образ с теми начальными уроками безмолвия и тишины, что преподаны были ему еще в раннем детстве Самим Господом Иисусом Христом.

Долгое время Александру, как некогда и отроку Варфоломею, преподобному Сергию, как и отроку Амосу, будущему преподобному Александру Свирскому, постриженику Валаамскому, грамота не давалась. Все его усилия были напрасны, и самое усердное прилежание не приносило плодов. Учителя, видя его неспособность к учению, даже советовали ему оставить школу и осваивать какое-либо ремесло. Мальчик горько плакал и сквозь слезы говорил, что его единственное желание – научиться читать. «Я до смерти буду заниматься только чтением божественных книг», неустанно повторял он, обнаруживая упорство и цельность натуры.

Часто ночью, когда все уже спали, ребенок долго сидел в полумраке бедного жилища при свече, оплывающей в простом деревянном подсвечнике, и при крошечном огоньке лампадки пред образами, и прилежно водил пальцем по никак не дававшимся ему строчкам, и время от времени глаза его застилали слезы. Наконец уставший мальчик засыпал, постигая грамоту над Псалтирию, и там во сне видел буквы, которые складывались в слова, и он свободно читал их, и чистое детское сердце его трепетало от радости. А проснувшись, понимал, что это был только сон, и тогда горю его не было предела.

Но ведь известно, что все перетрут терпенье и труд. Они, да еще горячая молитва отрока, и вот, наконец, Священное Писание и святоотеческие книги, божественные книги, которые

некогда летописец Нестор поэтически сравнил с «реками, напояющими Вселенную», становятся главными собеседниками и наставниками юной души. И всю остальную жизнь черпала она в них духовное назидание и находила неизменное утешение.

Александр еще учился в школе, когда скончался его отец и все их семейство лишилось опоры. Как будущего кормильца, мать отдала его в учение переплетному мастерству.

Возвратившись домой, подросший и возмужавший Александр, уже юноша, но такой же, как и раньше, как и всегда почтительный и ласковый сын, сказал матери:

«Мэйкуцэ, матушка, дорогая матушка, вы не будете нуждаться теперь ни в чем».

И в самом деле, привычная для них нужда покинула отныне их семейство, в котором теперь он, совсем юный Александр Лукиан, сделался главой всей семьи и настоящей опорой и единственной отрадой вдовствующей матери.

Казалось бы, молодому человеку ранняя самостоятельность и наступившее житейское довольство должны были бы быть по сердцу, но оно и теперь у него не прилеплялось ни к чему земному и не находило в нем утешений. Часто, бродя вдали от всех, он плакал, не зная, где обрести покой души, и мысленно взывал к Богу: «Скажи мне, Господи, путь в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою» (Пс., 142,8).

Однажды Александр, которому шел тогда двадцатый год, молитвенно вопрошал Бога в своем уединении. Внезапно его озарил дивный, неизъяснимый свет. Свет этот наполнил его сердце какой-то особой тихой радостью, которая вызвала поток слез из очей, и юноша понял, что Господь призывает его встать в ряды Его земного воинства и идти самым узким на земле путем, тесниной монашеского жития. И в радости он, отвечая на зов Божий и давая Ему обет, воскликнул:

«Господи, я буду, буду монахом!»..

Достигнув знаменитого Нямецкого монастыря, Александр сразу же направился в соборный монастырский храм, где он со слезами повергся перед чудотворным образом Нямецкой

Божией Матери. Кроме него в храме не было ни души. Вдруг его слух уловил тихий шелест, и он увидел, как завеса, которая скрывала икону, отодвигается сама собой... Царица Небесная явила ему свой лик, благословив его твердую решимость идти тесной монашеской стезей. В умилении и благоговейной радости приложился он к ее святому образу.

Однако его ждало великое огорчение: настоятель категорически отказался, несмотря на все просьбы и мольбы молодого человека, принять его послушником в Нямецкую обитель. Причиной тому, видимо, было огромное число насельников в ней, монашеское «великое полчище». А ведь еще несколько десятилетий назад старец Паисий, при котором монастырь был «яко рай, Богом насажденный», всех приходивших к нему в Нямец, по рассказам современных ему старцев, принимал в число братии, говоря тем, кто сомневался, найдется ли пропитание для все прибывающих и прибывающих иноков: «Аз грядущаго ко мне не изжену, вон прибыл брат, прибыла и молитва. Пошлет Бог и на него пищу». И так оно всегда и было при старце Паисии Величковском.

Но останься Александр в Нямеце, кто знает, довелось бы ему дойти до столь полюбившейся позднее его сердцу северной пустыни – острова Валаам... А именно туда вел его Божественный Промысл.

Пока же отправился он в Валахию.

Там принят был Александр в небольшой штатный монастырь, в котором он два с лишним года ревностно и с полным самоотвержением трудился на разных послушаниях. Немало претерпел он за это время скорбей и лишений. Молодому подвижнику не давали монастырской одежды, и даже места в келье для него не находилось. Спал он где придется, чаще всего на хуторе, на кухонном полу. Однажды заснул он в поле в стоге сена и чуть было не погиб от холода. Монахи спохватились, что нигде его нет, только утром следующего дня и уже занесенного снегом и полузамерзшего, с трудом отыскали, едва сумев отогреть и привести в чувство.

В этом монастыре юный воин Христов стал творить умную молитву Иисусову, соединяя ее со своими телесными трудами,

постом и бдениями. С ранних лет знал Александр, что она есть общее дело у человеков с Ангелами, и руководствовался богоумрудными советами Святых Отцов о непрестанной молитве, необходимой душе, как воздух легким.

Теперь же будущий старец Антипа получил наставника в Иисусовой молитве – опытного подвижника схимонаха Гедеона, что около тридцати лет провел в затворе близ этого валашского монастырька. Под руководством старца послушник стал затворяться в клети своего сердца, отыскивая «внутреннюю сокровищницу свою», чтобы узреть «сокровищницу небесную». Ибо, как пишет преподобный Исаак Сирин: «и то, и это одно суть, и одним входом видишь ты их обеих. Лествица в Царствие оное внутрь тебя сокрыта, т.е. в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

Случалось, когда Александр постом проводил ночи на молитве. Резкие, пробуждавшие спящих монахов крики рысей, что обитали в тех местах, тревожили ночную тишину. Но он никогда не слышал их, ибо целиком был погружен внутрь своего сердца. И лишь удары колокола, призывавшие братию к полунощнице, доходили до его слуха.

А в те же самые годы, где-то там, на севере, в России, на далеком, полном могучей и суровой красоты монашеском острове, о котором, скорее всего, тогда еще и не слышал ничего молодой молдавский послушник, начинал свое игуменское служение честной отец Дамаскин (Кононов), который, конечно же, не мог знать о дальнем монастырьке в валашском княжестве. Но через десятилетия им предстояло встретиться, послужить на Валааме, рядом каждому на своем месте Богу и Святой Церкви и почти в одно время, с разницей в год, отойти ко Господу.

Пока же будущий отец Антипа, не дававший себе никогда ни в чем послабления истинно подвижническим отношением к любому возложенному на него послушанию, резко выделялся из числа монастырской братии, которая иной раз любила и попразднословить по-мирски, и в чем-то досадить друг другу, и вздрогнуть «бездодно» в неурочное время. «О лен курящийся»!

— такими словами пророка Исаии (Ис. 42:3) укорял частенько настоятель кого-либо из братии, желая указать тому на его нерадение и на то, что в нем едва ли можно отыскать искру добра.

Духовник Александра, зная внутреннее его устроение, советовал ему идти на Афон. Туда же стремилось и сердце молодого подвижника. Но он понимал, что решающим в таком деле должно быть благословение на него особо опытного в духовной жизни старца.

Таким в то самое время был в Молдавии настоятель монастыря, называемого Браз, архимандрит Димитрий, который славился высокими подвигами и даром духовного рассуждения. До своего настоятельства проводил он строгую отшельническую жизнь в глухом лесу.

К этому-то настоятелю обители Браз и обратился Александр за духовным советом. Обычно архимандрит Димитрий удерживал стремившихся на Афонскую Гору, но на этот раз, к удивлению всех, не только согласился отпустить туда молодого послушника, но и совершил над ним постриг перед его дальним странствием.

Так монахом, нареченным в иночестве Алипием и получившим благословение старца, отправился будущий Валаамский затворник на Святую Гору Афон, которую кто-то из давних церковных авторов назвал «златым христианским кадилом» всего Востока.

Добравшись до Афона, молодой чернец нашел там двух своих соотечественников, которые подвизались в одной из пустынных келий. Новопостриженный инок хотел было поступить к ним учеником.

Но молдаване-иеросхимонахи Нифонт и Нектарий хорошо знали правоту святоотеческих наставлений, которые предписывали приступать к пустынному житию не ранее, чем пройдет человек искус общежительный, ибо пустыня требует «ангельской силы», а преждевременное пустынное безмолвие бывает причиной многих падений, в частности высокоумия. Так, кстати, наставлял и старец Паисий Величковский. А кто-то из афонских подвижников говорил: «В монастыре борьба, как с

голубями, а в пустыне, как со львами». Поэтому опытные отцы сказали иноку Алипию следующее:

«Ты совсем недавно был облечен в монашескую мантию, и тебе следует сперва потрудиться на послушаниях в монастыре»...

По их совету молодой монах поступил в греческий монастырь Есфигмен, (тоесть утесненный горами, которые обступают его со всех сторон).

Трудился он около четырех лет в поварне и в течение целого года пребывал в тяжелейшем и опаснейшем для подвижника состоянии, когда отступила от него умная молитва и он лишился всех благодатных утешений, которые она давала душе. По его позднейшему признанию, это искушение было попущено ему за один лишь его помысел – гордости и осуждения. С детства знал отец Алипий, как важно беречь чувства от оскверняющих их впечатлений, но неизмеримо труднее оказалось, что и постиг он теперь на опыте хранить сердце свое от вторжения лукавых мыслей и страстей. И весь тот год ум и сердце молодого подвижника были исполнены мрачной скорби и уныния, едва только не доходивших до смертного греха отчаяния, от которого сохраняло его лишь твердое упование на милость и заступничество Царицы Небесной.

Когда же кончилось время искуса в общежительном монастыре, молдавские старцы приняли отца Алипия, выдержавшего ужасное состояние богооставленности и духовно окрепшего, как своего собрата, на высшее пустынное житие.

Как и принято на Афоне, постриг над ним отец Нифонт совершил за Божественной литургией, после пения тропарей и кондаков по малом входе под антифоны великой схимы. Так инок Алипий стал отцом Антипой, получив свое святое великосхимническое имя в честь сожженного в медном быке священномуученика Антипы, епископа Пергамской Церкви в Малой Азии. Святой Антипа, о котором говорит апостол и евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе, был одним из тех первых епископов, что были посвящены в сан самими апостолами Господа нашего. В переводе с греческого «Антипа»

значит «упорный, крепкий против всего». И с этим именем преподобный отец наш Антипа навсегда вошел в историю Афона и Валаама.

Отец Антипа, для которого наступало «время жати благодати неизреченыя» обрел вскоре еще одного таинника – наставника в молитве Иисусовой, с которым впоследствии находился в теснейшем духовном общении. Это был пустынник-схимонах Леонтий, великий подвижник и святой муж, советам и наставлениям которого во всем, что касалось молитвенного подвига и духовной жизни, следовал отец Антипа, решаясь только с его благословения на какие-либо новые шаги.

Настолько глубокой была внутренняя связь, соединявшая преподобного Антипу с отцом Леонтием, что в последнюю свою ночь призывал отец Антипа, будучи уже в полу забытьи своего любимого старца, и зрел его, и беседовал с ним, отошедшим к Богу несколькими годами ранее на Афоне, далеком по меркам земного пространства от Валаама, но близком и родном ему духовно.

Между тем в тогдашней столице Молдавии Яссах энергичный и деятельный отец Нифонт уже устроил афонское подворье, а на Афоне приобрел землю, на которой быстро стали расти скитские постройки. Умножалось и число молдавской и валашской братии. И тогда молдавские старцы, которым забот и хлопот все прибавлялось, стали просить отца Антипу им в помощь. Посоветовавшись с духовными наставниками, отец Антипа не счел возможным отказаться. Его сразу же рукоположили в иеродиакона, а вскоре – и в иеромонаха, возложив на него послушание келаря.

Молдавский скит на Святой Горе в отсутствие его игумена отстраивался, благоукрашался, неукоснительно соблюдался в нем общежительный устав, обязательным для братии было каждодневное откровение помыслов духовнику. И во всё это было вложено много трудов, которые совершал с неизменным тщанием, бесконечной любовью и ежечасным самоотвержением иеросхимонах Антипа, будучи и экономом, и келарем, и духовником скитской братии...

Когда же случались у него редкие свободные часы, уходил он каменистыми безлюдными тропами Святой Горы куда-нибудь из скита в совсем пустынное место, чтобы там в полном уединении вознести свою подвижническую молитву к открытому небу, к «тверди небесней», на которой Господь во дни творения утвердил светила, «освещати землю и разлучати между днем и между нощю: и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета» (Быт. 1:14).

Известно, что в дохристианские века с Горы Афон вглядывались в звездные письмена языческие мудрецы, пытаясь прочесть в них грядущие события. Но, вопрошая с дерзостной и слепотствующей любознательностью бездну над ними, не знали ничего они о Божественном Промысле и не ведали о единственном духовном опыте, который привлекает к человеку Божию благодать.

Те же, кто позднее принесли на Афон свет Христов, никогда не дерзали безумно вопрошать Бога о Его тайнах. Но как Ангелы славословили Владыку всего мира видимого и невидимого, сотворившего времена и лета, и этот небесный свод. И возносили, со страхом возделывая свое спасение, смиренную и сокрушенную молитву к звездному небу и с покаянным чувством вглядывались в ту беспределную бездну, что разверзается в глубине каждого человеческого сердца, этого малого сосуда, но безграничного и бездонного для тех, кто в молитве проникает внутрь его. И звезды, звездные силы светили чернецам с далекой высоты так же, как светят зажженные паникадила во время соборной молитвы в храме...

Как тысячи афонских черноризцев до него, возносил и отец Антипа свою молитву к Богу. И, преодолевая яростное сопротивление враждебных стихий и вихрей, устремлялась она ввысь и прорезала столпом света воздушное пространство, разгоняя «духов злобы поднебесных»...

И так в непрестанных молитвенных подвигах и телесных трудах восходил честной отец Антипа от силы в силу.

Горячее желание отца Антипы проводить уединенную молитвенную жизнь не мешало ему умело управлять Ясским подворьем. В столице он заслужил расположение всех, кто знал

его, и щедрые пожертвования на содержание храма, всего хозяйства и на постройку афонского скита текли отовсюду. Ревностно служа становлению скита Продром на Святой Горе, отец Антипа с отеческой любовью спешил откликнуться и на нужды любого, кто бы ни обращался к нему за духовным советом.

Но сердце подвижника постоянно устремлялось в афонские пределы, ибо не было для отца Антипы, как и для царевича Иоасафа, места на земле прекрасней, чем мать-пустыня. Частенько просил он игумена Нифонта отпустить его обратно на Афон. Но на уме у того было нечто другое.

Игумен по достоинству оценил усердие и талант отца Антипы вести все хозяйственные монастырские дела и видел ту несомненную пользу, какую приносили скитскому общежитию его неустанные труды. Однако средств для разнообразных и неотложных нужд скита и самого подворья было, тем не менее, далеко не достаточно, их скудость ощущалась во всем. Поэтому отец Нифонт решился ехать в Россию за пожертвованиями и взять с собой туда и отца Антипу, надеясь там, в единоверных землях, собрать остро недостающие средства.

А тот, в глубине сердца провидя грядущее, сказал объявившему свое решение игумену:

«Не пускаешь ты меня на Афон, берешь в Россию, а я чувствую, что как только переедем мы нашу границу, я уже не буду больше ваш, я буду русским»...

Он нашел самый радушный прием и гостеприимный кров в одном благочестивом купеческом семействе в Москве, где-то в Замоскворечье. В отдельном домике, стоявшем в саду, неожиданно обрел он для себя возможность проводить настоящую затворническую жизнь, посвящая молитве целые сутки.

Не обходилось, конечно, без досужих слухов. Человек, ведущий прикровенную жизнь молитвенника и отшельника в миру. О, какой это соблазн для людей внешних и несмысленных!.. Шла молва и о том, что однажды купеческая вдова и все ее домочадцы были не на шутку перепуганы, когда отец Антипа не выходил из своего уединения почти неделю. Да

и к их семейному обеду или чаепитию присоединялся он лишь по особому, настойчивому приглашению, не желая огорчать отказом свою гостеприимную и хлебосольную хозяйку.

Успех сбора средств и приношений для афонского скита во многом объяснялся самой личностью молдавского иеросхимонаха, который чрезвычайно располагал к себе и, как уже говорилось, вызывал безусловное доверие. Благочестивые люди из всех слоев общества чувствовали его аскетическую высоту и незаурядную духовную опытность и искали его советов и наставлений. Здесь, в России, у отца Антипы, любившего более всего безмолвие и молитву, но умевшего, как никто, и выслушать, и наставить любую грешную душу, появилось немало русских чад.

Оказывали ему милостивое внимание и оба митрополита – Московский Филарет (Дроздов) и Санкт-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский), которые не раз беседовали с ним о духовной жизни. Но содержание этих бесед от нас, людей внешних и немощных, скрыто. Впоследствии смиреннейший отец Антипа сообщил единственную подробность одной из таких бесед. Кто-то из двух святителей спросил его однажды:

«Что особенно необходимо тому, кто упражняется в умной молитве?»

На это опытный исихаст, с юности обучавшийся безмолвному сердечному деланию, ответил одним словом: «Терпение».

Святителю Филарету отца Антипу представил игумен Нифонт, которого давно уже знали в России, а митрополит Исидор услышал о молдавском подвижнике, можно сказать, случайно.

Произошло это так.

Когда отец Антипа прибыл в северную столицу для получения в Святейшем Синоде сборной книги, был он помещен как странник в Александро-Невской Лавре в одной келье с белым священником, приехавшим в Петербург по своим делам.

Вскоре начался Великий пост. Отец Антипа, как это всегда бывало в постное время, неопустительно ходил на все лаврские

богослужения, а среди дня и ночью целиком вычитывал в келье на молдавском языке последование суточного богослужебного круга по Постной Триоди, Часослову и Минее и свое схимническое правило. Миновал первый день поста, второй, третий... За все это время подвижник не вкусила ни крошки хлеба и не выпил ни глотка воды...

Священник смотрел на своего духовного собрата со все возрастающим изумлением. Когда в конце недели он представлялся по своему делу митрополиту Исидору, то рассказал ему среди прочего о своем соседе по келье, молдавском подвижнике, и его жестоком постническом житии.

После этого в разное время и в различных обстоятельствах Владыка многажды принимал участие в жизни отца Антипы в России.

В течение четырех дней, пока он находился в дороге, держал подвижник свой жесточайший пост без единой крошки хлеба, без единого глотка воды. В Задонске митрополит Исидор сердечно принял его и повторил свое приглашение сослужить ему. Однако сложилось так, что позднее распорядители торжеств вместо отца Антипы назначили служить по чьей-то настоятельной просьбе или по иной какой причине другое духовное лицо.

И хотя отец Антипа и не попал в число священномучеников с архипастырем, во время торжеств он имел возможность молиться и в алтаре, и рядом с гробом святителя Тихона, который, собрав на великий свой праздник до трехсот тысяч человек, показал воочию молдавскому подвижнику корневую Святорусскую Богородичную Россию...

Такое людское море на церковном торжестве отцу Антипе видеть еще не доводилось.

Бывал, конечно, он в матушке-Москве, да и в Петербурге на торжественных церковных службах бывал и видел, как русский народ почитает Царицу Небесную, как теснятся и смешиваются все сословия около дивных образов Богоматери и как в такие минуты единым сердцем и едиными устами народ поет: «Взранной Воеводе победительная...», «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго...», «Днесъ светло красуется

славнейший град Москва...», «От святыя иконы Твоей, о Владычице Богородице...»

И то единение в вере и надежде, какое сплачивало людскую толпу вне всяких сословных различий и заставляло проливать слезы мудрецов и простецов, невозможно было больше нигде.

Был отец Антипа и свидетелем могучего торжества – Пасхи в первопрестольной, видел праздничные толпы народа, слышал немолчный, ликующий, «целодневный» звон всех сорока сороков, достигавший слуха каждой души и возвещавший ей великую радость о воскресшем Господе!..

Доводилось молдавскому страннику бывать, когда жил он в доме купеческой вдовы где-нибудь в Замоскворечье на ранних обеднях. Там не было нарядной публики, их посещали все больше совсем простые люди да пожилые чиновники и купцы, да еще старухи купчихи, чью молитву отличала истовость и смиренность...

И хотя давно уже был отец Антипа опытным делателем Иисусовой молитвы и таинственником, глубоко внутренним человеком, не мог не отозваться он всем своим православным сердцем на неземную красоту белокаменной нашей столицы, когда взору его открывалась картина церквей и колоколен, замоскворецких садов, кремлевских соборов и монастырей с их древними намоленными святынями, а до слуха его доносилось, как «у Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят»...

Все это становилось своим, родным для молдавского подвижника.

Но именно здесь, в Задонске, святитель Тихон спешествовал отцу Антипе навсегда «стать русским», как тот и предрек о самом себе перед отъездом из Молдавии.

Торжества в Задонске произвели на отца Антипу великое впечатление и поразили атмосферой горячей народной любви к святителю. Там, в далекой уже от него Молдавии, кипели политические страсти, вздыпалось море человеческих страстей и пороков, схлестывались амбиции... А здесь еще была Святая Русь...

И открыл Господь молдавскому иеросхимонаху Антипе через Своего дивного угодника святителя Тихона Задонского чудотворца. Как много было в этих людских реках, притекших отовсюду, со всех концов Руси и из глухих ее уголков, сердец сокрушенных и смиренных, которых Бог не уничтожит, в которых жила непрестанная молитва, самоукорение, бесконечное терпение скорбей и жажды духовной, истинной жизни во Христе Иисусе. Многие сердца стремились к равноангельному житию и готовы были восполнить, как и подобает воинам Христа Бессмертного Царя, ряды тех, кто выбывал из монашеского земного строя, отходя в Небесные обители...

И узрел очами мысленными отец Антипа эти отверзтые для него Господом и светившиеся, как огоньки бесчисленных лампад, сердца людей разных званий и сословий, которые отвергли нечестие и мирские похоти и имели не земные устремления, но вышний наднебесный идеал – святость, «соль в себе», по слову апостола ([Мк. 9:50](#)) и которые и были той святорусской солью, что столетиями осоляла историческую жизнь России.

В первый же год пребывания своего в Российской империи посетил отец Антипа Валаамский монастырь. Это паломничество в нашу северную твердыню Православия совершил он еще до торжеств в Задонске, как только открылась навигация.

Суровая островная пустыня, шум сосновых вершин, шелест листвы, плеск озерных волн и любой шорох которой только углубляют созданную для молитв и дум о вечности тишину, полюбилась. Да и могла ли не полюбиться подвижнику, любителю безмолвия и молитвы. Едва увидел отец-молдаванин даль и ширь ладожских вод, скалы-исполины архипелага, громадные валуны, сосны, едва вдохнул напоенный славословиями Богу воздух, душа его исполнилась «просторонством» святого острова. И в тот же самый миг оказался он в сонме тех многих поколений чернечев, которые, очутившись там однажды, ничего уже больше не пожелали знать «кроме Валаама и неба»...

Но еще в течение нескольких лет нес отец Антипа свое послушание, занимался сбором пожертвований в пользу молдавского скита на Афоне. Когда же завершил он все труды, то прибыл с благословения своих святогорских старцев-румын 6-го ноября 1865 года на Валаам с тем, чтобы вселиться «в морской остров» и никогда уже больше его не покидать.

Теперь же на Валааме, где жил отец Антипа, год за годом, в полной гармонии с суровой природой святого острова, с его ветрами и штормами, которые не могли нарушить внутреннюю тишину давно свободного от страстных помыслов сердца, молитва стала единственным его занятием. На Валааме обрел он то, к чему стремился всю жизнь: ничем не нарушающее единение и молчание, освященные его непрестанной молитвой...

На усадьбе, в монастыре бывал он нечасто, как правило, три раза в году: на Рождество Христово, на Страстную неделю и Светлую седмицу и на всю неделю Пятидесятницы, проводя вместе со всею братией эти особые дни. И тогда уже придерживался он там общежительного устава.

Бывал он в монастыре и в тех случаях, когда приезжали на Валаам близкие ему мирские лица, которые предпринимали паломничество ради встречи и беседы с дорогим их сердцу отцом Антипой, которого они искренне любили и почитали. Но как бы ни тяготился безмолвник необходимостью встречаться с прежними знакомыми, людьми благочестивыми, но внешними и не разумеющими духовной жизни, он никогда не обнаруживал этого и, не желая опечалить их, не только исповедовал и благословлял, но и принимал их с безграничным радушием, ибо обладал удивительной душевной тонкостью и редким тактом. И целыми днями находился тогда скитский затворник в обществе женщин, трапезничал вместе с ними и пил чай с гостинцами, что они привозили для него.

«Как можешь ты, отче, постоянный свой строгий скитский пост прерывать столь неожиданно разрешением на всяческие яства?» – спросил как-то в недоумении отца Антипу один из любивших его монастырских насельников. А тот ответил ему словами апостола Павла: «Вем и смиритися, вем и

избыточествовати: во всем и во всех навыкох, и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися» (Флп. 4:12).

Не отказывал он, живя на скиту, и тем мирянам, кто искал его духовных советов и выходил к ним на краткое время почти ежедневно.

Незадолго до кончины отца Антипы один из преданных учеников спросил его: «Батюшка, тебе ведь много приходилось в миру иметь дело с женщинами, и с чадами, и с благотворительницами. Неужели не посещали тебя дурные мысли?»

«Никогда, – отвечал ему сохранивший себя в девственной чистоте отец Антипа, – не могут прийти подобные мысли чадолюбивому отцу, и уж тем более не могут прийти они отцу духовному. Внутреннее возрастание и спасение душ моих учеников и учениц было единственным моим желанием».

Жил отец Антипа в крайней нищете, в совершенно пустой келье, в которой не было ни кровати, ни стула, а стояли только небольшой столик вместо аналогия и деревянный жезл с перекладиной. На этот жезл подвижник обычно опирался во время всенощного бдения, когда одолевал сон и силы совсем оставляли его. На полу кельи лежал войлок, на котором он сидел и, будучи уже в полном изнеможении, предавался краткому ночному отдыху.

Отказываясь иметь не то что лишнюю, но даже и какую-либо нужную в быту вещь, отец Антипа всегда спешил с любовью и заботой помочь тому или другому брату в его нужде. Но свое, как он говорил, единственное сокровище – чудотворную икону Божией Матери, что обрел он в афонской пустынке, отец Антипа трепетно хранил и, сроднившись сердцем с нашим Русским Афоном, часто повторял: «Никому ее не отдам, кто бы ни попросил у меня, оставлю только Валаамскому монастырю...»

Иногда отец Антипа покидал келью ради того, чтобы углубиться одному в лес неподалеку от скита и вознести там свою подвижническую молитву – «молитву совершенных». И тогда «всякое дыхание и тварь» в благословенной пустынной

тишине святого острова вместе со скитским схимником внимала Богу и славила Творца «всей вселенней»...

Отец Антипа не изгонял с Валаама змей, как изгнал их с острова Коневец своей сугубой запретительной молитвой, преподобный Арсений Коневский не превращал их в камни, как сделал это святой Патрик, просветитель Ирландии. Но когда старец молился в лесу, то валаамские змейки, не одна, так другая, не раз сворачивались клубочком у его ног, как сворачивается домашний котенок у ног хозяина, и готовы, казалось, были слушаться его так же, как и в ту далекую пору, когда маленьким пастушком брал он их безбоязненно в руки в лесу близ родного села...

Незадолго до начавшейся болезни подвижнику с особенной остротой и ясностью стали вспоминаться давно отошедшие к Богу родители.

Однажды тихим, на редкость безветренным осенним днем вышел отец Антипа в лес на молитву, и вдруг ему отчетливо привиделись невдалеке отец и мать. Отец был в диаконском облачении и держал в правой руке орарь, как бы приготовившись возглашать прошения. А мать стояла в схимническом одеянии чуть поодаль, сзади него. Увидав родителей, отец Антипа начал читать семнадцатую (поминальную) кафизму, которую знал наизусть. И пока он читал, они все стояли и тихо вглядывались в него...

Так отец и мать Лукианы пришли проведать своего сыночка и посмотреть, как там, на далеком от земли предков северном суровом острове, подвизается он, их любимый «фичораш».

В самом начале зимы отец Антипа совсем занемог и слег. Ему делалось все хуже, день ото дня он угасал и таял, исхудав до крайности. Он и раньше отказывался от кровати, отказался и теперь в предсмертной болезни и лежал на своем убогом войлочном ложе с совсем истончившимися чертами лица, ставшего почти прозрачным.

На второй неделе Рождественского поста над ним по его желанию было совершено таинство соборования: старец знал, что земные дни его сочтены. Ближайшие ученики, иеромонах Амвросий и схимонах Агапий, уже не покидали его и находились

рядом с ним, почти не отлучаясь. А из монастырской братии каждый день кто-нибудь да навещал его и, стараясь послужить тяжко болящему собрату, приносил какой-либо гостинец: кто лимон, кто яблочко, а кто и горшочек с замечательным душистым вареньем из выращенных в монастыре смородины или крыжовника... Но почти от всего отец Антипа отказывался, мучимый непрестанным жесточайшим кашлем.

Началась последняя предрождественская неделя, когда Небо приближается к земле и она замирает в благоговейном ожидании младенца Иисуса Христа. С раннего детства старец знал и любил особую торжественную тишину, которой бывают проникнуты завершающие Филиппов пост дни. Она возвещает нам, как некогда возвестил пастухам на поле Ангел Господень: «Радость велию, яже будет всем людем» (Лк. 2,10), и готовит наше сердце к непостижимому таинству рождения на земле «нас бо ради» Превечного Бога. И как дальний-дальний звон колоколов, начинает в этой тишине звучать и приближаться пение Воинства Небесного: «Слава в выших Богу, и на земли мир, во человечех благоволение» (Лк. 2,14).

В последний раз отец Антипа с умилением переживал эти дни, исполненные, как и каждый год, как и всегда, небывалой по глубине тишины, укрощающей все метафизические стихии и вихри. Перстная плоть старца готова была отойти в землю, душа его, что давно прошла долгий страдный путь умаления себя и давно стяжала победу над страстями и миром, субботствовала, а в сердце его непрестанно творилась сокровенная молитва...

В самую последнюю свою ночь отец Антипа много раз воздевал руки к небу и все призывал и призывал к себе любимого афонского старца, своего таинника, схимонаха Леонтия: «Леонтий!.. Леонтий!.. Где ты? Леонтий!..» Так повторял умирающий, а потом начал тихую беседу с пришедшим, которого он видел и слышал...

Возжженная свеча освещала бедную келью и эту беседу двух старцев, двух таинников, что пребывали хотя и в разных, но взаимопроникающих пространствах единого и никакой земной премудростью не постижимого Божьего мира.

«Батюшка, да с кем ты говоришь-то? Ведь нет никого», — спросил, наклонясь к отцу Антипе, сидевший в ногах убогого ложа старца и боровшийся со сном молодой келейник, которому видимое временное застилало неопытный ум и мешало постичь, что мысленному взору подвижника уже открыта невидимая вечность (2Кор. 4,18).

Пристально посмотрев на своего простоватого келейника, старец пальцем слегка постучал по его лбу.

День кончины преподобного Антипы 10/23-го января 1882 года пришелся на воскресенье. Под утро, чувствуя, что дыхание вот-вот оставит его и узы земной жизни разрешатся, старец просил совершить пораньше Божественную литургию и причастить его. Последний раз телесным слухом услышал отец Антипа евангельские слова, всегда поражающие своей удивительной и вечной новизной.

В Неделю по Богоявлении читается Евангелие от Матфея: «Слышав же Иисус, яко Иоанн предан бысть, отъиде в Галилею, и оставил Назарет, пришед вселися в Капернаум в поморие, в пределах Завулоних и Неффалимлих: да сбудется реченное Исаием пророком, глаголющим: земля Завулоня и земля Неффалимля, путь моря обонпол Иордана, Галилеа язык, людие седящии во тме видеши свет велий, и седящим в стране и сени смертней, свет возсия им. Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтесь, приближися бо Царство Небесное» (4, 12–17).

Стоявший теперь у самых его врат, в полном сознании сподобился подвижник в последний свой земной день принять Святые Дары, после чего погрузился в тихую дремоту, сложив крестообразно исхудальные руки на груди...

Так прошло два часа. За оконцем кельи понемногу светало. Начинался ясный январский день, искрился редким снегом воздух. Уже вступала в свои права поздняя валаамская зима, почти стало Ладожское озеро. Ближайший ученик старца (по преданию, это был схимонах Агапий) прочитал девятый час и начал читать акафист Божией Матери. И во время этого чтения отец Антипа, всю жизнь ежедневно возносивший акафистную хвалу Царице Небесной, отошел к Богу.

Произошло это на шестьдесят шестом году от рождения старца.

«Честна пред Господем смерть преподобных Его» (прокимен глас 4-й).

...Шумели вершины могучих деревьев вблизи часовни и смиренной могилки старца Антипы, шумели, как и при его жизни, не нарушая, но углубляя благословенное и целомудренное молчание и тишину...

Место это любили посещать паломники, те, кто знал отца Антипу, и те, кому он становился известен по рассказам о нем, который всему на свете предпочитал безмолвие и молитву, но, как никто другой, умел и разговаривать с любой грешной душой. А были и такие, кто узнавал о нем из тоненькой книжечки его валаамского биографа отца Пимена и приезжал на Валаам с желанием непременно поклониться могилке старца...

...Колышет и ныне ветер вершины вековых валаамских сосен, шелестят и ныне лиственницы, хранящие покой места близ бывшей могилки честного старца Антипы. Тихий шум леса не мешает, а все так же, как век назад, призывает и современного путника, который оглушен шумом и скоростями, отделен пропастью лихолетий от старинного благочестия и стародавних представлений о богомолье, постигать неизследную глубину пустынной тишины и молчания. Они открывают грешной душе, что восстает и созидаются куда медленней стен и куполов наших разоренных храмов и монастырей, прежде всего ее окаянство, ее «бездудие»...

Да и шум ли это вершин, не шелест ли одеяний Ангелов, что любят посещать места, тишина которых освящена подвижнической безмолвной молитвой и не отравлена «помыслами лукавыми видимаго сего жития»...

Жизнь преподобного Антипы с его уединенной молитвой, прежестоким постничеством, смиренным и ревностным несением любого послушания может показаться темному мирскому сознанию бедной и бессодержательной до крайности. С ранних лет жил старец в мире, совершенно недоступном грубым чувствам и невозделанному, суетному сердцу человека внешнего, чей ум всегда находится в ужасном «диавольском

поспешении». Такой человек в лучшем случае подумает, что вот, мол, никаких-то назиданий, никаких наставлений, которые были бы полезны душе, не оставил нам святой старец. Нашему падшему уму понятнее, конечно, внешние труды, подвиги и страдания тех святых, что призваны были Господом к служению на ином общественном поприще: благоверных князей, патриархов, царей, воинов, мучеников за веру...

А такие святые, как преподобный Антипа, назидают нас и свидетельствуют о Господе и вере самим своим молчанием, освященным умной молитвой, и побуждают и нас постигать, как в безмолвии «богатеет память о Боге» даже в наших подернутых житейской ряской сердцах и как сокрушает нашего ветхого человека целомудренная пустынная тишина...

Через таких пустынников и безмолвников, как старец Антипа, Господь возвещает нам, насколько кому по силе вместить о Своей заключенной в молчании «тайне будущего века», о чем можно прочесть у преподобного аввы Исаака Сирина в его «Словах подвижнических».

И в лучшие свои минуты грешная душа наша устремляется по совсем неприметной тропинке, ведущей ее от обычного ветхого состояния, от терзающих ее грубых или утонченных страстей к обновлению и миру истинной духовной радости и тишины, Христовой тишины. Но мир этот открывается душе не прежде, чем обретет она способность к сокрушению о своих грехах, что паче песка морского откажется от плотского мудрования, победит своеволие, лишающее человека вечного живота, научится бодрствовать над собою, над всеми своими мыслями и чувствами, навыкнет к покаянной молитве и полюбит молчание...

Из книги «Тайна будущего века»: Житие и подвиги прп. Антипы Валаамского (Афонского), автор Лидия Мешкова.

Иеросхимонах Алексий

Иеросхимонах Алексий (в миру Алексей Блинов) родился в 1835 году в Санкт-Петербурге в купеческой семье. 24 мая 1852 года поступил послушником в Валаамский монастырь. Видя ревностное отношение к послушанию и благонравие юного подвижника, игумен Дамаскин определил его к себе в келейники, а 13 октября 1858 года облек в рясофор.

В августе 1866 года отец Алексий был пострижен в мантию с именем Александр в честь преподобного Александра Свирского. 28 января 1870 года был рукоположен во иеродиакона, 14 сентября 1872 года – во иеромонаха. Ласковое обращение, утонченный ум, сметливость и доброжелательность привлекали к нему за советами не только братию, но и начальствующих, а также многочисленных паломников, приезжающих в святую обитель. Во время продолжительной болезни игумена Дамаскина отец Александр, не щадя своих сил, проявил свою сыновнюю заботу и усердие о любимом духовном отце и настоятеле. По кончине игумена Дамаскина настоятельство Валаамской обители принял игумен Ионафан II. Отец Александр около десяти лет оставался при нем в должности старшего келейника, исполняя при этом должность ризничного, в которой был утвержден 12 августа 1881 года. 20 июля 1884 года был награжден набедренником.

Отец Александр всячески удалялся от повышений, вспоминая слова своего наставника игумена Дамаскина, который советовал ему дальше должности ризничного не подниматься. 23 августа 1886 года отец Александр был облечен в схиму и наречен в честь Алексия, человека Божия. Желая уединения, отец Алексий стал просить игумена Ионафана отпустить его на безмолвие в скит, поселиться, куда ему еще 15 лет назад было благословлено игуменом Дамаскиным. Но по Промыслу Божию это совершилось спустя пять лет при игумене Гаврииле.

Уважая старца Алексия и помня благословение, данное на это игуменом Дамаскиным, отец Гавриил отпустил его на

безмолвное жительство в скиту Всех Святых.

Иеросхимонах Алексий более сорока лет усердно служил обители. Он всегда был предан душой настоятелям и самозабвенно служил им, ревностно исполняя возложенные на него послушания. Будучи старцем, строго заботящимся о спасении своих духовных чад, отец Алексий наставлял учеников быть покорными настоятелю, ревностными и исполнительными в возлагаемом на них послушании.

Духовным утешением отцу Алексию было совершение Божественной литургии в кладбищенской церкви, что при пустынке игумена Назария, где за алтарем храма покоятся игумены Дамаскин и Ионафан. Многие из приезжих мирян в летнее время часто заказывали здесь обедню с непременным условием, чтобы служил отец Алексий. Все желали получить его благословение и слышать слово назидания. К обращавшимся к нему за советом, искавшим слова утешения он относился с непременными приветливостью и любовью, советовал возлагать упование на Бога и от Него ожидать помощи. От Господа старцу был дан дар прозорливости.

«Воистину старец Алексий был великий святой и дивный прозорливец, – свидетельствовал епископ Ямбургский Феофан (Быстров), – он был так красив, как ангел Божий. На него порой было трудно смотреть, он весь был как бы в пламени, особенно когда стоял на молитве в алтаре. В это время он весь преображался, его облик становился непередаваемо особым, крайне сосредоточенным и строгим. Он действительно был весь огненный». Но если старец чувствовал, что присутствующие в алтаре невольно наблюдают за ним, он старался скрыть свое состояние неким юродством.

В апреле 1893 года отец Алексий поселился в скиту Всех Святых и здесь подвизался около семи лет до самой своей кончины. Устранившись от всего мирского, в безмолвии он прилежал усердно молитвенным подвигам и богомыслию. Особенно заметно выделялось в нем молитвенное настроение его души и горячее усердие к богослужению.

В 1898 году Господь сподобил отца Алексия съездить в Иерусалим, поклониться Гробу Господню, путешествовать по

святым местам Палестины, побывать на Афоне. Благополучно возвратившись на Валаам, отец Алексий стал готовиться к исходу в вечность. В марте 1900 года он почувствовал простуду и в продолжение всего Великого поста недомогал. Готовясь отойти ко Господу, отец Алексий умножил молитвенные подвиги. К Пасхе болезнь усилилась. Ему предложили перейти из скита в монастырскую больницу, на что он согласился, но при этом велел, чтобы келейники взяли приготовленные им к погребению вещи: схиму, епитрахиль с поручами и крест, привезенный из Иерусалима. В этой схиме и с этим крестом он просил его похоронить. Братия стала возражать: «Что Вы, батюшка, зачем вы велите эти погребальные предметы брать с собою! Ведь Вы, Бог даст, поправитесь и возвратитесь обратно в скит». «Нет, чада, — ответил он, — я не возвращусь обратно сюда на жительство, а меня привезут сюда на вечный покой. Мне еще за много лет до сего отец игумен Дамаскин предсказал, что я в этом году скончаюсь».

Готовясь к исходу в вечность, еще в скиту иеросхимонах Алексий соборовался. Испросив благословение игумена Гавриила, он ежедневно приобщался Святых Христовых Таин до самой своей кончины. 19 апреля 1900 года, в три часа пополудни, напутствованный Святыми Таинами, в полном сознании отец Алексий тихо и мирно предал свой дух Господу. Отпевание почившего совершил настоятель игумен Гавриил в соборном храме преподобных Сергия и Германа. После отпевания почившего проводили из монастыря в скит Всех святых, где старец заранее подготовил себе могилу. Похоронили его за алтарем скитского храма рядом с могилой отца Клеопы.

Схимонах Агапий

Схимонах Агапий (в миру Александр Андреевич Молодяшин) родился в 1838 году в деревни Уткино Ростовского уезда Ярославской губернии в крестьянской семье. «С двенадцати лет моей жизни пошли на меня скорби то за грехи, то для испытания, то для предохранения, — писал своему другу архимандриту Агафонту отец Агапий, — я в монастырь ушел 22 лет не по духовной ревности к спасению, но по причине убожества (болезни глаз) и с братом разноравия. Если бы этого не было, мне никогда и мысль не пришла бы идти в монастырь. Вот я теперь и соображаюсь со Святым Писанием: один святой отец пишет, что иные спасаются разумом, иные произвольным подвигом, иные Божиим Промыслом, последнее ко мне приличнее и ближе всех».

По смерти родителей старшим в доме сделался брат Александра. Оба брата были совершенно разные. Начавшиеся разногласия с братом очень тяготили Александра, и он решил отправиться на Валаам помолиться Богу и у Него найти себе утешение.

Недолго пришлось Александру пожить в святой обители: тяжелые труды валаамских иноков оказались ему не по силам. Однако он заметил, что в его душе появилось твердая решимость принять монашество в Валаамской обители.

Вернувшись домой в мирном расположении духа, он первым делом поспешил примириться с братом. Открыв ему свое желание принять монашество, Александр просил его внести в монастырь некоторую сумму денег, которая служила бы небольшим взносом на его содержание. Брат, зная характер Александра, вполне одобрил его намерение удалиться в монастырь и согласился выделить часть денег.

13 ноября 1860 года Александр прибыл на Валаам. Игумен Дамаскин, не любивший делать никаких послаблений, особенно для новоначальных, на этот раз сделал исключение и принял Александра в обитель. Ему было дано послушание на огороде. 22 мая 1864 года Александр был зачислен в братство

Валаамского монастыря, а 4 апреля 1870 года игуменом Дамаскиным пострижен в монашество с именем Агапий.

С юных лет Александр страдал глазной болезнью, которая усилилась. Один глаз совсем перестал видеть, и нести послушание стало затруднительно. Вскоре он совершенно ослеп, был освобожден от всякого послушания и 26 августа 1883 года уволен за штат, т. е. на покой.

Отец Агапий был одним из преданных учеников иеросхимонаха Антипы, подвизавшегося в скиту Всех Святых. Под его руководством монах Агапий приобрел духовную опытность, со временем научился умной Иисусовой молитве. Видя своего ученика преуспевающим в духовной жизни и добром иноческом житии, отец Антипа по благословению игумена Дамаскина келейно облек его в схиму. При пострижении отцу Агапию было оставлено его прежнее имя.

Свою телесную немощь, слепоту отец Агапий в течение двадцати трех лет переносил с изумительным терпением и кротостью, непрестанно благодаря Бога, ниспославшего ему такое испытание для очищения грехов и спасения душевного.

Отец Агапий проводил все время в слушании чтения Священного Писания, творений отцов Церкви и подвижников благочестия и в непрестанной Иисусовой молитве. Он старался не пропускать ни одной церковной службы. Если самочувствие позволяло, то непременно выстаивал литургию, а остальные службы выслушивал у себя в келье или заменял их Иисусовой молитвой с определенным количеством поясных и земных поклонов. Очень часто старец приступал к причащению Святых Христовых Таин. По словам отца Агапия, его единственной заботой было «как бы прежде смерти избавиться от страстей и в истинном покаянии скончать живот свой в святой обители». Видя благочестивую и подвижническую жизнь отца Агапия, игумен Ионафан решил возложить на него послушание старчества. Отец Агапий по своему смирению не хотел принимать на себя это тяжелое и ответственное дело. Искренне считая себя ниже всех, человеком грешным и недостойным, он совершенно недоумевал, как будет руководствовать других ко спасению. Пробовал отец Агапий отказаться от нового послушания,

ссылаясь на свое недостоинство, скудоумие и неопытность, но настоятель был непреклонен, и иноку ничего не оставалось, как подчиниться. По немощи человеческой на отца Агапия нашло сильное смущение, но он не пал духом, а решил просить совета и указаний от Бога через людей, искущенных в духовной жизни.

В то время в Вышенской пустыни проживал в затворе известный подвижник, епископ Феофан. Отец Агапий уже обращался к святителю Феофану Затворнику с вопросами по поводу умной Иисусовой молитвы и в этом случае просил его разъяснить свое недоумение. Святитель ответил следующее: «Милость Божия буди с Вами, достопочтеннейший отец Агапий! ...Послушание, на Вас наложенное, надо нести, это враг Вас мутит, и все Ваши изветы, его суть изделия. Без послушания быть в обители стыдно! И Вам дано послушание для избежания сего стыда, и притом такое, которое Вам подручнее всякого: Вы исполняете его сидя, одним словом. Что легче слова? А доброго от него сколько! Вы говорите: не способен. Об этом не вам судить, а отцу игумену. Да Вам и думать о способности или неспособности не следует, а приказано делать, и делайте, не рассуждая. Рассуждал Марк, кажется, когда авва его велел ему сдвинуть камень большой? Так и Вам следует. Ни ума, ни жизни нет у меня, подходящих к такому послушанию, – говорите Вы... Если бы этого не было в Вас в какой-либо мере, отец игумен, конечно, не тронул бы Вас! Разве он враг братии, которых отряжает на Вашу долю? Ученики – помеха в молитве? Никакое доброе дело не может быть помехой молитве. Добрые дела и молитва – родные сестры одна другой руку подают. Старчество по самому свойству своему затруднительно, но ему всегда присуща помощь свыше, и эту помощь необходимо призывать. Никакое слово не останется бесплодно, только плод не тотчас появляется. Если будете говорить приходящим к Вам братьям с любовью все должное, то Вы свое дело сделаете. Трудитесь, ибо труд с Божией помощью все преодолевает. Молитесь о всех Вам врученных со слезами, каждому испрашивая благопотребное, а себе вразумления».

Утешенный наставлением мудрого святителя, отец Агапий с любовью и ревностью нес возложенное на него послушание

старчества. Будучи уже духовно опытен, он постоянно прибегал к совету людей, более просвещенных в духовном делании. Отец Агапий, руководствуя своих учеников, пользовался наставлениями Священного Писания, творений святых отцов и собственным опытом. На первом месте отец Агапий ставил послушание. Особенno он учил избегать осуждения, гордости, зависти, ложного смирения и самонадеянности. «Тогда, — говорил он, — Господь вас не оставит и во всех трудных обстоятельствах пошлет Свою благодатную помощь и умное просвещение, видя вашу духовную нищету, которая состоит в том, чтобы сознавать, что никакого доброго дела нельзя ни желать, ни делать без содействия Божией благодати».

Достигнув высокой степени совершенства в делании Иисусовой молитвы и получив для своей души величайшую пользу, отец Агапий старался, чтобы и другие иноки занимались для душевной пользы этим спасительным подвигом. Он настоятельно убеждал близких ему лиц из монашествующих, а через них и других, иногда даже лично и незнакомых ему, полагать начало к деланию Иисусовой молитвы.

Внутреннее делание вообще и Иисусову молитву в частности отец Агапий советовал вести втайне, под руководством опытных наставников. «Постарайтесь со смиренным тщанием укрыть от всех свое смиренное делание. Когда дорогие вещи кладутся неосторожно при пути, они удобно похищаются ворами, а хранимые в крепких кладовых под хорошими замками, сохраняются от всех безопасно».

Старец тихо проводил свою жизнь в непрестанной молитве, чтении святоотеческих писаний, душеспасительных беседах с близкими по духу и учениками. Келейное правило свое, очень большое, отец Агапий исполнял неопустительно и других иноков поучал, что келейного правила с поклонами оставлять никогда не должно, кроме великой телесной немощи.

Истинно христианская жизнь отца Агапия не могла укрыться от пытливого взора многочисленных паломников, посещавших летом Валаамскую обитель. Многие хотели увидеть старца и спросить его совета. Монастырский устав запрещал принимать в монашеской келье мирян. Но неотступные просьбы богомольцев

возымели действие: игумен Гавриил благословил отца Агапия открыть двери своей кельи и для мирян.

Отец Агапий по послушанию к настоятелю и любви к ближним смиренно и безропотно принял этот подвиг, непрестанно моля Бога даровать ему силы. И Господь, видя его веру, помог Своему верному рабу, наделив его даром прозорливости. Бывали случаи, что отец Агапий называл по имени являвшихся к нему для беседы лиц, хотя никогда ранее не видел и ничего не слышал о них. Иногда прямо встречал приходивших к нему ответом на еще не заданный вопрос.

«Все меня слушают, – писал он шутливо своему другу архимандриту Агафонгелу в 1903 году, – только не слушают одни болезни, лезут и лезут на меня, которых я и не хотел бы. Приходится с ними мириться и пользоваться единственным лекарством, которое святые отцы предлагают от всех болезней, – это терпение. Прошу Вашего благословения и святых молитв, да поможет мне Господь терпеливо и благоугодно провести остаток болезненных дней».

Старец чувствовал приближающуюся кончину. Несмотря на слабость, отец Агапий без посторонней помощи передвигался по своей келье, без послабления исполнял келейное правило и принимал желающих для духовной беседы. Так он провел почти два года, слабея телом, но бодрствуя духом, непрестанно молясь и часто причащаясь Святых Христовых Таин.

7 апреля 1905 года 67-летний старец тихо передал свой дух Господу. В Лазареву субботу схимонаха Агапия похоронили на братском кладбище.

Схимонах Никита

Схимонах Никита (в миру Николай Евдокимович Филин) родился в 1832 году в Ярославской губернии в крестьянской семье. В 1853 году был призван в армию. Служить ему пришлось в Финляндии, и он участвовал в обороне Свеаборгской крепости во время бомбардировки ее англичанами в Крымскую кампанию. В 1857 году Николай Филин был уволен в запас. Вернувшись на родину, недолго прожив в деревне, он уехал в г. Ростов. Там поступил кучером к богатому купцу Кекину. Через несколько лет перешел на должность церковного сторожа при храме Покрова Божией Матери. Спустя некоторое время Николай уехал в Петербург, где поступил к богатому купцу Варгунину сначала дворником, а затем швейцаром.

Получив в детстве строго христианское воспитание, Николай был человеком верующим, усердным к храму Божию и вел жизнь трезвую идержанную. Остерегаясь разных соблазнов и избегая дурных сообществ, Николай все время проводил дома, или трудясь по своей должности, или за чтением книг исключительно духовно-назидательного содержания, на покупку которых не жалел своего скучного жалованья. Читать он выучился еще на военной службе. Особенное впечатление производило на него чтение житий святых угодников Божиих. Истинное наслаждение доставляли ему рассказы о святых местах и обителях. Он часто принимал у себя странников и монахов и, проводя время в душеспасительных беседах, оказывал им со своей стороны посильную помощь. Никогда не опускал он в воскресные и праздничные дни бывать у всенощной и обедни в ближайшей церкви. В будни, если позволяло время, старался хоть недолго, но побывать на утрене. Недаром знакомые и сослуживцы с насмешкой часто называли его монахом. Николай решил удалиться в тихую обитель, только колебался, какую из них избрать ему для жительства.

Задумал он побывать на Афоне, но вскоре случилось ему неожиданно встретить в Петербурге своего племянника. В разговоре Николай, давно не бывавший на родине, осведомился между прочим, и о другом своем племяннике Василии Храброве. «Василий, — ответил тот, — вот уже четыре года как живет на Валааме». При этих словах Николая вдруг как бы свыше осенила мысль непременно побывать на Валааме. Взяв отпуск, он отправился на Валаам. Это было в начале сентября 1874 года. Николаю тогда было 42 года. Он увидел монастырь, монахов и их жизнь как раз такой, какой воображал ее себе по книгам и к какой всеми силами стремилась его душа. Желание ехать на Афон сменилось решением посвятить себя служению Богу в Валаамской обители.

Исповедавшись и причастившись Святых Христовых Таин, Николай отправился в Петербург, чтобы привести в порядок свои дела, проститься с хозяином и уйти на Валаам.

5 октября 1874 года Николай Филин прибыл на жительство в Валаамский монастырь и был принят настоятелем игуменом Дамаскиным. Два года был он простым коридорным в монастырской гостинице, с любовью служа приезжим богомольцам. В 1876 году переведен на монастырский огород, где пять лет с неослабным усердием нес послушание. Наемные работники на огороде стали иногда укорять его насмешками, и если уж очень донимали, то он с поклонами начинал просить прощения у своих обидчиков и этим обезоруживал их. Все поношения он выносил терпеливо, ради Бога и спасения души, подражая Иисусу Христу, и был «яко глух не слыхах, и яко нем не отверзаяй уст своих» (Пс. 37). Сам же со всеми был ласков, услужлив и всегда готов на помочь.

На огороде часто приходилось работать в сырую погоду, и у Николая развился ревматизм ног. Эта болезнь была одной из причин, вынудивших его переменить послушание. Вскоре настоятель перевел его опять в гостиницу.

23 мая 1879 года Николай Филин был зачислен в братство Валаамского монастыря. Всегда радушный, ласковый, обходительный, он был любим всеми богомольцами, кому хоть раз пришлось побывать на Валааме. Своим ласковым

обращением он располагал к себе. Все любили его и тепло вспоминали доброго «хозяина» гостиницы.

12 мая 1884 года Николай на 52 году жизни был пострижен в монашество с именем Нифонт. Послушание в гостинице крайне беспокойное и суетливое, особенно в летнее время, когда на Валаам прибывает не одна тысяча паломников, при серьезной болезни ног стало тяготить его. За хлопотами, случалось, не удавалось и в храме Божием побывать. Но верный данному при пострижении обету, отец Нифонт и помыслить не мог отказаться от возложенного на него послушания. Только Богу поверял он в молитве свои скорби и желания, с глубоким смирением взывая: «Да будет воля Твоя, Господи!»

Наступило время, молитва монаха Нифонта была услышана Богом. Из гостиницы он был переведен на жительство в Коневский скит, находившийся в трех верстах от монастыря. Летом скит посещали богомольцы, привлекаемые сюда желанием посмотреть на келью, где спасался основатель скита игумен Дамаскин. Отец Нифонт с согласия настоятеля взял к себе в скит и сделал своим помощником одного послушника. «Как только услышит отец Нифонт, что богомольцы едут в скит (на лодках или на лошадях), – рассказывал брат Владимир, – сейчас же запрется в своем домике и ни за что никому не отопрет, несмотря ни на какой стук в двери и просьбы, или в лес уйдет». «Бегай людей и спасешься». Даже для родных, посещавших его, отец Нифонт не делал исключения.

Опасаясь всякого празднословия, отец Нифонт и других побуждал всячески избегать этого греха. Особенно предостерегал от осуждения близких. Несмотря на немолодые годы и болезнь, отец Нифонт никогда днем не отдыхал, но помощникам своим не запрещал днем после обеда прилечь на часок. Не любя никаких гостей и компаний, избегал принимать кого-либо и сам ни к кому не ходил. Исключение делал он только для иеромонахов Агафангела и Клиmenta, духовно близких ему иноков, которых всегда с любовью у себя принимал и, бывая в монастыре, посещал их. Довольно часто бывал у

схимонаха Агапия, у которого проходил «труднейшую науку» делание Иисусовой молитвы.

Хотя обстановка Коневского скита и благоприятна была сама по себе для созерцательной, подвижнической жизни, отец Нифонт скорбел о том, что в Коневском скиту редко совершалась Божественная литургия, а это обстоятельство лишало его возможности приступать к причащению Святых Христовых Таин так часто, как ему хотелось бы.

Его взор часто обращался к скиту Святого Иоанна Предтечи. Сюда и стремился всей душой отец Нифонт, но желанию его суждено было осуществиться нескоро. 16 января 1892 года он был пострижения в схиму с наречением имени Никиты в честь Святителя Новгородского Никиты. Ко времени принятия схимы отцу Нифонту исполнилось ровно 60 лет. Игумен Гавриил по просьбе схимника перевел его в скит Иоанна Предтечи, где он прожил 13 лет. Поселившись в скиту, старец весь предался богомыслию. Ко всем церковным службам являлся он первым и уходил последним, акафисты всегда выставал на коленях. Никто никогда не видал отца Никиту праздным: то белье свое стирал, то дрова заготавливал на зиму, то на огороде копался – все для себя делал сам, не исключая самой грязной и неприятной работы, как, например, чистка отхожего места. Всем всегда был доволен и непрестанно за все благодарил Бога. Будучи «хозяином» монастырской гостиницы, он приобрел себе немало почитателей, которые, желая выразить любовь к старцу, нередко посыпали ему приношения. Сам отец Никита никогда ни о чем не просил, и даже добровольные даяния сильно смущали его. Но, не решаясь оскорбить благодетелей, принимал подарки. Все, что получал отец Никита, он почти целиком раздавал скитской братии, оставляя себе самую незначительную часть. Денег он никогда не имел и ни от кого ни под каким предлогом не принимал.

Смирение, непрестанное памятование о Боге, выражавшееся в постоянной молитве, любовь к ближним – эти качества были свойственны отцу Никите. Если ему случалось заметить между скитской братией вражду друг к другу, он

прилагал все усилия для примирения враждующих. В простоте своей он и в других не допускал лжи и простодушно верил всякому человеку. О чем бы отец Никита ни беседовал, всегда его речь кончалась благодарением Господу: «Слава Богу! Благодарение Создателю!»

Отец Никита непрестанно держал в памяти час смертный и хотя всю жизнь делал добро, но по глубокому смирению всегда признавал себя худшим из людей и все повторял: «Как знать человеку, угодил ли он Богу? У людей один суд, у Бога другой, нелицеприятный. Хотя и кажется человеку, что хорошо он поступает и живет, но нельзя быть уверенным никогда, что все делаемое нами, по нашему мнению, хорошее, непременно угодно Богу. Одно верно и непреложно: это величайшее Божие милосердие. На это только и надо надеяться с молитвой и смирением».

Отец Никита был наделен от Бога даром прозорливости, о чем говорят многочисленные случаи. Один из почитателей почившего старца, весьма им любимый и уважаемый, некто П. И. Т. по ремеслу портной, передавал, что отец Никита неоднократно в разговорах с ним упоминал о преподобном Симеоне Верхотурском чудотворце в том смысле, что «вот и этот угодник Божий был тоже по ремеслу портной, а смотри, какой он великий пред Богом молитвенник».

Была у отца Никиты и икона преподобного Симеона, писанная на кипарисе и освященная на мосах святого. Перед своей смертью отец Никита поручил переслать эту икону П. И. Т., что и было исполнено, по кончине старца. Далее обратимся к рассказу самого П. И. Т. «После смерти отца Никиты, – писал П. И. Т. одному схимонаху, – икону святого праведного Симеона Верхотурского вы мне переслали в Петербург, и я получил ее. В 1907 году, 6 ноября, когда я садился в конку на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади, то поскользнулся, упал под колеса вагона и переломил себе ногу с раздроблением ступни. В Обуховской больнице, куда меня доставили, когда доктор осматривал меня, я спросил, можно ли надеяться, что я буду ходить, и сколько времени потребуется на лечение? Доктор осведомился о моих годах, и когда я сказал ему, что мне 82

года, он, усмехнувшись, ответил: «Относительно выздоровления ты, голубчик, преждевременно спрашиваешь. У тебя перелом голеневой кости, но при всех благоприятных для лечения условиях ты можешь выйти из больницы не раньше как через год». От сильной боли я плакал и сильно скорбел о случившемся. В таком состоянии я впал в дремоту и слышу голос: «Зачем ты так сильно скорбишь о своем несчастии? У тебя есть икона святого праведного Симеона, которой благословил тебя старец. Попроси принести ее, и она тебе поможет». Я тотчас проснулся и увидел, что около моей кровати стояла моя супруга, и я попросил ее принести икону, подаренную мне покойным схимонахом Никитой. Когда была принесена ко мне в больницу икона, я усердно стал молиться преподобному Симеону и другим святым, чтобы они помогли мне в моей болезни. Икону эту я тотчас же, завернув в чистый платок, привязал к переломленному месту больной ноги и сразу ощутил некоторое облегчение. По прошествии десяти дней после того, как нога моя была положена в гипс, я осмелился просить доктора освободить мою ногу из гипса. Доктор, осмотрев и удивившись необыкновенному выздоровлению, распорядился снять гипс. Через три недели я уже выписался из больницы и хотя первое время ходил на костылях, но вскоре мог уже ходить как здоровый человек».

По усердной молитве старца ему было открыто время отшествия в иной мир. За несколько лет до своей смерти отец Никита многим говорил, что отойдет ко Господу незадолго до праздника Светлого Христова Воскресения. Во время Великого поста отец Никита становился особенно сосредоточенным и самоуглубленным. Бывали годы, когда на Страстной седмице он причащался дважды. Для всех очевидно было, что в это время он ждал чего-то особенного и готовил себя к этому. Каждый год после праздника Пасхи он всегда с уверенностью говорил: «Слава Богу! Теперь до следующей Пасхи надо трудиться ради Бога».

Осенью 1906 года отец Никита ездил на лодке в Воскресенский скит и сильно простудился. Через несколько месяцев больного посетил монастырский врач и нашел его

весьма ослабевшим. Старец страдал сильной головной болью и все время кашлял, но, невзирая на свои страдания, был благодушен и спокоен. В это время врачу отцу И. пришлось испытать много тяжелых скорбей, и он поведал о них отцу Никите. Старец настолько проникся чужим горем, что сам горько заплакал. После долгого молчания отец Никита поднял голову, перекрестился и, глубоко вздохнув, сказал: «Не плачь и не горюй, о. И., в скором времени Господь, видящий твою правоту, утешит тебя, а люди, несправедливо поступающие, будут наказаны». Действительно, это предсказание исполнилось через два года. На предложение игумена перебраться на жительство в монастырскую больницу отец Никита ответил отказом, предпочитая умереть в своей пустыни. В начале болезни старец не отказывался пользоваться лекарствами, но затем, уверившись, что приближается время его кончины, отказался от них. Болезни свои, несмотря на причиняемые ими страдания, переносил он с замечательным терпением, без малейшего ропота и только благодарили Бога. Молитва Иисусова не сходила с его уст. На второй седмице Великого поста старец осведомился, есть ли в скиту гроб. Узнав, что гроба нет, просил привезти из монастыря заранее, «а то расптица будет, пожалуй, и не достать». Вскоре старец подготовил себе одежду для погребения, причем просил своего духовника передать некоторым лицам из братии кое-что из своих вещей, а иконы (кроме образа святого Симеона Верхотурского) в церковь. Распорядился, чтобы в день его погребения скитскую братию угостили чаем.

Настала Страстная седмица, последняя в жизни старца. В Великий Четверг, причаствившись, он сказал своему духовнику: «Вот скоро и Светлое Христово Воскресение наступит!» Духовник ответил ему: «Батюшка завтра Великая Пятница, литургию не полагается служить, а до Субботы доживешь ли ты?». «Доживу по милости Божией», – ответил старец. В Великую Субботу духовник, отслужив пораньше литургию, в пять часов утра причастил отца Никиту Святых Христовых Таин. Старец был очень слаб, но в полном сознании, говорил почти шепотом, но совершенно ясно. В беседах с братией о. Никита

говорил, что завтра будет успение. Духовник, думая, что старец забываетя, выразил желание завтра в праздник его причастить. Пред повечерием старец спросил: «А сколько теперь времени?» Ему ответили, что седьмой час вечера. Тогда он сказал: «Теперь бояться нечего! Господь уже сошел во ад и разрушил его». Совершив повечерие, духовник и скитская братия навестили старца, но нашли его уже бездыханным. Отец Никита отошел ко Господу 21 апреля 1907 года в Великую Субботу.

Тело усопшего было положено во гроб и перенесено в церковь, где вскоре должны были начаться пасхальная утреня и литургия. Погребен отец Никита за алтарем скитского храма Предтеченского скита.

Иеросхимонах Антипа

Иеросхимонах Антипа (в миру Александр Елисеевич Половинкин) родился 7 июня 1836 года в г. Каменецк-Подольске в семье офицера. В возрасте двадцати двух лет поступил на службу в 1-й департамент Правительствующего Сената. 6 июля 1860 года по прошению уволился со службы и, невзирая на увещания родных и знакомых, располагавших и связями, и состоянием, навсегда покинул многосуетный мир и удалился в пустынь.

24 июля 1860 года прибыл на Валаам, где известный своей аскетической жизнью и мудростью игумен Дамаскин принял его под свое духовное водительство. Поначалу Александр трудился на общих монастырских послушаниях. Вскоре игумен Дамаскин определил его в монастырскую канцелярию. Обладая прекрасным и твердым почерком, при своем редком усердии и любви к делу, брат Александр как нельзя лучше соответствовал этому назначению. Через год по поступлении в обитель Александр Половинкин был зачислен в братство Валаамского монастыря и 24 ноября 1868 года пострижен в монашество с наречением имени Амвросий.

Более двенадцати лет отец Амвросий ревностно и безропотно нес послушание в монастырской канцелярии. Он вел строгий образ жизни. Вставая к полунощнице, в два часа ночи шел в храм. Возвращаясь из церкви, уже не ложился отдыхать, в то время как другие после службы позволяли себе немного отдохнуть. Исполнив келейное монашеское правило, занимался или резьбой по дереву, или брал ведра и шел за водой, желая послужить братии. Водопровода тогда не было в обители, и за водой приходилось спускаться по крутой горе к заливу. Весной и осенью, когда обледенелый снег покрывал гору и тропинку, ведущую к заливу, часто в ночное время отец Амвросий, подымаясь в гору с водой, спотыкался и падал. Однако это не удерживало его рвения послужить братии, и он по благословению своего духовника не оставлял этот подвиг,

остававшийся для всех неизвестным. Не давая себе отдыха, выходил он потом на послушание в канцелярию.

31 марта 1873 года отца Амвросия рукоположили в сан иеродиакона. По своему смирению, желая быть простым монахом, он долго и убедительно просил игумена освободить его от священного сана, ссылаясь на свое недостоинство. Отец Дамаскин все его доводы разбил словами: «В сознании своего недостоинства принимай это служение. Уж если такие люди, как ты, будут отказываться от диаконства и священства, то тогда некого будет представлять к посвящению».

Посвященный во иеродиакона отец Амвросий по благословению игумена оставил канцелярию и исправлял чреду священнослужения, и пел на клиросе. Монастырские старцы, заставшие отца Амвросия, долго не могли забыть, как прочноувиданно он читал Апостол и шестопсалмие, как пел величание...

Любя всей душой Валаам, на неоднократные предложения о перемещении в другие, более богатые обители о. Амвросий неизменно отвечал категорическим отказом.

28 февраля 1876 года иеродиакон Амвросий был рукоположен во иеромонаха. К этому времени игумен Дамаскин возложил на него обязанность заведовать обширной монастырской библиотекой.

Спал отец Амвросий очень мало. В любое время его можно было видеть бодрствующим. Ежедневно он вычитывал Акафисты Спасителю, Божией Матери и святителю Николаю. Готовясь к служению литургии, он увеличивал свое молитвенное правило и почти совсем не спал.

Отличительной чертой отца Амвросия было редкое усердие и упование на представительство Царицы Небесной. С чисто ангельской простотой и слезным умилением прибегал в молитве к Пресвятой Богородице перед всяkim начинанием и во всякой скорби. Он особенно чтил святителя Николая, глубоко благоговея перед Илииною ревностью этого угодника Божия.

Обладая крайним незлобием и удивительным миролюбием, отец Амвросий везде и всюду сеял мир и взаимную братскую любовь. В последние годы своей жизни игумен Дамаскин

вложил на отца Амвросия труд старческого делания и духовничества.

Отец Амвросий в течение семнадцати лет был в духовном общении с иеросхимонахом Антипой Афонский. Пример подвижнического жития старца Антипы Афонского не мог не увлечь горевшего пламенной ревностью отца Амвросия. Он проникся глубоким уважением и любовью к афонскому подвижнику, часто ходил к нему в скит для духовных бесед. Однажды глубокой осенью случилось с ним происшествие, которое он посчитал за чудесное избавление от смерти.

Дело близилось к ночи, и отец Амвросий, тогда еще послушник Александр, возвращаясь от старца Антипы, желая сократить путь, пошел прямиком на Покровскую часовню по покрытому льдом заливу. Лед, видимо, был еще совсем слабый. Александр провалился в воду, и его подо льдом понесло течением. Место здесь глубокое и течение сильное, так что неминуемая смерть была совсем рядом. Но инок не растерялся и обратился в молитве за помощью к преподобному Александру Свирскому. Как только воззвал он к святому, то чудесным образом, сам того не понимая, оказался на поверхности льда и благополучно добрался до берега.

В иеросхимонахе Антипе Афонском нашел отец Амвросий опытного руководителя в молитвенном подвиге, в умном делании. Отношения их не были, однако, односторонними. Отходя ко Господу, афонский старец передал последние духовные наставления отцу Амвросию.

Отец Амвросий, которого игумен Дамаскин благословил на духовное старческое окормление братии, достойно нес возложенное на него послушание. В глубоком смирении, избегая всяких начальственных должностей, не ища и не домогаясь ничего, кроме спасения. В 1891 году отец Амвросий удалился в скит Всех Святых. Там он 16 января 1892 года принял великую схиму с именем Антипы. Живя в тиши и уединении, он не забывал ближних, назидал приходящих к нему, вел обширную переписку с ищущими утешения и молитвенной помощи.

В последние годы жизни, страдая болезнью ног от продолжительного стояния на службах, иеросхимонах Антипа не оставлял своего келейного правила и никому не отказывал в приеме и добром совете. Свое келейное правило старец открыл перед смертью духовно близкому монаху Лонгину. Отец Антипа читал ежедневно 12 глав Евангелия, 12 глав Апостола, три кафизмы и шесть акафистов.

7 апреля 1912 года отец Антипа занемог. С этого дня он начал постепенно угасать и почти уже ничего не вкушал. Во время болезни причащался Святых Христовых Таин. 11 апреля в последний раз он отмечал день своего Ангела священномученика Антипы. С большим трудом и, изнемогая от слабости, молился за Божественной литургией в скитском храме.

21 апреля у смертного одра старца был прочитан канон на исход души. Как только закончили чтение отходной, в 7 часов 30 минут, отец Антипа тихо почил о Господе. Лицо старца, носившее во время болезни следы тяжких страданий, в момент кончины просветлело, на нем было выражение величавой торжественности... Иеросхимонах Антипа погребен в скиту Всех святых за алтарем скитской церкви, в могиле, давно уже приготовленной им для себя.

Иеромонах Исая

Иеромонах Исая (в миру Иван Одинцов) происходил из мещан г. Чердыни Пермской губернии. 19-летним юношей, презрев мирскую суету, покинул он родительский дом и удалился на Соловки. Прожив там немногим более года, он не нашел удовлетворения своей душе, жаждавшей более суровых подвигов. От паломников, посещавших монастыри, он услышал о Валааме и его мудром и строгом настояtele игумене Дамаскине. В июле 1853 года, благополучно достигнув Валаама, Иван был принят настоятелем в Валаамский монастырь. Трудился на общих монастырских послушаниях. В свободное от послушания время упражнялся в молитве, чтении святоотеческих книг. 31 мая 1864 года Иван Одинцов был пострижен в монашество с именем Исаяи.

По глубокому смирению отец Исая не помышлял о принятии священства, но это произошло по особому Промыслу Божию. В 1896 году Валаам посетил епископ Ладожский Палладий. Владыка, знакомясь с монастырем, посетил и некоторые скиты. Преосвященный расспрашивал сопровождающих его иноков, в числе которых был и монах Исая, кто на каком послушании трудится, сколько лет живет в монастыре и сколько лет иночествует. Услышав от отца Исаяи, что он в обители 16 лет, Владыка удивился, почему он не имеет священного сана. Отец Исая по своему смирению ответил, что не достоин этого. По возвращении из скитов в монастырь архиерей спросил настоятеля об отце Исаяи. Отец Дамаскин объяснил Владыке, что так как монах Исаяи несколько косноязычен, то он не решается представить его к рукоположению в священный сан. По отъезде епископа Палладия из монастыря вскоре было получено определение митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Исидора представить монаха Исаяю к рукоположению в сан иеродиакона. 28 августа 1869 года в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга епископом Выборгским Павлом монах Исаяи был рукоположен во

иеродиакона, а 24 июня 1893 году архиепископом Финляндским и Выборгским Антонием посвящен во иеромонаха.

В 1894 году отец Исаия был переведен на Предтеченский скит. Первые 10 лет иеромонах Исаия один исполнял ежедневно все церковные службы и, кроме того, приходил на клирос и помогал певчим. Вставал он обыкновенно раньше всех и, обходя скитские кельи, будил братию к службе. В свободное время вязал носки для монастырской братии. Трапезу отец Исаия посещал неопустительно. Пищу вкушал с большим воздержанием. Если замечал, что кто-либо из братии не был на трапезе, делал замечание. В течение 13 лет иеромонах Исаия жил в келии один и почти никогда не топил ее. Боялся отец Исаия принимать услуги от других, но, когда случалось, старался всегда чем-нибудь отблагодарить. Многие обращались к отцу Исаии за духовными советами, но он старался избегать разговоров. Старец глубоко благоговел перед святыней. Он никогда не позволял себе вкушать освященную просфору сидя. Если ему попадался клочок газеты, он приносил его в келью, тщательно просматривал и изглаживал те места, где встречал имя Божие или упоминание святых, чтобы они не попирались.

Последние пять лет старец уже не мог самостоятельно совершать богослужение, а лишь принимал участие по праздникам в соборном служении, по воскресным дням причащался в алтаре Святых Христовых Таин. 8 января 1914 года иеромонах Исаия тихо скончался. Когда усопшего омывали, долго не могли снять сапог. Ногти на пальцах отросли настолько длинные, что обвернулись вокруг них и вросли в тело. Трудно было представить, как мог он ходить, не хромая и не выдавая своим видом той боли, которую претерпевал. Погребен отец Исаия в Предтеченском скиту за алтарем церкви.

Схиигумен Иоанн

Схиигумен Иоанн (в миру Иван Алексеевич Алексеев) родился 14 февраля 1873 года в Тверской губернии в крестьянской семье. 28 мая 1901 года, получив благословение родителей, Иван Алексеев поступил в Валаамский монастырь и через пять лет, 21 декабря 1906 года, был зачислен в послушники.

По прибытии в монастырь его отправили в скит преподобного Германа Валаамского. Здесь занимались земледелием и разводили скот. Ивану пришлось помогать в хлеву и на полях, к чему он с детства был приучен. Кроме того, он работал в сапожной мастерской и в пекарне, где пек просфоры. Так прошли четыре года в Германовском скиту. Потом Ивана призвали на военную службу. Четыре года служил он в стрелковом батальоне. После армии возвратился на несколько лет в деревню к родителям, а затем окончательно вернулся на Валаам. Сначала он работал в экономской конторе на главном острове. Но вскоре его отправили на послушание в Петербург, в Валаамскую часовню на Калашниковской пристани (ныне Синопская набережная), где он пробыл два года.

О пребывании своем в Петербурге отец Иоанн рассказывал: «Многомятежный сей град повлиял на меня вредно, и я, немощный духом, не смог вместить городской суетолоки, ибо мне приходилось закупать и отправлять на вокзал и пароход и принимать разные товары, какие требовались для монастыря». Но за святое послушание пришлось прожить в «многомятежном городе» еще два года.

В июне 1910 года послушник Иоанн был пострижен в монашество с именем Иакинф. После многочисленных просьб отца Иакинфа вернуться в монастырь игумен Маврикий разрешил ему покинуть Калашниковское подворье и переселиться на жительство в Ильинский скит. После трех с половиной лет скитской жизни он нес послушание буфетчика в монастырской гостинице, потом снова был переведен на Германовский скит псаломщиком, а затем, через восемнадцать

лет с момента вступления в монастырь, по благословению игумена выехал в Предтеченский скит. Шесть лет продолжалась пустынническая жизнь в скиту. 19 октября 1921 года отец Иакинф был назначен настоятелем в обитель преподобного Трифона Печенгского на берегу Северного Ледовитого океана. Первые годы управления были тяжелы для нового игумена. Разница в устройстве иноческой жизни в Печенгском монастыре по сравнению с Валаамом давала себя знать. Тоска по родной обители, да и внутренние разногласия в монастыре однажды заставили отца Иакинфа заявить братии, что он хочет уехать обратно на Валаам. Но уехать не удалось. Братия упросила его остаться, так и пришлось отцу Иакинфу еще восемь лет нести тяжелый крест настоятельства.

В октябре 1931 года отец Иоанн по собственному прошению был освобожден от должности настоятеля. Весной следующего года он был вновь принят в число валаамской братии и направлен на проживание в столь любезный его сердцу скит святого Иоанна Предтечи. В 1933 году он был пострижен в схиму с именем Иоанн.

Все внимание схимника было направлено на внутренне делание, на стояние пред Господом, трезвение. Летом 1937 года пришлось отцу Иоанну перебраться из любимого им Предтеченского скита в монастырь, где он исполнял послушание помощника братского духовника, принимал на откровение паломников, а также нес чреду священнослужения. В марте 1940 года, после подписания мирного договора, Валаамский архипелаг отошел к Советскому Союзу. Отец Иоанн был вынужден покинуть родную обитель и эвакуироваться вместе с братией в Финляндию.

Новое место для монастыря было найдено в местечке Паппиниemi на живописном пологом берегу озера Юоярви. Впоследствии монастырь получил название Нового Валаама. Уединенность места, живописная природа, лес – все напоминало братии оставленный родной Валаам. Старец поселился в угловой комнате на втором этаже двухэтажного деревянного дома. И на Новом Валааме схиигумен Иоанн нес послушание духовника. У двери кельи старца стояла скамья: на

исповедь к духовнику приходили братья и паломники, и когда исповедников было несколько, ожидающие своей очереди, садились на эту скамью. Кельей старца служила небольшая скромная комната, из окна которой открывался прекрасный вид на тихое озеро. В свободное время отец Иоанн принимал участие в общих монастырских послушаниях: летом работал в поле, зимой рубил дрова. Главным занятием отца Иоанна в свободное от монастырских послушаний время стала переписка с его духовными чадами, которым он посыпал весточки почти до самой своей кончины.

В своих наставлениях, как и в жизни, отец Иоанн держался открытости к людям, духовной трезвости и простоты. В своих посланиях он старался внимательно разобраться в вопросах, волновавших наставляемого, в его бедах и заботах. Часто он как бы отождествлял себя со своим скорбящим духовным чадом. В письмах старец часто повторял своим духовным чадам: «Стремись чадо, к смирению и не верь себе, пока не ляжешь в гроб». О жизни на Валааме старец писал: «На Валааме проходил послушания разные, и все такие, которые мне не нравились, однако не унывал, а был мирен. От святого послушания рождается смирение и сила воли укрепляется» (07.02.1954). Схиигумен Иоанн предостерегал против всякого рода рывков и скачков в духовной жизни, увлечений духовными вспышками. Часто обращались к старцу за советом о делании Иисусовой молитвы. Вопрошавшим отец Иоанн отвечал: «...ты ревнуешь о молитве. Бог благословит, трудись, ибо молитва в духовной жизни – главное делание. Однако знай, насколько она высока и полезна, настолько и дается дорогой ценой, т.е. большими трудами. А чтобы она шла успешнее, постарайся, насколько сможешь, исполнять три условия: иметь чистую совесть к Богу, людям и к вещам. К Богу старайся исполнять Евангельские заповеди, к людям, чтобы не осуждать и не враждовать, к вещам пользоваться не пристрастно».

Отец Иоанн глубоко, проникновенно любил природу, он внутренне соприкасался с ней. В каждой малой травинке видел он чудо творения Божия, Его благой Промысл, пекущийся и о малых пташках. «Я глубоко верю и утверждаю, – писал старец

одному атеисту, – что есть Бог, есть будущая жизнь, есть вечное мучение для грешников, есть и вечное блаженство для праведников. Как же не верить в Бога, когда куда не посмотрю, везде вижу и созерцаю Божию премудрость и благость. Я вообще люблю природу. Приду в лес и удивляюсь каждому деревцу и холмику, и созерцаю Всемогущего Творца» (28.08.1954).

В своих размышлениях о подвижнической жизни старец писал: «Мне иногда бывает тяжеловато. Прямо не с кем поделиться переживаниями. Буква преобладает, а о духовной жизни даже и понятия не имеют. Некоторые говорят много, но говорят только то, что знают и что усвоено ими. Как-то обращено внимание на внешнюю букву и под влиянием внешнего жития рассуждают о духовной жизни. Конечно, внешнее подвижничество нужно, но не надо останавливаться на нем, ибо оно не добродетель, а пособие добродетели. Это не всем понятно» (04.05.1954). «Великое счастье для нас, что мы имеем книги св. отцов, ибо у них подробно говорится о духовной жизни. Конечно, хорошо бы духовную жизнь проводить под руководством духовного наставника, но оскуде преподобные, а без наставника очень опасно руководиться только одними книгами, все равно как в аптеке, не учившись искусству медицинскому, вместо полезных лекарств возьмет отравляющее. Однако унывать не надо: в основании положим мытарево смирение, и Господь по Своей благости поможет нам, грешным, и избавит от напастей на духовном пути. А в немощах будем каяться, ибо все подвижники благочестия держались за смирение и покаяние» (21.02.1947).

Отец Иоанн вел обширную переписку. Среди его духовных чад были люди как в высшим образованием, так и самые простые, необразованные. В 1950-е годы некоторые его письма были опубликованы в журнале «Аамун Койтто» в переводе на финский язык главного редактора журнала иеромонаха Павла. Благодаря этому читатели смогли познакомиться с учением старца и его советами. В 1956 году в г. Хельсинки вышел небольшой сборник писем схиигумена Иоанна на русском языке. Впоследствии письма несколько раз переиздавались в

Финляндии в 1984–1990 годах. Сборник был переведен на английский и сербский языки. Многократно они издавались и в России.

За год до смерти, в ноябре 1957 года, отца Иоанна отвезли в дом престарелых в Хейнявеси, где он пробыл до середины января 1958 года. По Новому Валааму отец Иоанн очень скучал. В последние месяцы перед кончиной он стал нуждаться в постоянной помощи. Умер схиигумен Иоанн утром 24 мая / 6 июня 1958 года. «На Новом Валааме лежат в могилах сто пятьдесят четыре инока, – писал в одном из писем старец. – Всех вас я знаю, и ваши тела лежат в могилах. Ибо закон смерти неумолим. Когда и где родились – знаем, а когда и где умрем – не знаем. Человек взят из земли в землю пойдет, а душа от Бога к Богу и пойдет» («Мои думы», 1956). Похоронили схиигумена Иоанна на кладбище Нового Валаама. По словам духовных чад, похороны были тихие, простые, скромные. Все было так, как он любил и каким был сам всю свою жизнь.

Схиигумен Феодор

Схиигумен Феодор (в миру Феодул Несторович Пошехов) родился 1 апреля 1863 года в благочестивой крестьянской семье в деревне Городище Мологского уезда, Ярославской губернии. «Семейка наша была в 20 человек, – рассказывал отец Феодор, – и все вместе жили. Ни ссор, ни дрязг у нас не бывало. Вот так вел нас отец. Богомольный он был. За всю жизнь свою не пропустил ни одной ранней обедне. А церковь от нас в 4 верстах была». С ранней юности он не только занимался крестьянским трудом (вел молочное хозяйство), но и читал Библию. С 16–22 лет духовно окормлялся у одной подвижницы благочестия, молитвами которой он был исцелен в детстве. Он ухаживал за старицей, парализованной на протяжении 40 лет до ее кончины. Она же направила Феодула на Валаам, куда он прибыл 6 февраля 1892 г., 28 марта 1894 года он был зачислен в монастырское братство, а 6 марта 1899 года пострижен в монашество с наречением имени Феодорит. 26 марта 1900 года отец Феодорит был рукоположен в иеродиаконы, 17 марта 1901 года – в иеромонахи.

Первые годы монастырской жизни отец Феодорит трудился на общих послушаниях, год был поваром на Тихвинском острове, где работало до 100 человек. Затем был командирован на Валаамское подворье в Петербурге. Более пяти лет состоял управляющим домом и подворьем на Васильевском острове и казначеем строительной комиссии по постройке каменного дома. 18 декабря 1906 года был награжден набедренником, 3 ноября 1908 года утвержден в должности благочинного, включен в число соборной братии. 9 июля 1910 года удостоен золотого наперсного креста. Однако, несмотря на хлопотную обязанность монастырского благочинного, отец Феодорит уже и в то время начал помышлять о пустынном жительстве, для чего с помощью благодетелей выстроил себе на Порфириевском островке, принадлежавшем монастырю, небольшой деревянный домик, куда часто уединялся для молитвы.

20 января 1914 года его определили настоятелем Александро-Невского Хренникого монастыря Борисоглебского уезда Тамбовской епархии с возведением в сан игумена. Любитель пустынного уединения, отец Феодорит без радости принял это назначение и настолько тяготился настоятельством, что уже 9 декабря того же года по прошению был уволен от должности. 15 апреля 1915 года отца Феодорита вновь приняли в число Валаамской братии, и он сразу же водворился в любимой пустыньке, где безвыходно подвизался последние годы. 01 мая 1921 года удостоен архипастырского благословения с грамотой. 6/19 декабря 1922 года принял пострижение в великую схиму, к чему давно стремился.

Прибывая в своей пустыньке, отец Феодор никогда не был праздным: кроме келейной молитвы, чтения слова Божия, в воскресные и праздничные дни всегда совершал Литургию в церкви Коневского скита, с особенной любовью поминая многих почивших, записанных в его личном синодике. Ввиду островного положения пустыньки отца Феодора путь к Коневскому скиту не всегда был безопасен: осенью и весною ему не раз угрожала опасности гибели в воде, но он всегда неустранимо исполнял свой долг. В великие праздники он приходил в монастырь и здесь участвовал в соборном служении.

Кроме некоторых духовных чад из монастырской братии, летом отца Феодора почти ежедневно посещали его почитатели из мирян. Старец проявлял великую любовь и милосердие ко всем, без различия посетителям, с присущей ему простотой преподавал духовные наставления, каждого старался утешить, обласкать, воодушевить. Любил при этом угождать или чаем, или плодами своего сада и огорода. Питался он исключительно от труда своих рук: возделывал овощные грядки в огороде, выращивал яблони разных сортов и ягодные кусты. Землю для сада и огорода ему приходилось носить на себе, так как почвенный слой Порфириевского острова очень тонок и скуден.

М. А. Янсен так описывал свое посещение старца: «вот и Порфириевский остров. Перед ним скрытая водой каменная луда. Надо обходить ее, искать дорогу. Вот широкий привольный заливчик с вытащенной в ракитник лодкой. Залитая солнцем

полянка, а за ней, взлобочке, часовня преподобного Серафима Саровского. Будто сам угодник стоит здесь и молится над тихим местом, над гладью воды, у стены сомкнувшегося леса. Дорожка поднимается полого, и видны тщательно возделанные гряды, кусты смородины. Молодые дубки стоят полукругом поодаль и точно любуются на дорогую часовенку. Сам отец Феодор сажал их заботливо, любовно подвязывал им, молодым еще, подпоры [...] Ласково гладят по голове ветви яблонь. И, склоняясь, подходим к домику. На завалинке отец Феодор в сиянии седин, волнистых кудрей и пушистой отеческой бороды.

Сидим. Глубоко внизу поблескивать живым мерцающим светом Ладога. [...]. Пьем чай и ведем простую беседу о простом и совсем попросту. Чай пьем с душистым вареньем, только что сваренным, еще теплым, едим белый хлеб, тоже только испеченный, совсем уж удивительный, ароматный, как просфорный.

Поговорить бы...

И первый же вопрос его, начинающий беседу, казалось бы, такой простой, почти естественный, касается прямо, твердо и прозорливо самый сложной, самой запутанной проблемы жизни. И то, что стало за долгие годы привычным по неотвязности, по устоявшемуся компромиссу, что перестало и тревожить, как хроническая болезнь, вдруг предстало обнаженным, судорожно стянутым узлом, требующим немедленно разрешения. Благословляющая рука легко опускается на крепко стянутые, сложно переплетенные нити и проясняется, затуманенная, просветляется, потемневшая. Дальние, ох, дальние мы от этой ясной простоты и просветления всех сторон жизни, вознесения ее в свет Христов, в молитву Иисусову.

Прежде всего надо основание положить каменное, а потом и понемногу и созидать. Веру нужно иметь живую, предать себя Господу, как железо кузнецу. Стارаться все заповеди Господни исполнять по слову пророка Давида: «ко всем Заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех» (Пс. 118:128). И ничего-то от Господа желать не надо. Молиться надо в простоте сердца. Считай себя хуже худой земли. А скорби – это щетки духовные, которые очищают душевную нечистоту. Если

мы по своей слабости не можем еще радоваться скорбям, то все-таки с благодарением должны переносить их....

Под высоким солнцем, под ясным небом остров приветливый, под яблоньками взращенными, выхоженными, плодоносными, старец схиигумен, опытом умудренный, молитвою просветленный, ласково привечает, обогревает озябшую душу. Улыбается душа, будто жмурился от обилия света и тепла.

«Помолимся... Достойно есть...», – поет высоким, приятным, совсем юношеским тенором. Видно, так и не преломился голос, не перешел в темные и томные низкие тоны. «... Блажите тя.... Пренепорочную...», – разносится чистый, ублажающий голос, как благословение над молчаливыми соснами и над гладким заливом, и ширится дальше, к другим островам. Вот на ближнем острове двое людей поднялись с камней, встали и затихли в благоговейном безмолвии, внимая четко звучащему знаменному напеву.

Показывает хозяйство свое: фруктовый сад, большой огород. Землю зимами на себе возил, с соседних островов. Ломом откалывал, мерзлыми комьями сваливал. Двадцать лет назад. А теперь вот как все поднялось, питается, плодоносит. Воды тоже по полтораста ведер нашивать приходилось. Видели мы потом уж, как в высоких сапогах, белой рубахе русской, а поверх большой крест на груди и параман на спине, с непокрыто белой сияющей головой, весь в радостном солнце работает, трудится старец над землею. Вся жизнь отца Феодора пронизана молитвой, вся она – предстояние. Каждый миг претворился со Христом и во Христе. Всякая работа стала деланием просветленным, творимым в благодатном озарении молитвы Иисусовой. Вот почему так просто, ясно и уветливо вокруг».

В 1937 году, незадолго до своей кончины, старец почувствовал сильное недомогание и был переведен в больницу. Предсмертная болезнь длилась ровно два месяца. В продолжение всего этого времени отец Феодор сохранял ясность ума и рассуждения и до конца нес подвиг постоянной и сокровенной молитвы. Всех посещавших его принимал с

любовью, был ласков и приветлив. Находясь в монастырской больнице, ходил в первое время к церковным службам и только лишь в последние дни слег в постель. В продолжение болезни отец Феодор часто причащался и, кроме того, пожелал, чтобы над ним было совершено таинство елеосвящения. С 15 февраля отец Феодор стал определенно говорить о своей близкой кончине и к этому времени закончил все свои предсмертные распоряжения и поручения. 17 числа в присутствии ежедневно посещавшего его настоятеля игумена Харитона, на слово последнего, сказанное им схимонаху Николаю, находившемуся тут же, что отец Феодор еще поправится, угасавший старец твердо и определенно сказал, что он «не поправится, а через сутки отправится». И действительно, с самого утра следующего дня стал слабеть, в виду чего в полдень причастился Святых Христовых Таин. Затем по его желанию был прочитан канон на исход души. 5/18 февраля 1937 года, в половине седьмого он мирно, тихо и безболезненно почил о Господе в уединении, когда больничные братья ушли на вечернюю трапезу. Вернувшись нашли его почившим, со сложенными на груди руками и лицом, исполненным невозмутимого покоя. Схиигумен Феодор был погребен на старом братском кладбище.

Схимонах Николай (Монахов)

(1876–24 апреля/7 мая 1969)

Схимонах Николай (в миру Василий Павлович Монахов) родился 22 июля 1876 года в Санкт-Петербурге в купеческой семье. Когда мальчику исполнилось четыре года, в семье Поповых случилось несчастье, его мать, бросив мужа, создала другую семью. Без отца мальчику жилось очень плохо. «Хотя меня и обижали, и не любили, я все же не печалился. Моей жизнью кто-то руководил, удерживал меня от всего худого, – записал в своем дневнике отец Николай. – Когда мне было около шести лет, меня отправили в школу, в купеческий приют, что у Волкова кладбища. Там я учился, там и жил. Учился я плохо. В свободное время любил читать краткие жития святых и другие духовные рассказы. Был всегда смиренен. Разговор у меня был более о том, как бы спасти и жить на небесах. Был у меня товарищ, с ним мы ходили, бегали по коридору, мечтали о том, как бы жить вместе у него в деревне, отдельно от прочих и спасаться».

В приюте с мальчиком случилось несчастье. Однажды дети, с которыми он играл, втолкнули его в темную пустую залу. Василий взглянул на окна и увидел в каждом беса в полный рост. Вид их был так ужасен, что мальчик, закрыв глаза, закричал. После этого видения Василий стал сильно заикаться, и у него сошел с места левый глаз. «Заикание я просил у Господа исцелить, а глаз у меня так и остался навсегда. Господь не оставил меня, стало лучше, а сейчас и совсем мало заикаюсь. После этого видения я стал еще хуже учиться, так что учителю пришлось помучиться со мной. Я хочу сказать и знаю, что ответить, но перед учителем не могу. Скажу слово и опять молчу. Слова вертятся в голове, а сказать не могу. Скорбел я очень, что плохо учусь, и просил у Господа помочи на учение, но помыселил говорил мне: «Читать про себя умеешь и писать, и довольно, в монастыре не нужно очень грамотному быть, так проживешь до смерти». Меня эта мысль всегда утешала. ...

Ученье у меня не шло, в голове только и было, как бы уйти в монастырь и спасаться и молиться за всех».

После второго класса мать забрала Василия из приюта. «Жить мне было очень плохо. Спал я на полу, был у своей матери как слуга. Не любила она меня. В это время было мне 12 лет. Питался я у них тоже плохо. Но вот знакомые пожалели меня и отправили в ученье, в мальчики-портные. Однако там не стали держать меня. Пришлось просить хлебца, а то голодный был».

Достигнув совершеннолетия, Василий Монахов поступил на работу в Синодальную типографию. В эти годы он посещал духовные собеседования, проводившиеся по вечерам в храмах города, ходил в Андреевский собор на Васильевском острове. Чтобы Василий не уехал на Валаам, мать забрала у него паспорт и спрятала.

«Когда я поступил на завод «Сан-Гали» мне пришлось по делам ходить поздно вечером за город, за «обводную канаву», туда, где городовых совсем не бывает. Извозчики там тоже не стоят, на ночь запирают ворота на замок. Мне говорили, что ходить тут опасно, могут убить. На ночь предлагали оставаться, а утром уходить. Но Господь хранил: не трогали меня. Посмотрят, бывало, на меня и пойдут дальше». Не раз враг рода человеческого хотел его уничтожить или устрашить, но Господь незримо хранил Своего раба.

После увольнения с завода у Василия на руках оказался паспорт. После многих колебаний и горячей молитвы перед чудотворной иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость» Василий решил оставить мать и по слову Спасителя: «*Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, тот не может быть Моим учеником*» (Лк. 14:26) и еще: «*Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня*» (Мф. 10:37) отправился на Валаам.

«Приехал я на Валаам, паспорт у меня был с собой. На душе у меня было так легко и весело, точно я вылетел из клетки, такое у меня было чувство тогда. Игумен отец Гавриил принял меня. Это было в 1900 году. Работать назначили на общих послушаниях у нарядчика отца Саввы. Там выгружал я

древа и прочее. Потом отец Савва свел меня к игумену благословиться одеть меня в послушники. Поставил меня в трапезную при рабочем доме у конюшен». Спустя несколько лет наместник монастыря отец Виталий отпустил Василия домой в отпуск. Приехав к родственникам в Петербург, он узнал, что мать его тяжело больна и находится в больнице. «Я навещал ее и приносил ей все, что она хотела. Со мной вместе к ней ходил и мой брат Борис. Нашим посещением мать всегда утешалась. Наконец мать благословила меня идти в монастырь и взять с собой брата, но он не захотел».

Примирившись с матерью и похоронив ее, Василий вернулся на Валаам. Как и все вновь прибывшие в монастырь, он исполнял тяжелые монастырские послушания. «Нарядчик отец Галактион послал меня на кухню мыть ложки при малой трапезе, затем назначил кубогреем при конюшенном доме. Это было уже при игумене Маврикии. От него я получил и рясофор. После этого я исполнял послушание столовщика при большой трапезе, каменщика при мастерской от иконной и книжной лавки и будильщика».

За сердечную чистоту и простоту Василий был удостоен от Бога многих видений. «Слыхал я, как в монастыре говорили и думали, что преподобных здесь нет, здесь пустая рака стоит для воспоминания их, а они сами неизвестно где находятся, может быть, в другом месте, а не под ракой. Я наслушался этого, и мне пришла такая мысль в голову во время всенощной, когда читали кафизмы. Я сидел на хорах на первой скамейке и думал: «Ведь наверное, нет здесь, в этом храме, преподобных Сергия и Германа, а в другом, наверно, месте Валаам велик. Раку поставили здесь, в церкви, а их самих нет». Так размышлял я. Вдруг у меня умиление сердца и на глазах показались слезы. Я взглянул на Божию Матерь – образ, который висел на колонне напротив креста. Ее называют Валаамской Божией Матерью. Около этой иконы увидел я преподобных Сергия и Германа. Они стояли у ног Божией Матери: один по правую, другой по левую сторону. Одеты были они в мантии и схимы, на плечах и на груди было написано: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй

нас». В руках они держали свитки. Лица у них были тощие, глаза голубые, вид был божественный. Они смотрели на братию, а у меня от радости слезы лились, и душа рвалась к небесам. Я посмотрел опять на икону Валаамской Божией Матери, но преподобных Сергия и Германа больше не было, они скрылись. После этого я твердо уверовал, что они положены здесь, где находится рака, и что они во время службы присутствуют с нами и стоят у ног Божией Матери, молятся и смотрят на нас. Преподобные Сергий и Герман избавили меня от неверия».

В 1913 году инок Василий, как исправный послушник и известный начальству монастыря своей благочестивой жизнью, был направлен игуменом Мавриkiem в Москву, на Валаамское подворье. Здесь в 1914 году наместник Валаамского монастыря иеромонах Павлин постриг Василия в мантию с именем Борис. Эконом подворья отец Иона назначил его пономарем и звонарем.

На подворье в Москве отец Борис чудесно обрел список с чудотворной иконы Божией Матери «Споручница грешных». «В воскресенье за поздней обедней народу было очень много. Я находился на хорах. Внизу продавали просфоры. Я сошел вниз и увидел около окна на столе против моей кладовки толстую доску, обернутую газетой и завязанную веревкой. Я подумал: «Наверное, кто-нибудь оставил и придет взять» и не обратил внимания. Богослужение кончилось, я закрыл церковь. Доска там все так и стояла. Я подумал: «Верно кто-нибудь из братии забыл и придет взять потом». Пошел я обедать. После обеда пришли убираться. На эту доску никто не обращал внимания. Я подошел к доске, а внутренний голос мне говорит: «Возьми это себе в кладовую». Я развернул доску: она была толстая, черная-пречерная. По гвоздю я догадался, что это икона. На ней ничего не было видно. Хотел я снести доску на чердак, но внутренний голос сказал: «Зачем на чердак? Ты промой и увидишь, что это такое». Я взял тряпку, макнул в керосин и начал тереть. Понемногу грязь с доски стала смываться, и я увидел корону и лик Спасителя, такой ясный, казалось, будто Он смотрел на меня». В своем дневнике отец Борис приводит множество чудесных знамений и исцелений от обретенной

иконы Божией Матери «Споручница грешных». «Монах Валаамского монастыря Ефрем одно время томился мрачным состоянием духа, задумчивостью и рассеянностью. Когда однажды он пришел к себе келью, на него напал страх, ему представились бесовские чудовища. На другой вечер он вспомнил про святую икону Царицы Небесной, находящуюся у монаха отца Бориса, и пришел помолиться пред сим чудотворным образом. При этом как бы кто невидимый положил ему на душу идти к себе в келью и положить несколько поклонов Пресвятой Богородице. Возвратясь к себе, инок Ефрем помолился Царице Небесной, и к нему снова возвратилось спокойное состояние духа, страх прекратился. Заступница Усердная рода христианского его исцелила от постигшего томления и страха. ... В ночь на 19-е ноября 1931 года (по ст. стилю) два благовейных инока на Валааме да еще одна боголюбивая душа тихо и благовейно совершали всенощное бдение в своей келье по чину и уставу церковному. Молились они пред дивным, глубокочтимым келейным образом Царицы Небесной, именуемым «Споручница грешных». Сия святая икона уже не раз показывала свои милости тем, кто с верою молился пред нею. Так и в этот раз: в этот памятный вечер она явила верным рабам Божией Матери, благовейно молящимся пред Ее святой иконою, дивную Свою милость. Спокойно и усердно молились иноки и вот в половине службы, по обычаю, стали после «Хвалите имя Господне!» прикладываться к святому образу. И как-то один из иноков своею мантией слегка нечаянно задел за подножку, на которой стояла большая стеклянная лампа, наполненная доверху керосином. Подножка покачнулась, и лампа упала на пол, разбившись на мелкие куски. Стекло от лампы далеко откатилось в сторону, но почему-то не разбилось. Огонь на фитиле каким-то непонятным образом загорелся с нижнего конца, а вверху погас. Молящиеся три человека нисколько этим происшествием не смутились и, видя, что керосин всюду разлился: и под стол, и под аналой с книгами, а в середине керосина ярко горит фитиль от лампы, смотрели на это совершенно спокойно, словно это было самое обыкновенное и

безопасное дело, и, не прерывая службы, продолжали неторопливо и благоговейно молиться. В келье воздух был совершенно чистый и не ощущалось ни малейшего керосинового запаха. Когда они уже кончали всенощную, фитиль, дожгорев, погас, причем сама светильня хотя и не сгорела, но сделалась вся белая и сухая совершенно. По окончании службы инок Борис собрал керосин с полу, которого было так много, что он две большие тряпки, совершенно мокрые от собранного керосина, вынес из кельи и бросил в огонь. Они с шумом и силой мгновенно вспыхнули и ярко-ярко загорелись пылающим пламенем. Уже после службы иноки как бы очнулись и, прия в себя, поняли, какой страшной опасности они подвергались. Но заступлением Царицы Небесной произошло это чудо и спасение от многих бед. И стали они горячо воссыпать свои молитвы и благодарения Царице Небесной, заступлением и помощью Которой были спасены от пожара, страха, потери монастырских вещей и вообще всякой неприятности и взыскания со стороны монастырского начальства».

На Валаамском подворье в Москве отец Борис пробыл четыре года и перед Первой мировой войной вернулся в монастырь на Валаам.

1924–1925 годы стали одними из трагических в истории Валаамской обители. После революции 1917 года обитель территориально принадлежала получившей независимость Финляндии. В 1921 году Финляндская Православная Церковь получила автономию от Святейшего Патриарха Тихона. Впоследствии, в 1924 году, воспользовавшись нестроениями в Русской Православной Церкви и заточением в Донском монастыре Святейшего Патриарха Тихона, Финляндская Православная Церковь под давлением правительства Финляндии переходит в ведение Константинопольского Патриархата. Начинается насилиственное введение в православных приходах Финляндии и монастырях Валаамском и Коневском нового григорианского стиля. На Валааме в единой доселе монашеской семье произошел раскол среди братии на новостильников и старостильников. «1925 года, 10 сентября на

Валааме было разделение старого и нового стиля. Стали принуждать переходить на новый стиль. Многие из братий остались по-старому. Начались суды. Приехало церковное управление во главе с нашим игуменом отцом Павлином. Был суд. Стали призывать по одному каждого из братий. Многих уволили из обители. Пришла очередь и моя. Вошел я в комнату. Там сидел игумен Павлин с прочими из Церковного управления. ... Они спросили: «Признаешь ли игумена отца Павлина? Будешь ли ходить в собор по новому стилю?». На их вопросы я не мог ответить. У меня в это время точно отнялся язык. Они усомнились и сказали: «Ну что же ты не отвечаешь?». Я не мог сказать ничего. Тогда они сказали: «Ну иди, раб Божий, и подумай». Я начал молиться Божией Матери, Споручнице моей в сердце моем: «Скажи мне и укажи путь жизни моей: на какую сторону идти – за новый или за старый стиль? В собор ходить или куда?». И молился я, грешный, Матери Божией во время своего послушания на кухне. Когда я свое послушание вечернее кончил, пошел к себе в келью и подумал в простоте сердца своего: «Что же Матерь Божия не извещает меня?». Но милость Божия не оставила меня, грешного. Она желает всем спасения. Вдруг в келье моей явился собор, такой же, как он и есть, высоты, длины и ширины. Удивился я чудному явлению. Как он вошел в мою маленькую келью? Но внутренний голос сказал: «Богу все возможно, нет ничего невозможного». «Ну вот, надо ходить в церковь, в собор по новому стилю». В то время, когда я так размышлял, сверху спустилась завеса церковная, голубая. Посредине завесы – золотой крест. Собор остался за завесой. Я остался по другую сторону собора. Собор стал мне не виден, и внутренний голос говорил: «Иди на старый стиль и держись его». И слышу женский голос сверху: «Если хочешь спастишься, держи предание святых апостолов и святых отцов». И во второй раз то же самое повторилось, и в третий раз голос сей: «Если хочешь спастишься, держи предание святых апостолов и святых отцов, а не сих мудрецов». После этого чуда все скрылось, и я остался один в келье. Сердце мое возрадовалось, что Господь указал путь спасения по молитвам Божией Матери».

В декабре 1939 года, во время русско-финской войны братия монастыря была эвакуирована в глубь территории Финляндии, где в местечке Папинниеме в 1940 году был основан Ново-Валаамский монастырь. Весной 1957 года монахам Валаамской обители была предоставлена возможность возвратиться на Родину. Отец Борис первым подал заявление о возвращении и 15 октября 1957 года прибыл в Выборг, откуда был направлен в Псково-Печерский монастырь вместе с другими иноками Валаамского монастыря. Архиепископ Псковский и Порховский Иоанн, настоятель Псково-Печерского монастыря, постриг его в схиму с именем Николай. В продолжение всей своей жизни отец Николай сохранял жизнерадостность, всегда благодарил Господа за Его милости. Келейник отца Николая иеромонах Кенсорин вспоминал о старце: «Более всего я общался с отцом Николаем. Мы жили с ним в одной келье. Я его навещал также и раньше. Раз я был в великом расслаблении, даже не мог нести послушание. Увидев его в саду, я радостно побежал к нему и рассказал свое горе. Он меня крепко обнял, прижал к себе, и тут же я получил исцеление от его прикосновения. Поэтому, находясь у него, я постоянно чувствовал, что это святой человек. Отец Михаил (Питкевич) при жизни также постоянно напоминал мне об этом. Всегда, прия его проведать, говорил: «Он благодатный старец. Благодать дается за великий подвиг, а ему дана за великое смирение и любовь». Он имел дар непрестанной молитвы. Особенно он молился ночью. С 11 часов садится в кресло и всю ночь до 5 часов утра сидит и молится. Я встаю, а он говорит: «Вот теперь мне пора отдохнуть. Господь любит ночную молитву».

Так продолжалось четыре года на моих глазах, пока старца не оставили силы. Постоянно живя с ним, я чувствовал, как небесный свет озарял келью. Во время молитвы душа моя также наполнялась неизреченной радостию. После полуночи и церковной службы, напоив старца чаем, я уходил на послушание в пекарню, на просфорню или на общие работы, а он продолжал молиться за обитель, за братий,

трудящихся во святой обители, и обо всем мире. Тот же молитвенный дух я постоянно чувствовал и на послушании.

Встречал он меня с великою радостию, как ребенок любящую мать. Эту радость его нельзя понять и передать словами. В нем было много детского: простота, смиление, послушание и необыкновенная, непостижимая любовь. Он часто говорил: «Мне Господь сказал: «Под старость ты будешь как дитя». Даже его лицо подтверждало это.

Мне приходилось часто служить в церкви седмицу иеродиаконом, а позднее иеромонахом по вечерам и Литургию по утрам или просто ходить в храм молиться. И удивительно: когда старцу нужна была моя помощь, он просил Господа, чтобы прислал меня к нему. Я это чувствовал и приходил как раз в тот момент, когда я ему был срочно нужен. Он был 10 лет совершенно слепым и, конечно, нуждался в постоянной помощи. Но все же, забывая свою нужду, он отпускал меня на богослужения и послушания. Часто я его видел сияющим неземной радостию: в эти моменты он был посещен небесными жителями. Все это он часто скрывал по своему великому смиению. Раз, придя из церкви, я увидел его, обливающегося слезами, он сказал: «Меня посетил Господь».

... Посещающую братию и паломников принимал с великой радостию. Даже многим целовал руки. Всех поучал смиению, послушанию и любви. Поучал заниматься Иисусовой молитвой и вообще непрестанной молитвой. Братию поучал подчиняться наместнику, да и всем вышестоящим подчиняться с великим смиением и любовию. Также и всех учил жить в мире, любви и согласии. Часто говорил: «Бог есть любовь, без любви нет спасения».

Громадное у него было смиление. И вот однажды, когда приехала мама помогать мне ухаживать за этими старцами, я в шутку сказал: «Мама, вот сейчас я проверю смиление отца Николая, схимонаха». Я просто подошел к нему и говорю: «Отец Николай, зачем ты обидел мою маму?» Он тут же безо всяких оправданий пал ей в ноги и закричал: «Тетя Зина, прости меня, грешного, что я тебя обидел». И сразу повалился ей в ноги! Ему было 93 года. С трудом я поднял и посадил в кресло

великого старца. И маме сказал: «Вот видишь, какое глубокое смиление у старца. Ведь у нас скажи кому-то послушнику, что он чем-то провинился, так он будет оправдываться целый час или тысячу слов скажет в свое оправдание»".

Предчувствуя Великим постом 1969 года близкую кончину, отец Николай сказал своему келейнику иеромонаху Кенсорину, что «это последняя Пасха в его жизни». Старец просил всех простить его и в молитвах не забывать постоянно обращаться с сокрушенным сердцем к Царице Небесной Покровительнице монашествующих, совершающих труды и подвиги во славу и спасение мира. На рассвете 7 мая, помолясь со слезами и приобщившись в последний раз Святых Христовых Таин, схимонах Николай по окончании «Канона на исход души» тихо почил о Господе. «Он хотел умереть на Пасху, так Господь и сподобил преставиться в день Преполовения. Сорок дней было ему в день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших». 9 мая почивший старец схимонах Николай при пении пасхального канона «Воскресения день...» был погребен в пещерах вместе с остальными Валаамскими старцами.

Преподобномученик Иеремия

Преподобномученик Иеремия (в миру Иван Михайлович Леонов) родился 1 января 1876 года в селе Гаврипольское Зарайского уезда Курляндской губернии. Сведения о новопрославленном преподобномученике, к сожалению, очень скучны. Известно, что после окончания Виленского технического училища поступил в Валаамский монастырь 12 февраля 1908 года. В 1910 году был зачислен в послушники. Пострижен в монашество с именем Иеремия 4 августа 1912 года. Проходил послушания в слесарной мастерской и состоял её смотрителем.

С 1917 года отец Иеремия находился в России в отпуске. В то время в стране царил хаос. «Хищения, грабежи, разбои, насилие и обострившаяся борьба стали достоянием новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну... Страна пошла по пути гибели».⁴³

Скорбя о горе, постигшем православный русский народ, ревнуя о защите вверенной ему Богом паствы от гонителей Церкви, Патриарх Московский и всея России Тихон издает послание, в котором анафематствует участников кровавых расправ над невинными людьми, богоборцев, поднявших руки на святыни церковные и на служителей Божиих: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле. Гонение воздвигли на Истину Христову явные и тайные враги сей Истины... Ежедневно до нас доходят известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве в том, что честно исполнили свой долг перед Родиной».⁴⁴ В обстановке беспредела, беззаконий, мятежа и гонений на Церковь в 1918 году монах Иеремия был убит в России.⁴⁵

На юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся 13 – 16 августа 2000 года, был прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских XX века (память 01 – 14 января).

Ангел-хранитель Валаама (святитель Игнатий Брянчанинов в истории Валаамского монастыря)

Северным Афоном называли эту обитель современники. И не случайно с Валаамом тесно связано имя замечательного подвижника и аскета, духовного писателя XIX столетия святителя Игнатия (Брянчанинова). На протяжении 30 лет Преосвященный Игнатий состоял в переписке с известным церковным деятелем того времени, игуменом Валаамского монастыря Дамаскиным. В письме к нему епископ Игнатий с чувством восхищения отозвался о Валааме: «Валаамский монастырь есть один из первейших монастырей не только в России, но и во всем мире, по удобствам своим к иноческой жизни. По служебным отношениям моим к сей обители я считаю моею священною обязанностью сохранять сие иноческое святылище».

В 30-е годы XIX столетия в связи с нестроениями в жизни Валаамской обители возник вопрос об избрании нового игумена. Духовная консистория Святейшего Синода поручила разобраться в сложившейся ситуации настоятелю Троице-Сергиевой пустыни архимандриту Игнатию, в июне 1838 года назенненному благочинным монастырей Петербургской епархии. Энергией настоятеля Троице-Сергиевой пустыни были найдены и церковной властью вырваны зловредные плевелы на духовной ниве древнего Валаама. И в определении Святейшего Синода по делу о Валаамских беспорядках нельзя не видеть поощрительного влияния Высшей Церковной Власти к Игнатию (Брянчанинову) и очевидного желания, чтобы и в дальнейшем устроение дел и жизни Валаамского монастыря стояло под ближайшим руководством и влиянием его как знатока монастырских дел, мудрого и энергичного начальника.

Для возрастания Валаамской обители представлялось крайне необходимым назначить нового настоятеля. Архимандрит Игнатий рекомендовал на этот пост известного ему своей подвижнической жизнью монаха скита во имя Всех

Святых Дамаскина. Предложение было принято Святейшим Синодом и Государем. По поручению митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Серафима (Глаголевского † 1843) архимандрит Игнатий направил монаху Дамаскину приглашение немедленно приехать в Петербург для представления. С этого короткого официального письма началась переписка между архимандритом (впоследствии епископом Кавказским и Черноморским) Игнатием и игуменом Валаамского монастыря отцом Дамаскиным. Со временем между ними возникла глубокая духовная дружба, продолжавшаяся до самой кончины Преосвященного Игнатия (†1867).

В переписке можно выделить три периода: первый период письма 1838 – 1857 годов, когда архимандрит Игнатий был благочинным монастырей Петербургской епархии. Ко второму периоду следует отнести письма 1858 – 1861 годов, в это время епископ Игнатий управлял Ставропольской епархией. Третий период представлен письмами, относящимися ко времени пребывания Преосвященного Игнатия на покое в Николо-Бабаевском монастыре в 1861 – 1867 годах.

Несмотря на относительную молодость, архимандрит Игнатий стал для игумена Дамаскина духовным наставником. Первые годы управления монастырем были для игумена Дамаскина тяжелым послушанием. Его стремление восстановить строгие монастырские порядки вызывало ропот некоторой части насельников, в большинстве своем тех, кто был прислан в обитель «для исправления» из других монастырей. Причиной неприязни к отцу Дамаскину было и то, что он стал игуменом сравнительно молодым, в возрасте 44 лет. Недовольные проводимыми игуменом преобразованиями, стали писать митрополиту Санкт-Петербургскому Никанору доносы на отца Дамаскина, которые, однако, благодаря архимандриту Игнатию приводили к результату, противоположному тому, на который рассчитывали их авторы. Архимандрит Игнатий в утешение отцу Дамаскину пишет: «... во все времена апостолы Слова, пастыри церковные, настоятели обителей и во всяком сане угодники Божии пасли вверенное им стадо посреди многих

скорбей и искушений. И сей есть праздник любимца Божия, егда пошлет ему Господь дарование скорбей. Сию чашу Сын Божий испил и обещал всем Своим последователям». И далее сообщает: «Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Митрополит, отдавая полную справедливость Вашим трудам по званию настоятеля Валаамского монастыря, в особенности в хозяйственном отношении, вместе с тем желает, чтоб духовное преуспеяние и мир в вверенной Вам обители паче и паче умножались... Собственноручное письмо мое и конфиденциальность оного служит пред Вами доказательством милостивого внимания к Вам Его Высокопреосвященства и должны более и более поощрять Вас к полезным трудам для блага Валаамской обители и нравственного, и вещественного».

"Полезные для обители люди приобретаются с трудом, а теряются весьма легко,— соглашается архимандрит Игнатий с игуменом Дамаскиным. Ныне много новых настоятелей, заботящихся о введении порядка в своих обителях и ищущих повсюду благонадежных братий, каковых ныне очень мало.

Игумен Дамаскин большое внимание уделял строительству в монастыре, поэтому его справедливо называют строителем Валаама. Архимандрит Игнатий как благочинный оказывал ему всяческую поддержку. Так, он советовал привести монастырские здания в такое состояние, чтобы они были пригодны для жилья в условиях сурового климата. Соглашался с мнением игумена о том, что монастырь нуждается в гостинице, расположенной вне стен монастыря. «Вам предстоит много труда. Да дарует Вам Бог силы совершить их во славу Его Святого имени и для существенной пользы ближним». Но не столько хозяйственному, сколько духовному устроению обители советует уделять внимание архимандрит Игнатий.

Указ Духовной консистории о монастырских духовниках стал поводом для обстоятельного письма архимандрита Игнатия игумену Дамаскину о духовном устроении обители (13 ноября 1846 года). Предостерегая от излишне требовательного и прямолинейного подхода к организации духовной жизни, который выражался в том, что игумен Дамаскин сам стремился

исповедывать братию, архимандрит Игнатий замечает: «Конечно вы получили бумагу об определении указных духовников, что ныне сделано по всем монастырям. Хотя многие из братий не расположены к жизни отеческой, но обязанность настоятеля и прочих властей состоит в том, чтобы и для таковых уготовать пристанище спасения – искреннее покаяние. Невозможно требовать, чтобы все постигли путь отеческий! И в древние времена многие из братства не решались и таковым явно святым настоятелям открывать свою совесть, как сие ясно видно из четвертой степени святого Иоанна Лествичника, где описываемый настоятель в статье о покаявшемся разбойнике ясно объявляет святому Иоанну Лествичнику, что он имеет многих братий в обители своей, чуждающихся исповедания помыслов пред настоятелем или, что все равно, пред единодушным и открывающимся настоятелю духовником. Посему советую Вам, как прописано в бумаге, новоначальных обители отдавать по избранию Вашему тому духовнику, в котором Вы находите более способностей и опыта, а монашествующим предоставить избрание духовника по совести и душевному расположению ...

Если представится случай, то благоволите выслать ко мне книгу преподобного Феодора Студита для прочтения. Теперь я болен сильно простудой, от которой излечение требует значительного времени, а также и хранение себя по выздоровлении потребует долгого уклонения от выездов. Посему уединение, доставляемое болезни, нахожу весьма удобным временем к прочтению глубоких поучений Студита. 30 ноября 1846 года».

Заботясь о духовном возрастании братии Валаамского монастыря, архимандрит Игнатий замечает, что благочинный должен осуществлять контроль за изучением в монастыре катехизиса Священной и церковной истории. В частности, он должен был экзаменовать по этим предметам иеродиаконов, направляемых в Петербург для иерейской хиротонии. Послушники Валаамского монастыря, как правило, происходили из крестьянской среды, грамотных среди них было немного. Сам игумен Дамаскин тоже был из крестьян. Архимандрит Игнатий

советует игумену, как преуспеть в этом деле."Нужно терпение, при котором и малоспособные могут изучить сии предметы, столько по себе важные и столько по ясности и немногосложности своей нетрудные, хотя нескоро, не в полгода, не в год, два, в три года. Если Бог приведет летом быть в обители Вашей, то желаю подробно вникнуть в предмет сей, причем легко можно будет усмотреть, кто способен, кто неспособен и кто представляется неспособным по упрямству или лености. Для последних можно придумать и наказание». (5 марта 1845 года. Сергиева Пустынь.)

В письме игумену Дамаскину от 25 сентября 1855 года он пишет: «Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители только в случае невозможности поместиться в ней, имею в виду Оптину пустынь. Последняя больше представляет выгод в материальном отношении: там климат гораздо благорасторимый, овощи и плоды очень сильны и в большом количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения... По моей болезненности долговременной и сообразно сделанному ей навыку, я выхожу из келии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней не исходно: то посему самому жительство в скиту было бы для меня более сродным и удобным. Самая тишина скита, в который навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению ... Что же касается до самого общежития, то есть самого монастыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России далеко высшим знаменитых общежитий, даже Оптинского и Саровского: потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое и тем отделяться от общего тела общежития. Общежитие Валаамское должно оставаться надолго в его настоящем виде: оно необходимо для натур дебелых, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением косно, как выражается святый Иоанн Пророк, войти в духовное или по крайне мере душевное делание».

Ухудшение здоровья заставило архимандрита Игнатия просить освобождения от должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. Закончилось и его пребывание благочинным монастырей Петербургской епархии. 27 октября 1857 года в Казанском соборе в Петербурге архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. В дальнейшем, после отъезда епископа Игнатия из Петербурга, его переписка с игуменом Дамаскиным становится все более личной и глубокой. «Из всех известных мне настоятелей по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям более всех прочих мне нравитесь Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне давно известны. Сверх того, я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхощет продлить дни Ваши». Для епископа Игнатия Валаам по-прежнему остается близким и дорогим, и судьба монастыря волнует его сердце. Для игумена Дамаскина епископ Игнатий – мудрый наставник и учитель. «Ваше, Высокопреподобие, Высокопреподобнейший отец Игумен! Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминания о мне, грешном, за присланные книги и эстампы. Прошу передать всей братии мой усерднейший поклон и прошение их святых молитв. Прошлого лета я лечился на Минеральных водах, а ныне купанием в море. Лечение, правду сказать, болезни разворочало и много из внутренностей выгнало наружу, так что и теперь покрыт сыпью, но особенного исцеления и укрепления еще не чувствую. Когда Богу угодно попустить какое-либо искушение, то от такого искушения ничем оборониться невозможно, кроме терпения. Рассматривая свою немощь, часто рассуждаю: не епархией бы мне управлять, а где-нибудь в укромном уголке грехи свои оплакивать. Весьма бы рад к Вам на Валаам! Но телесная немощь не понесет тамошняго климата. А место! Единственное. Мне Кавказ меньше нравится, несмотря на то, что горы несравненно выше, а иные из них необыкновенно красивы. Воды нет: это лишает полного

изящества здешние ландшафты. Да и камень в горах – известняк и песчаник, а не гранит.

Искренно желаю Вам и святой обители, чтобы скорби, попущенные Богом по Его же милости, проносились мимо, яко мимоходящие тучи. А без скорбей, как видится, не обойтись до самого гроба. Они и архиереев, и царей досягают. Кому попустятся, того везде найдут, в самые высокие хоромы проникнут. Никакие замки, никакая стражи их не удержат. Один Господь – наше прибежище и наш щит от скорбей. 26 июля 1859 года».

В письме, написанном 13 сентября 1859 года, епископ Игнатий делится с игуменом собственным опытом настоятельства и объясняет ему тайну крестного пути человека. «Ваше, Высокопреподобие, Высокопреподобнейший отец игумен Дамаскин! Искреннейше благодарю Вас за письмо Ваше, за слово о святой обители Вашей и о прочих обителях, в благосостоянии которых принимаю живейшее участие, чем могу сердцем: ибо в святых обителях жительствуют слуги и други Господа моего, их же не достоин весь мир

Сколько могу понимать из собственного опыта и из поведения разных искусственных иноков, не может человек, желающий благоугодить Богу, подвизаться тем подвигом, которым захотел бы человек тот, подвизаться по собственному своему избранию: он должен подвизаться тем подвигом, который предоставит ему Бог. Един ведящий непогрешительно способности человека. Сам же человек смотрит на себя почти всегда ошибочно. Опять: в прохождении того самого служения, которое нам назначил Бог, встречаются с нами не те обстоятельства, которые мы предполагали и которым бы следовало быть по логическому порядку, а обстоятельства вовсе неожиданные, непредвиденные, вне порядка, нарушающие порядок. Из всего этого очевидностью является, что Господь ищет от нас не тех добродетелей, благоуождений, о которых мы благоволим и которые совершаляем с приятностью, но таких, которые соединены с распятием себя, с отсечением своей воли и разума, хотя бы наша воля и разум были самые святые и преподобные. Апостол Павел желал обратить весь мир

во Христа. Преизобильная благодать, в апостоле обитавшая, представляла такое намерение вполне возможным, а само намерение было преисполнено любви к ближнему и Богу, следовательно, было самое благое. Но Бог попустил, чтобы на поприще проповеди, которые было предоставлено апостолу Самим Богом, повстречали апостола бесчисленные препятствия и лютейшие скорби. Это должно и нас утешать, яко многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие

В письмах на Валаам епископ Игнатий сообщает о своей жизни. «Ваше, Высокопреподобие, честнейший отец игумен Дамаскин! Поживаю по милости Божией довольно благополучно. Епархия новая. Ничего еще нет. И архиерей, и консистория, и семинария странствуют по квартирам. Домик себе строю деревянный, весьма небольшой и весьма удобный, при церкви из комнат в церковь ход, пред церковью комната, именуемая моленною, с окошечком. В церкви можно архиерею слушать все службы в моленне, отворив окошечко. Спасение к самым дверям моим пришло, как некогда оно пришло в лице Лазаря ко вратам богача. Церковь с домиком моим находится посреди большого сада, в коем множество фруктовых деревьев, вдали от шума и весьма напоминает Оптинский скит. Здесь нет обычая у жителей посещать архиерея иначе, как в великие праздники, утром для поздравления: почему я пользуюсь таким уединением, какового никогда не имел в Сергиевой пустыни. 24 года без двух месяцев я прожил в пустыни, но никак не мог к ней привыкнуть! Не могу нарадоваться, что из нее вышел.

Поберегите Вашего нового благочинного, с ним лучше будет, нежели во всеми другими: придирок от него не может быть, и монашество довольно понимает. Пред отъездом моим я советовал другое, и на тот совет соглашались, но по отъезде моем послышу, вышло иное. Что делать! Случившееся случилось не без мановения и попущения Божия. В наш век, как я заметил, редко когда удается какое монашеское или чисто христианское намерение. Отовсюду возникают препятствия ... Видно, попускается людям то, чего они желают, яко одаренным свободною волею по учению апостола (2Солун. 2:10–12). И здесь жатва обширная, но жнецы от жатвы удаляются и серпы у

них отнимаются: по этой причине весьма мало магометан, коих здесь множество, обращаются в христианство, весьма мало раскольников присоединяются к церкви. Видно, Господу угодно, чтобы мы сами научались терпению, смирению, покорности воле Божией и внимали более своему собственному спасению. Это я говорю относительно своего положения ... Позвольте пожелать Вам, честнейший отец игумен, благоденствия и долгоденствия и прочих всех благ временных и вечных. Передайте мой усерднейший поклон всей о Господе, братии Вашей. Прошу у Вас и братии святых молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных. Если кого оскорбил, у того прошу прощения и всем заочно земно кланяюсь. Недостойный епископ Игнатий. 21 июля 1858 года».

"Ваше, Высокопреподобие, честнейший отец игумен! Спаси Вас, Господи, за воспоминания Ваши о мне и поздравления. По милости Божией и Вас не забыл, но постоянно с любовию и благожеланием воспоминаю, чему служат доказательством постоянные мои ответы на все письма Ваши. И на будущее время не останавливайтесь уведомлять меня о себе, о врученном Вам братстве, паче же о лицах, мне знакомых, равным образом и об обители. Какие постройки Вы воздвигли после моего отбытия и какие намерены воздвигнуть?

О себе скажу Вам, что поживаю благополучно под сению милости Божией. Случаются приятные обстоятельства, случаются и неприятные, весьма неприятные. Так как те и другие посылаются Промыслом Божиим, и в тех и других является к человеку неизреченная милость Божия: то понуждаюсь и в тех и в других мирствовать и благодарить Бога. Заметил я над собою, что при благоприятных обстоятельствах более бывает отрада по телу, и для тщеславия и самомнения открывается некоторый почти незаметный ход, а при неприятных бывает более духовное утешение, и человек с отвержением самомнения начинает прибегать к Богу и деятельно познавать Бога, яко многомилостив есть и всемогущ и скор на помощь призывающих Его. Как и что Вы заметили в себе? Напишите.

Прекрасно сказал блаженный Иоанн Карпафинский в своем постническом слове о скорбях, посыпаемых инокам, что они суть величайшая благодать Божия ... 12 января 1861 года».

Епископ Игнатий, несмотря на болезнь и немощи, всегда сохранял живой интерес к жизни Валаамской обители: он просит постоянно сообщать ему новости из жизни монастыря. Письма, приходящие с Валаама, доставляли ему немало радости и утешения.

Игумен Дамаскин в письме от 15 июня 1861 года рассказывал о новом большом строительстве на Валааме. На Предтеченский остров перевезена деревянная церковь, построенная валаамскими монахами в начале XVII века на Васильевском погосте близ города Старая Ладога. На Никольском скиту около храма возведен каменный дом. К тому времени на Валааме уже существовало четыре скита: во имя Всех Святых, Предтеченский, Никольский и скит во имя преподобного Александра Свирского. «Так Валаамская обитель пустила несколько пустынных ветвей. Благость Всеблагого да сохранит их и да возрастит в великие древеса!» – пишет игумен Дамаскин. Он делится с епископом Игнатием своими планами: предполагает заменить кресты собора на позолоченные, за кладбищенской оградой построить каменный двухэтажный дом, в котором разместятся мастерские, лесопильная машина, кузница, баня, машина для подъема воды на гору. Игумен рассказывает и о планах, касающихся строительства Валаамского подворья в Москве.

Радуясь благословенным Господом трудам насельников монастыря, епископ Игнатий отвечает игумену Дамаскину:

Возлюбленнейший о Господе отец игумен Дамаскин! Сердечно радуюсь преуспеянию святой обители Валаамской, для которой нужно по ее обширности и многочисленности братства, по особенному удобству ее к иноческой жизни, усилию способов, к устроению и содержанию, да всякое вещественное довольство имуще возможет преизобиловать она духовным благотворениям». 5 июля 1862 года».

В середине октября 1861 года епископ Игнатий, освобожденный по состоянию здоровья от управления

Ставропольской епархией, прибыл в Николо-Бабаевский монастырь, расположенный на берегу Волги, на границе Костромской и Ярославской губерний и во многом напоминавший Валаам. Здесь он провел последние годы жизни.

В своем письме от 16 ноября 1861 года епископ Игнатий ведал: «Всеблагий Бог по неизреченной милости Своей даровал мне то, чего я давно искал и о чем всегда помышлял. Общежительный монастырь святителя Николая, именуемый Бабаевским, послужил мне тихой пристанью после продолжительного и опасного обуревания в житейском море. ... Устав монастыря схож на Валаамский: ибо порядок здесь введен настоятелем, воспитанником Саровской пустыни. По времени порядок этот несколько изменен другими настоятелями. Мне хочется в некоторой степени, в наиболее в духовном отношении восстановить Саровский устав. По сей причине утружаю Вас покорнейшею просьбою: прикажите прислать для меня Валаамский устав. ... Также потрудитесь прислать чертежи гостиницы Вашей. Также, когда откроется навигация, не откажите низменную камилавку и клубок, какие Вы сами носите: мне они весьма нравятся, а нынешние модные высокие очень не нравятся. Потрудитесь передать всем отцам и братиям святой обители Вашей мое благословение и усерднейший поклон.

Повторяю Вам, что я должен непрестанно славословить неизреченное милосердие Божие ко мне. Временное, каково оно ни было, все временное, а кому Бог дарует время и способ к покаянию, тому дарует залог вечного, неотъемлемого, аще и сами не пренебрежим Божиим даром. 16 ноября 1861 года».

На новом месте епископ Игнатий обрел желанный покой. После тяжких трудов и многих скорбей посреди человеческого общества сладок покой уединения», – пишет он игумену Дамаскину 1 января 1862 года. Зимой в монастыре посторонних почти не бывает из-за отдаленности городов и трудности проезда. Епископ приглашает игумена Дамаскина посетить летом Николо-Бабаевский монастырь. Вы можете преподать нам много полезных советов, а мы постараемся по ним

исправить здешний чин, который несколько уклонился от введенного первоначально».

В февраля 1862 года епископ Игнатий сообщает игумену Дамаскину: «По болезненности сижу безвыходно в келии, в церкви мог быть только четыре раза за всю зиму...». На приглашение игумена посетить Валаам он отвечает: «Нет родной мой! Видно, я простился навсегда с Валаамом, так сужу по болезненности моей. Надо собираться в путешествие, в иное, уже не по водам, а по воздуху. На все свое время и за все слава Богу! ... Здесь вводим многое по валаамскому образцу. Столовое пение заведено, откровение помыслов старцев заводим, особливо для новоначальных, старожилов же не принуждаем. Местом я очень доволен, паче тем, что меня никто не беспокоит. Это крайне нужно мне.

Благословение Божие да почиет над Вами и над Святой обителью. 27 февраля 1862 года».

Здоровье епископа Игнатия ухудшалось. 4 апреля 1866 года он пишет игумену Дамаскину: «Нахожусь в крайнем изнеможении и прошу у обеих Обителей, паче же у их Настоятелей, чтоб помолились о мне, грешном и болящем». В октябре того же года он сообщает, что его здоровье настолько слабо, что смерть кажется очень близкой. Последнее письмо – поздравление с приближающимся Светлым Христовым Воскресением – епископ Игнатий отправил на Валаам 10 апреля 1867 года, менее чем за три недели до своей кончины.

С самой первой встречи с Валаамом и до завершения земного странствования епископ Игнатий был попечителем и наставником Валаамского монастыря. Это проникновенно выразил игумен Дамаскин в своем письме Владыке Игнатию от 30 декабря 1866 года: «Вы так заботливо, так отечески хранили Валаам. Своими попечениями Вы взрастили его. Это неизгладимо и в наших сердцах, и на страницах истории».

Валаам был для святителя Игнатия «как бы планетою на лазоревом небе. «И, точно так он далек от всего! Он как будто не на земле! Жители его мыслями и желаниями высоко поднялись от земли! Валаам – отдельный мир! Многие его иноки забыли, что существует какая-нибудь другая страна! Вы

встретите там старцев, которые с своего Валаама не бывали никуда по пятидесяти лет и забыли все, кроме Валаама и неба.

Братия! Благую часть избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова к миру какую-нибудь суетною, временною приятностию мира! В нем все так шатко, так непостоянно, так минутно, так тленно! Вам даровал Промысл Божий отдельное, удаленное от всех соблазнов селение, величественный, вдохновенный Валаам. Держитесь этого пристанища, не возмущаемого волнами житейского моря, мужественно претерпевайте в нем невидимые бури, не давайте благой ревности остывать в душах ваших, обновляйте, поддерживайте ее чтением святых отческих книг. Бегите в эти книги умом и сердцем, уединяйтесь в них мыслями и чувствованиями, и Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, сделается для вас ступенью к небу, тою духовную высотою, с которой удобен переход в обители рая».

Иеросхимонаха Михаил (Попов)

Иеросхимонах Михаил (в миру Михаил Попов) родился 8/21 октября 1871 г. в мещанской семье в Кронштадте. В 1889 г. Михаил прибыл на Валаам при игумене Гаврииле и был определен на общие монастырские послушания.

Впоследствии, благодаря старательности, добросовестности и благочестивому настрою души, ему доверяли многие ответственные послушания в монастыре. Михаил от природы имел хороший голос, и ему было дано послушание канонарха за монастырским богослужением. Хорошо разбираясь и любя церковное пение, Михаил активно помогал игумену Гавриилу в нотной записи древних Валаамских распевов, вышедших в печати под названием «Обиход Валаамского монастыря».

В 1899 г. Михаил был пострижен в монашество с именем Маркиан, в 1903 г. рукоположен во иеромонаха.

В 1911 г. о. Маркиан совершил продолжительное паломничество в Палестину и на Афон. В 1921 г. Валаамская братия избрала его своим духовником. В 1924 г. о. Маркиан принял великую схиму с именем Михаил.

Ученик о. Михаила, будущий архимандрит Афанасий (Нечаев) оставил следующие проникновенные воспоминания о своем старце: «Нужно уметь заглянуть в глубину духовной жизни Валаама, чтобы рассмотреть отдельных исполинов духа в его недрах. Первым таким исполином был духовник сего монастыря отец Михаил. К нему меня направили для духовного окормления. Келья его состояла из трех отделений: приемная, молельня и спальня. Из нее дверь вела прямо в храм над Святыми вратами во имя святых апостолов Петра и Павла. С трепетом вошел я в эти покой духа, ощущая особую келейную атмосферу тепла и уюта и какого-то духовного благоухания. Приемная увешана образами, обставлена портретами старцев.

Первая встреча с отцом Михаилом произвела на меня неизгладимое впечатление. С тех пор навсегда врезался в мою душу его образ. Это был совсем обычновенный человек. Но

именно потому-то, очевидно, это был действительно настоящий человек. Мы говорим: «Людей много, а человека нет». И вот я увидел пред собою настоящего человека. Словами это не выразишь. Но всякий это и без того понимает, потому что образ настоящего человека живет в каждом из нас. И когда встретишь такого человека, то почувствуешь, что ты как бы сливаешься с ним в одно, как будто твои искаженные черты накладываются на его нормальные и исправляются, а ты сам становишься нормальным человеком. Сказывается это прежде всего в том, как подходит к тебе этот настоящий человек. Он принимает тебя всем сердцем. Этого одного достаточно, чтобы и ты раскрыл ему все свое сердце...

У этого старца очень оригинальная индивидуальность. Это вполне русский мужичок, с простой образной речью, полный, с небольшой бородкой, простым русским лицом. Но вот одеяние, схимы, четки и особенно манера держаться с вами обличает в нем врача духовного. Как врач он подвигается к тебе, всматривается внимательно, ласково и бережно, да, особенно бережно обращается с тобой. Он не предписывает духовных лекарств, не повелевает, а только как бы намеками побуждает вас делать то именно заключение или решение, которое ему кажется для вас правильным. И вы покидаете его с таким чувством, как будто вам вправили вывихнутую руку. Такое чувство облегчения мира душевного находит на вас. К нему я ходил часто вначале, каждый день и все докучал ему своей нетерпеливостью».

Отец Михаил был духовником братии в исключительно сложное для Валаама время. После Октябрьской революции 1917 г. Валаам территориально принадлежал Финляндии, получившей независимость. В 1923 г. Финляндская Православная Церковь переходит на новый (григорианский) календарный стиль в богослужебной практике. Его насильственно вводят и в Валаамском монастыре.

«Мне довелось быть свидетелем того печального момента, – вспоминает архимандрит Афанасий (Нечаев), – когда нарушилось на Валааме единство церковной жизни, и братия монастырская, подобно дереву, расщепленному грозой,

распалась на две группы... А случилось следующее: неожиданно для всех приехал на Валаам из Лондона греческий Митрополит Германос, представитель Константинопольского Патриарха в Западной Европе (устанавливать новый календарный стиль). Часть монахов с духовником о. Михаилом и наместником о. Иоасафом во главе отказалась с ними сослужить... Я только один раз видел за это время своего духовника о. Михаила, не хотел докучать ему собою, зная, какую ответственную роль играет он в этом вопросе. И он сказал мне лишь одну фразу, но твердо и решительно: «Нам святые каноны не позволяют быть с нарушителями их». И почувствовал я это у него непреложное...».

В своем дневнике в 1925 г. иеромонах Памва писал, что за отказ служить Пасху по новому календарному стилю: «...15 декабря 9 часов утра на пароходе «София» увезли духовника иеросхимонаха Михаила в скит на Германовский остров».

В 1926 г. иеросхимонах Михаил был переведен из Тихвинского скита в скит Иоанна Предтечи, где провел последующие восемь лет, страдая сердечной слабостью.

О его внезапной кончине иеромонах Памва записал в своем дневнике: «1934 г. мая 21-го (н. ст.) в мире во Христе скончался иеромонах Михаил. О. Михаил, наш кронштадтский житель, жил в скиту Св. Иоанна Предтечи. В 3-м часу дня поехал один в лодке, чтобы перевезти к себе в гости отца Иувианаканцелярщика, и на середине залива скончался в лодке от разрыва сердца, и лодку погнало в озеро с ним, а он лежал на боку, и в лодку уже набралось много воды. В скиту услышали крик и сильный звон в било. Один рясофорный послушник, певчий Валентин тоже был в скиту в гостях. Он поехал на лодке и увидал отца Михаила упавшего и лодку его на буксире привезли к берегу, а затем в монастырь. Ему было 65 лет».

Иеросхимонах Михаил погребен на Старом братском кладбище. К сожалению, не сохранились место захоронения старца и могильная плита.

Схимонах Анастасий (Алексеев)

Схимонах Анастасий (в миру Андрей Алексеев) родился 30 июня 1867 г. в крестьянской семье Новгородской губернии. О его жизни в миру почти ничего неизвестно. Сам старец рассказывал: «Однажды я захотел причаститься у о. Иоанна Кронштадтского, но подумал, что он не допустит до Святой Чаши. Но все-таки я пошел и всё думал, что я такой великий грешник и что недостоин. О. Иоанн меня причастил и велел прийти к нему на обед».

26 июня 1901 г. Андрей поступил в Валаамский монастырь, а 10 марта 1908 г. зачислен в послушники. Проходил разные послушания, находился при монастырском доме в Новгороде, был пономарем у раки преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев. В 1912 г. принял постриг с именем Архип, его послушание в это время было на коровнике.

В 1925 г. монах Архип удостоился принять пострижение в великую схиму с именем Анастасий. После принятия схимы старец жил в скиту Всех святых и нес послушание пономаря. О. Анастасий получил от Бога дар прозорливости. Однажды, когда послушник Георгий пришел к нему летом в скит, о. Анастасий принял его очень ласково и приветливо и стал угождать чаем. Побеседовав с послушником, он пошел провожать его в монастырь. Через некоторое время вдруг о. Анастасий поклонился послушнику Георгию три раза в ноги и быстро ушел. Через три дня этого послушника не было на Валааме, его выгнали из монастыря (в числе «старостильников»).

Архимандрит Афанасий (Нечаев) вспоминает о встрече с отцом Анастасием: «Прихожу однажды я в скит Всех Святых. Вхожу в храм и вижу, как при аналое стоит низенького роста схимник и читает: Помянник и Псалтирь. В храме никого нет. Через несколько минут схимник заканчивает и оборачивается. Увидев меня, быстро подходит с сияющей улыбкой и с каким-то поражающим восторгом начинает лобызать меня, обнимать и приговаривать: “А милый мой, вот пришел навестить нас, грешных. Недостойны мы и смотреть-то на лики человеческие

по грехам нашим. А ты вот удостоил нас. Спаси тебя Христос, спаси". "Ведь это только царя так можно встречать", – думал я в несказанном смущении. И начал этот схимник Анастасий, так звали его, рассказывать, как они живут, как молятся, как хорошо им здесь. А в промежутках опять весь сияющий, обнимает меня. Так и тает от внутреннего счастья. Как будто я, брат его любимый, пропадавший без вести много лет, теперь пришел к нему невзначай и тем привел его в такой восторг и волнение. А волнение столь сильное, что непрерывно слезы катятся у него из глаз, слезы любви и умиления. А на вид такой маленький, с длинными каштановыми волосами на голове и бороде, и еще не старый, лет пятидесяти пяти. "Приходи, приходи к нам, ты ведь теперь послушником у нас". Так обласкал меня этот незнакомый, совсем простой крестьянский схимник. И не только согрел, а прямо растопил мою душу так, что я до сих пор вижу и чувствую его как живого. Через много лет я посыпал о. Анастасию по десяти франков на гостинец через паломников, которые потом рассказывали мне, с какими слезами восторга встречал их отец Анастасий и как пламенно благодарил меня за подарок. "Молюсь, молюсь за него все время", – просил передать он мне. Этого схимника я могу сравнить лишь с преподобным Серафимом Саровским, который, как известно, встречал многих словами: "Христос воскресе, радость моя".

За простоту и смиление о. Анастасий получил от Бога дар слез. Послушник Георгий рассказывал, как однажды, когда он нес послушание в больнице, слышит он, что кто-то кричит и плачет по-детски. Он очень смутился, потому что это было в больничной церкви. Он отодвинул занавеску, посмотрел и видит, что в темной церкви стоит о. Анастасий и текут у него два потока слез. Тогда послушник быстро и тихо задвинул занавеску и ушел. О. Анастасию даже запретили плакать, так как он своими слезами привлекал туристов. Но это послушание он не мог выполнить, хотя и старался улыбаться. Старец постоянно творил Иисусову молитву.

Схимонах Анастасий скончался 20 августа 1939 г. (н. ст.). Тело старца погребли на старом братском кладбище монастыря.

К сожалению, точное место захоронение о. Анастасия не известно.

Примечания

¹ - ГИМ. Уваровская летопись. 5681; XVII в., лист 185. РНБ. Погодинская летопись. 1403. XVII в. Там же. 1953. XVII в.

² - Российская летопись по списку Софийсому. Сп., 1795.

³ - БАН, Двинское собрание, №51, л.272, в отдельном перечне без указания дня памяти.

⁴ - Там же. Л.263, в отдельном перечне без указания дня памяти.

⁵ - РНБ, собр. Погодина, № 1931, л.31, 10 сентября.

⁶ - РГИА, ф.796, оп.24, ед.хр.217. Книга расходная о выдаче по предложению Святейшего Синода прислать из Канцелярии о строении и конфискации святых образов и книг в разные места 1743 года мая 26 дня. Реестр конфискованных к присланным из разных мест образам, лампадам и книгам, которые Святейшего Правительствующего Синода отданы в домовую Преосвященного Никодима епископа Санкт-Петербургского и Слупербургского канцелярию. Л.29 » №199 «Образ в молении преподобных Сергия и Германа Валаамских чудовторцов, вецы и оклад серебреные, чеканой работы позолочен рубль. Оценка 1 руб.»

⁷ - ЛОИИ, Собрание Лихачева №328, оп.1, №243. О святых великоновгородских епископах и архиепископов и преп. и чудотворцах. Данное сказание составлено на основе рукописи именуемой «Летописец соборный», XIV-XV века. В настоящее время, к сожалению, утраченного.

⁸ - Записки капитана Якова Яковл. Мордвинова, журнал о походах в Соловки и на Валаам острова 1744, 1752, 1764, 1784 гг.

⁹ - Акты исторические», изданные Археографической комиссией, Т.1, №142, стр.235–236.

¹⁰ - Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова журнал о походах в Соловки и на Валаам острова 1744, 1752, 1764, 1784 гг.

¹¹ - Там же.

¹² - Мефодий, епископ Астраханский и Ставропольский, родился в 1700 году. С юных лет он жил в монастыре в числе послушников. В восемнадцать лет принял монашество. 10 мая 1758 года архимандрит Мефодий был посвящен во епископа в городе Казани, а 12 августа прибыл в Астрахань. Со дня пострижения в монашество и до самой смерти он вел самую строгую иноческую жизнь: он не пропускал ни одной службы: ни утрени, ни литургии, ни малой вечерни, ни всенощного бдения, кроме случаев тяжкой болезни. Простота его обращения с людьми и всей его жизни простиралась до того, что он сам участвовал во всех монастырских работах: в одной свитке с заступом или с лопатой в руках копал гряды, сажал растения наряду с другими монахами, так что трудно было узнать, кто из них епископ. И при таких трудах он никогда не пропускал ни церковного, ни келейного правила, мало давая себе отдыха. Особенно же епископ Мефодий прославился своим милосердием к бедным без различия звания и вероисповедания. Обремененный преклонными летами и многосложными трудами, епископ Мефодий возымел решительное намерение оставить Астраханскую кафедру и поселиться в Саровской пустыни. Но Господь судил ему иначе окончить жизнь. В 1776 году, 29 мая, объезжая свою епархию, епископ Мефодий скончался. В 1801 году гроб его был освидетельствован при епископе Платоне, причем тело его и облачение найдены нетленными.

¹³ - Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, (в миру Петр Петрович Петров-Шапошников), 1730 г.р. По желанию Императрицы Екатерины II был в 1770 году назначен на Санкт-Петербургскую кафедру в сане архиепископа. В 1783 году возведен в сан митрополита. Особая заслуга митрополита Гавриила состоит в возобновлении пришедших в упадок многих монашеских обителей на севере Руси, в том числе Валаамского и Коневского монастырей. В 1799 году указом Императора Павла I был выслан в Новгород. Скончался 26 января 1801 года.

¹⁴ - О том, как мудро при устройстве монашеских келий поступил игумен Назарий, видно из рассказа одного паломника,

посетившего Валаамский монастырь в 1858 году. «Через святые ворота я вошел на внешний двор, разделяющий внутренний четырехугольник монастырских зданий от внешнего. С правой стороны от святых врат расположены келии чередных иеромонахов и церковь во имя святителя Николая Чудотворца, с левой же стороны находятся келии братии и казначея.

Замечательно, что окна келий не одного размера, но большие перемежаются маленькими. Причина разнообразия объясняется историей постройки Валаамского монастыря. Внутренний четырехугольник построен при игумене Назарии, который для иноков назначил два рода келий: холодные, с небольшими окнами для молитвы и теплые, с большими окнами для пребывания в остальное время». [Поездка на Валаам // Русский художественный листок. №33. 1858]

¹⁵ - На Аляску для проповеди слова Божия отправились шесть валаамских и два коневских инока во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым). Это иеромонах Макарий, иеромонах Иувеналий (претерпевший мученическую кончину) иеромонах Афанасий, иеродиакон Нектарий, монах Герман (преподобный Герман Аляскинский) и иеродиакон Стефан с монахом Иоасафом.

¹⁶ - Обжительный порядок заведен в следующих новгородских монастырях: Иверском, Тихвине Большом, Клопском, Отенском, Дымском и в Филиппо-Ирапской пустыни.

¹⁷ - Архимандрит Феофан – настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря. Родился в 1742 году в дворянской семье. Пострижен в монашество в 1775 году в Валахии в Тисманском монастыре архимандритом Феодосием. В 1777 году определен во Флорищеву пустынь, в 1778-м – в Софрониеву пустынь. В 1780 году переведен в Александро-Невскую Лавру. 24 декабря 1782 года стал келейником митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила. 14 сентября 1791 года назначен игуменом в Моденский монастырь. В 1793 году переведен в Кирилло-Новоезерский монастырь. Скончался в 1832 году.

¹⁸ - Архимандрит Феодосий (в миру Феодор Маслов). Родился в городе Глухове Черниговской губернии.

Первоначально поступил в Свенский монастырь, оттуда ушел в Молдавию к известному старцу Василию (1767) учеником которого был и старец Паисий (Величковский). В 1767–1778 годах отец Феодосии настоятельствовал в Тясминском и Мерлополянском монастырях. В 1779 году он был назначен настоятелем в Молчансую Софрониеву пустынь для возобновления монашеской жизни. Здесь он ввел общежительный устав Афонской Горы. Преставился ко Господу 9 декабря 1802 года.

¹⁹ - Я. Д. Никольский с 1788 года преподавал Троице-Сергиевой семинарии. Скончался в сане протоиерея Успенского собора в 1839 году.

²⁰ - Схимонах Афанасий (в миру Андрей Николаевич). Родился в 1751 году в Москве. Служил канцеляристом в Московской Главной Дворцовой канцелярии. В 1773 году был уволен от службы. С 1779 года находился в Нямецком монастыре у старца Паисия. После издания «Добротолюбия» вернулся на Святую Гору Афон, где был пострижен в монашество 19 августа 1795 года в Свято-Пантократорском монастыре иеромонахом Иеронимом. Затем вернулся к старцу Паисию в Нямецкий монастырь. В 1803 году возвратился в Россию и был определен в Свенский Брянский монастырь. Скончался в 1811 году.

²¹ - Иеромонах Филарет (в схиме Феодор). Родился 9 мая 1758 года в Смоленской губернии. Тринадцати лет поступил в Саровскую пустынь, а затем в Московский Симонов монастырь. В 1785 году пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона. В 1788 году перемещен в Александро-Невский монастырь, а в следующем году рукоположен во иеромонаха. В 1794 году определен в Новоспасский монастырь. В 1798 году избран братским духовником. На следующий год был по болезни освобожден от всех должностей. В 1826 году был келейно пострижен в схиму. Обладал в высокой степени духовными дарами мудрого совета и прозорливости. Скончался 27 августа 1842 года.

²² - Александр – архимандрит Арзамасского Спасского монастыря. Родился в 1758 году в Малороссии. Учился в

Киевской духовной академии, служил в Московском департаменте Камер-коллегии. В 1790 году поступил в Московский Новоспасский монастырь. В 1793 году пострижен в монашество. Рукоположен во иеродиакона и иеромонаха митрополитом Гавриилом, имевшим к нему особое расположение. Отец Александр переписывался со старцем Паисием (Величковским). В 1810 году возведен в сан архимандрита в Арзамасском Спасском монастыре, настоятелем которого он был с 1810 по 1820 год. Келейно принял образ святой схимы. Скончался 29 апреля 1845 года.

²³ - Мефодий (Смирнов) архиепископ Псковский. Родился в 1759 году. Обучался в семинарии Троице-Сергиевой Лавры и Московской Славяно-Греколатинской академии. Затем определен учителем греческого и еврейского языков и риторики в семинарию при Троице-Сергиевой лавре. Здесь был пострижен в монашество. С 1783 по 1784 год был там же префектом и учителем философии, а с 1784 по 1790 год – ректором в чине иеромонаха. В 1790 году посвящен во архимандрита Московского Заиконоспасского монастыря и определен ректором Московской духовной академии. В 1794 году переведен в Новоспасский монастырь. 21 мая 1795 года хиротонисан во епископа Воронежского и Черкасского. Скончался 2 февраля 1815 года в сане архиепископа Псковского.

²⁴ - Архимандрит Авраамий (Флоринский). Родом из малороссийских мещан. Обучался в Киевской духовной академии, где и был пострижен в 1752 году. С 1752 по 1758 год находился при академии. В 1758 году определен настоятелем в Виленский Свято-Духов монастырь. В 1762 году назначен архимандритом Владимирского Константинова монастыря и ректором Владимирской семинарии. В 1773 году переведен в Ростовский Борисоглебский монастырь, в 1775 году – в Ростовский Авраамиевский монастырь, а в 1786 году – в Ростовский Яковлевский монастырь, где и скончался 30 апреля 1797 года. По указу Святейшего Синода работал над переводом «Бесед Златоустовых на Матфея Евангелиста» и др.

²⁵ - Архимандрит Софроний – ученик преподобного Паисия Величковского. Нес послушание духовника славянской братии в Нямецкой обители. После кончины старца Паисия в 1794 г. был избран настоятелем обители.

²⁶ - Интересна судьба этой рукописи. Она была прислана старцем Паисием митрополиту Гавриилу с собственноручной в предисловии (после посвящения ему книги) припиской: «Его же есмь недостойный раб, трудивыйся в переводе сем С[вя]тогородицкого, Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский, родимец Полтавский. 1791 года ноября 23 дня».

²⁷ - В 1800 году в Святейший Синод было подано прошение Витебской губернии Оршанского уезда дворянина Ильи Макаревича о собрании Вселенского собора в Киеве и восстановлении патриаршества в России. В качестве претендента на патриарший престол он выдвинул игумена Назария. В данном случае это свидетельствовало о глубоком почитании отца Назария. Можно предположить, что это прошение сыграло роль в судьбе старца, и ему пришлось вынужденно просить увольнения на покой.

²⁸ - В рапорте Святейшему Синоду от января 1838 года «О беспорядках в Валаамском монастыре и мерах по их устраниению» архимандрит Игнатий (Брянчанинов) пишет: «... игумен Назарий, живя уже на покое, не мог не входить в дела управления монастырем, и епархиальное начальство нашлось принужденным вывести его из Валаама». [Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2002. С. 134.]

²⁹ - В Екатеринодарском Николаевском монастыре, в земле черноморских казаков отец Назарий прожил десять месяцев, но тяжелый сырой климат заставил его в 1805 году вернуться в Саровскую пустынь.

³⁰ - Речь идет о Гогландском морском сражении, которое состоялось в ходе русско-шведской войны 1788–1790 гг. между русской и шведской эскадрами в районе о. Гогланд (Финский залив) 6 июля 1788 г. Шведская эскадра вошла в Финский

залив, чтобы блокировать Кронштадт и разбить русский флот, а затем атаковать Петербург. Русская эскадра вышла из Кронштадта навстречу противнику, и в 17 часов 6 июля началась артиллерийская дуэль. Однако уступить должна была шведская эскадра, скрывшаяся в Свеаборге. Потери сторон были примерно равны (русские потери составили 349 человек убитыми, 644 ранеными и 754 пленными). Победа сорвала планы шведов высадить десант и атаковать столицу России.

³¹ - Схимонах Феодор (1756 7 апреля 1822) ученик преп. Паисия Величковского. Старец. Проживал в скиту Всех Святых с 1812 по 1818 год. Скончался в Александро-Свирском монастыре.

³² - Иеромонах Леонид в схиме Лев (Наголкин) старец Оптинский. До 1828 года проживал в Александро-Свирском монастыре, затем в Площанской пустыни, откуда в 1929 году перешел в Введенскую Оптину пустынь. Скончался 11 октября 1841 года. Прославлен в соборе Оптинских старцев на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 года.

³³ - Игумен Вениамин был избран из числа братии Коневского монастыря в противоречии с уставом Валаамской обители. Во время его правления в обители стал нарушаться устав, введенный игуменом Назарием, и многие обычаи, принятые в монастыре.

³⁴ - В 1872 году, 6 августа, обитель посетили три святителя: Преосвященный Никандр, епископ Тульский, Преосвященный Тихон, епископ Саратовский и Преосвященный Вениамин, епископ Харьковский.

³⁵ - Впоследствии архимандрит Агафангел – известный старец, строитель Александро-Свирского монастыря. Ученик игумена Дамаскина.

³⁶ - Игуменья Таисия (†1915 год), старица, известная своей высокой духовной жизнью, своими трудами по благоустройству нескольких женских монастырей. Ученица святого праведного Иоанна Кронштадского.

³⁷ - Пустыньки и пещеры Валаамских подвижников и их жизнеописания. /Сост. мон. Иувиан (Красноперов) и Гавриил (Калугин) // Русский паломник. 1994. №10. С.100–101.

³⁸ - Немирович-Данченко В.И. Мужицкая обитель. СПб., 1911.

³⁹ - См.: Государь император Александр I на Валааме в августе 1819 года. Царское Село, 1858.

⁴⁰ - Деревянную гробницу над могилой схимонаха Николая время от времени приходилось обновлять, так как у паломников был обычай отколупывать от гробницы щепочки. Считали, что эти щепочки помогают от зубной боли. (см. Зайцев Б. Валаам // Лит. учеба. 1991. Кн. 1. С. 63).

⁴¹ - 28 июня 1858 года пустынью посетил император Александр II с августейшей супругой и детьми – великими князьями цесаревичем Николаем, Александром, будущим императором Владимиром и Алексеем Александровичами, а также великая княгиня Ольга Николаевна с супругом. 30 июня 1887 года могилу старца посетили великий князь Владимир Александрович (второй раз) и его супруга великая княгиня Мария Павловна.

⁴² - Иеромонах Пимен (в миру Петр Гаврилов)- из дворян. Поступил в Валаамский монастырь в 1852 году. Автор книг, изданных Валаамским монастырем: Замечательная жизнь иеросхимонаха Антипы. СПб. 1893 В защиту монашества. СПб. 1876. В каком виде сохранилось Священное Писание Ветхого и Нового Завета до наших дней. СПб. 1879, и других.

⁴³ - Послание Святейшего Синода от 22 июля 1917 года // Русская Церковь 1917 – 1925. – М., 1996. – С.15.

⁴⁴ - Русская Церковь 1917 – 1925. – М., 1996. – С.76.

⁴⁵ - Архив Валаамского монастыря. Ф.3, оп.8. Послужной список за 1917–1918 г.г.